Роджерс Пилгрим

оружие и правила дуэлей

Искусство ведения поединков

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Труд Дж. Гамильтона представляет собой уникальное историческое исследование конфликтов между представителями высших сословий. Автор систематизировал все виды вооруженного разрешения ссор и споров, основываясь на специальной документации судебных процессов, связанных с дуэлями, которые долгие годы считались наиболее адекватным средством защиты против оскорбления. В книге подробно описаны правила организации поединков, приведен кодекс чести, которого испокон веков придерживались соперники. Кроме того, в книгу вошли любопытные описания поединков знаменитых дуэлянтов – Петра I, Наполеона, Генриха IV и других известных персон.

- Джозеф Гамильтон
  -
  - ДЕЛО ЧЕСТИ
  - КОРОЛЕВСКИЙ КОДЕКС ЧЕСТИ
    - I
    - II
    - III
    - IV
    - V
    - VI
    - VII
    - VIII
    - IX
    - X
    - XI
    - XII
    - XIII
    - XIV
    - XV
    - XVI
    - XVII
    - XVIII
    - XIX
    - XX
    - XXI
    - XXII
    - XXIII
    - XXIV

- XXV
- XXVI
- XXVII
- XXVIII
- XXIX
- XXX
- XXXI
- XXXII
- XXXIII
- XXXIV
- XXXV
- XXXVI
- XXXVII
- XXXVIII
- XXXIX
- XL
- XLI
- XLII
- XLIII
- XLIV
- XLV
- XLVI
- XLVII
- XLVIII
- XLIX
- L
- LI
- LII
- LIII
- LIV
- LV
- LVI
- LVII
- LVIII
- LIX
- LX

○ НЕСКОЛЬКО КОРОТКИХ И ПОЛЕЗНЫХ РАЗМЫШЛЕНИЙ О ДУЭЛЯХ

○ СОПРОВОДИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА СУДА ЧЕСТИ

-
- Извлечение из «Фрименз джорнал» от 18 июля 1828 года

○ ИЗ ИСТОРИИ ДУЭЛЕЙ

○ ССОРЫ КОРОЛЕЙ И ВИЦЕ-КОРОЛЕЙ

- КИР И ВЛАДЫКА ВАВИЛОНИИ
- ДАВИД И ГОЛИАФ
- ТУРН И ЭНЕЙ
- АРУН И БРУТ
- АНТОНИЙ И ОКТАВИАН
- ГЕНРИХ IV
- ГЕНРИХ V
- ДВА ИРЛАНДСКИХ ПРАВИТЕЛЯ
- МАЛЬКОЛЬМ III, КОРОЛЬ ШОТЛАНДИИ[25]
- ГУСТАВ II АДОЛЬФ
- ПЕТР I ВЕЛИКИЙ
- ГЕРЦОГ ЙОРКСКИЙ
- ПРИНЦ КОНДЕ
- КОРОЛЬ ФРАНЦИИ И ГЕРЦОГ БУРБОНСКИЙ
- НАПОЛЕОН
- БЫВШИЙ НАСЛЕДНЫЙ ПРИНЦ ГЕССЕНСКИЙ ХОМБУРГ
- ВИЦЕ-КОРОЛЬ НОРВЕГИИ
- ЛОРД-НАМЕСТНИК ИРЛАНДИИ

○ ОПАСНОСТЬ БЫТЬ СЕКУНДАНТОМ ИЛИ ЗРИТЕЛЕМ
○ УСПЕШНОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО
○ ОПРОМЕТЧИВОСТЬ ДРУЗЕЙ И РОДСТВЕННИКОВ
○ НИЧТОЖНЫЕ ПОВОДЫ ДЛЯ ССОР
○ ССОРЫ, ВОЗНИКШИЕ ИЗ-ЗА ОШИБКИ
○ ДУЭЛИ МЕЖДУ БРАТЬЯМИ
○ ДУЭЛИ МЕЖДУ ДРУЗЬЯМИ
○ СКАНДАЛЬНЫЕ ЛИЧНОСТИ
○ ХИТРОСТИ И УЛОВКИ
○ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРЕССЫ
-
- МИСТЕР ГРЭТТАН И МАЙОР ЭДЖУОРТ
- ИЗ «ИВНИНГ ПОСТ»
- ИЗ «МОРНИНГ РЕГИСТР»
- ИЗ «ПЭТРИОТ»
- ИЗ «ГЛОБ»
- ИЗ «МОРНИНГ КРОНИКЛ»

○ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ АДВОКАТУРЫ
○ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ
○ ССОРЫ ИЗ-ЗА ЖЕНЩИН
-
- ОТВЕТ

○ ВЛИЯНИЕ ЖЕНЩИН
○ ССОРЫ ИЗ-ЗА РЕЛИГИИ
○ ОБРАЩЕНИЯ К ЗАКОНАМ

- ОБЯЗАТЕЛЬСТВО СОБЛЮДАТЬ МИР
- ССОРЫ ИЗ-ЗА АЗАРТНЫХ ИГР
- УСТАРЕВШИЕ ПРАВИЛА
  -
  - ПРАВИЛО I
  - ПРАВИЛО II
  - ПРАВИЛО III
  - ПРАВИЛО IV
  - ПРАВИЛО V
  - ПРАВИЛО VI
  - ПРАВИЛО VII
  - ПРАВИЛО VIII
  - ПРАВИЛО IX
  - ПРАВИЛО X
  - ПРАВИЛО XI
  - ПРАВИЛО XII
  - ПРАВИЛО XIII
  - ПРАВИЛО XIV
  - ПРАВИЛО XV
  - ПРАВИЛО XVI
  - ПРАВИЛО XVII
  - ПРАВИЛО XVIII
  - ПРАВИЛО XIX
  - ПРАВИЛО XX
  - ПРАВИЛО XXI
  - ПРАВИЛО XXII
  - ПРАВИЛО XXIII
  - ПРАВИЛО XXIV
  - ПРАВИЛО XXV
  - ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРАВИЛА ГОЛУЭЯ
    - ПРАВИЛО I
    - ПРАВИЛО II
- ИРЛАНДСКИЕ ДУЭЛЯНТЫ
- ЗАМЕТКИ И СЛУЧАИ
  -
  - СУДЬБА ВЫЖИВШИХ
  - НЕПОКОРНЫЕ ДУЭЛЯНТЫ
  - ОТОЗВАННЫЕ ВЫЗОВЫ
  - ОТКАЗ СТРЕЛЯТЬ В ОСКОРБЛЕННОГО СОПЕРНИКА
  - ЗАМЕНА ВЫСТРЕЛОВ
  - ОСЕЧКА – ТО ЖЕ САМОЕ, ЧТО И ВЫСТРЕЛ
  - ПУСТИТЬ КРОВЬ ИЛИ СТРЕЛЯТЬ В ВОЗДУХ
  - ОТКАЗ ОТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ХЛЫСТА

- ИСХОД ВЫБОРОВ РЕШЕН ВЫСТРЕЛОМ
- ОПАСНОСТЬ ПУБЛИЧНОСТИ
- УМЕНЬШИТЬ ЦЕЛЬ
- ДИСТАНЦИЯ
- ОТВЕРГНУТЫЕ ВЫЗОВЫ
- ПРИСУТСТВИЕ ХИРУРГА
- ШУТКИ И ГРУБЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ
- ВРЕМЕНА ГОДА И ПОГОДА
- ЕДИНСТВЕННЫЙ СЕКУНДАНТ
- ПИСТОЛЕТЫ
- ДВОЙНЫЕ ДУЭЛИ
- ПИСЬМЕННЫЕ ЗАЯВЛЕНИЯ
- БЛАГОРОДСТВО СОПЕРНИКОВ
- СМЕЛОСТЬ
- ХВАСТУНЫ
- РЫЦАРСКИЙ СУД ЧЕСТИ
- АНТИДУЭЛЯНТЫ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26

Джозеф Гамильтон
Оружие и правила дуэлей

Этот труд со всем уважением посвящается суверенам, принцам, дворянам и джентльменам всей земли, но особенно тем, кто оценил этот скромный труд автора, который заслужил их лучшей благодарности, высокой оценки и благосклонного сотрудничества.

Джозеф Гамильтон

Аннадейл-коттедж,

близ Дублина

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ДЕЛО ЧЕСТИ

На этот раз мы выбираем, какому
следовать нам курсу,
Враг наступает на нас.

Аддисон

Аристократы, благородные люди и джентльмены христианского мира по прочтении этой книги или исходя из собственного опыта не могут не признать, что в современном обществе они не обладают адекватным средством защиты против оскорбления или вызова.

Майор Доусон, с чьей смелостью и отличным чувством юмора мы знакомы, получил вызов от коллеги-офицера того же звания за то, что майор заставлял его взять еще один бокал; генерал Барри был вызван капитаном Смитом потому, что отказался выпить с ним вина за обедом на пакетботе. Генерал тщетно пытался принести извинения, убедительно объясняя, что в море от вина его мутит. Доктор Додд говорит: «Я знавал, что человеку бросали вызов за то, что он резко вышел из помещения, и достойного человека прервали на полуслове его объяснений». Мы можем привести тысячи подобных примеров[1], которые напоминают нам о ссоре между Виолой и сэром Эндрю Агуе-Чик, в которой последний сказал: «Вы из-за пустяка разбили мое сердце», а Виола ответил: «Вы без всякого повода обнажили против меня шпагу».

В правительстве, в парламенте, при дворе и в судах; на маскараде, в танцевальном зале и театре; в клубе, таверне и на улице; в любой ситуации и в любом обществе необдуманное поведение одного лица может задеть чувства другого.

Члены королевской семьи, государственные министры, законодатели, судьи и другие общественные деятели, которые могли бы привести в свою защиту их официальное положение, все уступают давлению сложившейся традиции, которую втайне презирают. Даже священнослужители вступают в подобные конфликты[2]; и даже генерал Гамильтон после того, как письменно выступил против дуэлей, к сожалению, не устоял против искушения сразиться с Аароном Барром, от руки которого он и пал жертвой на том же самом месте, где раньше погиб его сын. И кому придет в голову искренне удивляться, что молодые люди из Оксфорда, Кембриджа, Итона, Вестминстера и других

школ поменьше рангом то и дело вступали в смертельные схватки? Или же люди, которые вели более скромный образ жизни, должны были одобрять то, что мир называл законами чести, и «прибегать к барьеру, а не к закону»?

Родившиеся и получившие образование в стране, которую выразительно называют Земля дуэлей, знакомые со многими ее лихими обладателями, мы с давних пор считали предметом гордости умение стоять под дулом пистолета. Порой мы считали себя обязанными требовать возмещения за ущерб или сатисфакции за оскорбление, но с глубочайшей благодарностью отмечаем тот факт, что контролер всех человеческих действий (т. е. Господь) никогда не считал необходимым, чтобы современник стоял под дулом вашего пистолета, когда вы имели право на выстрел[3].

В течение последних тридцати лет у нас скопилось много знаний о поведении дуэлянтов и секундантов, и ныне мы испытываем совершенно противоположные чувства по отношению к данной теме. Половину этого времени мы вместе с другими были твердо убеждены, что дуэль – это необходимое зло, но тем не менее она лучше, чем что-либо иное, исправляет пороки, которыми изобилует общество. Слава Небесам, теперь мы придерживаемся совершенно иных воззрений на эту тему и, шокированные жесткостью тысяч историй и случаев, которые мы собрали с целью публикации, стремимся положить конец этому порочному чудовищу или в крайнем случае лишить его когтей и клыков. Если нам не удастся убедить сограждан воздерживаться от такого рода действий, то наша озабоченность будет преследовать их, пока вмешательство юридических инстанций не станет последним средством для устранения зла, которое столь часто выступает в роли последнего довода. Мы постараемся убедить носителей верховной власти и законодателей, что личные чувства и благие пожелания не смогут послужить надежной защитой. Мы приведем имена принцев и дворян, частных лиц и безупречных джентльменов, принимающих участие в создании судов чести для разбирательства споров, которые подлежат урегулированию; и мы будем продвигать другие подобные мероприятия для полного устранения практики, которая после долгого изучения ее опыта, после разговоров и раздумий привела нас к сознательному убеждению, что «достоин уважения отказ от нее, а не соблюдение». В конечном итоге нам стало ясно: любыми способами надо устранять оскорбления, обиды и грустные последствия, которые так часто сопутствуют единственной стычке.

Прежде чем мы собрались изложить наши соображения

относительно дуэлей, имея в виду полный отказ от данной практики, мы тщательно рассмотрели едва ли не каждую публикацию на эту тему, старательно собирая любые возможные советы и подсказки, все аргументы христиан, моралистов и просто обладателей здравого смысла. Мы разослали копии этой работы в несколько судов христианского мира, но нам не удалось добиться успеха в единовременной оценке этой темы. Мы выяснили, что существует общее убеждение: «Практика, санкционированная временем и прецедентами, устояла перед насмешками сатириков, террором карательных законов, увещеваниями проповедников и страхом перед будущим положением дел и никогда не исчезнет». Мы нашли высокопоставленных лиц, таких как Джонас Хануэй, которые думают, что «пока многие придерживаются ложных принципов действий, невозможно устранить даже самые пагубные обычаи». Мы убедились, что многие придерживаются точки зрения сэра Вальтера Скотта, который в письме нам сказал на эту тему: «Отдавая самое глубокое признание филантропии ваших мотивов, я все же опасаюсь, что практика дуэлей так глубоко внедрилась во все слои общества, что, по крайней мере, пока человечество не обретет более ясный взгляд на большинство моральных принципов, вряд ли от нее удастся избавиться».

Мы знаем, что два суверена христианского мира стали дуэлянтами и что остальные признали печальную необходимость дуэли. Издатель «Литературной газеты» доказывает, что, изучив переписку между лордом Веллингтоном и Уинчилси, он пришел к выводу, что его высочество высказывает следующее мнение по этому поводу: «Это дело личной чести и личных чувств, и, будучи солдатом, приходится в таких вопросах проявлять большую чувствительность, чем представителю другого класса общества». Он приходит к выводу, что такое развитие событий было неизбежным[4].

Лондонский редактор очень справедливо говорит: «Дуэли стали настолько привычным делом, что мы почти не обращаем внимания даже на самые последние случаи. Даже те, кто фиксирует такие случаи, считают, вполне достаточно упомянуть, что имела место встреча между двумя джентльменами, словно между ними состоялся вежливый разговор, а не встреча на поле боя, где часто приходится слышать слова, сказанные шекспировским Ричардом: «Для одного из нас или для обоих – время пришло».

Когда британский посол представил королю Франции Джорджа Роберта Фицджеральда, его величество был проинформирован, что ирландец принимал участие в двадцати

шести дуэлях с фатальным исходом. Лейтенант военно-морского флота К...кс в течение одного дня дрался на трех дуэлях. Баррингтон говорит, что в течение его долгой жизни состоялось двести двадцать семь памятных и официальных дуэлей. Некий писатель насчитал сто семьдесят две дуэли, на которых шестьдесят три человека были убиты и девяносто шесть ранены; в трех случаях погибли оба дуэлянта, а восемнадцати выжившим был вынесен приговор от имени закона, который они преступили. Мы смогли найти четыре газеты, которые сообщали о двенадцати гибельных встречах такого рода[5]. И теперь конечно же вместе с «Юлием Цезарем» Шекспира мы можем утверждать, что «сразить – всего лишь слово; таков образ действий».

Потерпев неудачу в наших попытках добиться запрещения этого образа действий, мы решили попробовать, удастся ли уменьшить сопутствующее ей зло. В нескольких тысячах анекдотов и случаев, собранных за тридцать лет, мы нашли массу доказательств, что в связи с этой практикой ежечасно свершаются самые большие жестокости и ошибки. Мы пришли к выводу, что в будущем они могут быть предотвращены широким распространением хорошо составленного кодекса законов, в котором высшим доказательством благородства и чести будет сопряжение их со справедливостью, гуманностью и здравым смыслом; мы получили одобрение от нескольких наших опытных друзей, а также нашли подтверждение в решительном заверении Платона, что нет более почетного дела, чем придумать, как плохое превратить в хорошее.

Внимательно просмотрев нашу коллекцию знаменитых ссор, вызовов, ответов, стычек, дуэлей и примирений, мы набросали кодекс, состоящий из двадцати статей, который показали знающим друзьям в Ирландии. Затем мы представили экземпляры рукописи первым лицам политической, военной и литературной жизни своего времени и получили от них весьма комплиментарные одобрительные ответы. В мае 1824 года мы разослали печатные экземпляры в несколько судов Европы и Америки, а также руководителям прессы, чтобы успеть внести какие-то поправки и дополнения, если таковые появятся, и таким образом добиться всеобщего признания; и теперь мы с удовлетворением представляем миру собрание высоко оцененных правил, которыми в нашем «Королевском кодексе чести» могут руководствоваться и дуэлянты и секунданты.

Мы утомили бы читателя публикацией всех писем, которые получили от королевских особ, аристократов, государственных деятелей, офицеров и прочих, одобряющих наш общественный труд на эту важную тему[6]; тем не менее кое-кто из них взял на

себя труд рекомендовать нашу работу и одобрил нас за то, что мы представили миру на рассмотрение единственный достойный год по всем этапам таких ссор, который может получить одобрение и адвокатов подобных дуэлей, и христианских моралистов, которые испытывают угрызения совести из-за таких стычек.

Нижеследующий текст приведен из письма полковника Шоу, секретаря маркиза Уэлсли, когда этот достойный аристократ был лордом-наместником Ирландии.

> «*Вудсток, 15 ноября, 1823*
>
> Я имел честь представить лорду-наместнику Ваше письмо от 12-го числа текущего месяца, вместе с Вашей работой о дуэлях, по поводу которой с удовольствием возвращаю Вам искреннюю благодарность его превосходительства и сообщаю, что он одобрил похвальный предмет публикации. Имею честь, сэр, быть Вашим покорным слугой.
>
> *М. Шоу*
>
> *Джозефу Гамильтону, эсквайру*
>
> *Аннадейл-коттедж, близ Дублина».*

Пэр, офицер высшего ранга, который стрелял восемь раз в ходе одной дуэли, говорит:

> «Я с удовольствием ознакомился с Вашим письмом от 26-го числа прошлого месяца и с приложенным к нему вложением; в ответ сообщаю, что предполагаемая ассоциация получит мою полную поддержку, и я буду очень обязан Вам, если Вы пришлете еще двенадцать экземпляров этой работы».

Другой дворянин, который в равной мере пользуется уважением и за свой патриотизм, и за высокое чувство юмора, говорит:

> «Я предельно восхищен и полностью одобряю Ваше благородное намерение положить конец варварской системе дуэлей, но опасаюсь, что при всем ее варварстве она служит признаком цивилизации и представляет собой нечто вроде клапана, спасающего от излишнего кипения страстей. Много деспотичных, а также мудрых и либеральных правителей пытались положить конец этой практике – но тщетно; и поскольку они потерпели поражение, опасаюсь, что мои усилия, даже при всей Вашей помощи, окажутся столь же неэффективными. Тем

не менее, если два известных и уважаемых человека и двое военных объединят свои старания, я буду не против оказать свою скромную помощь».

Извлечение из письма преподобного Чарлза Бардина:

«Дорогой сэр,

я получил Вашу прекрасную маленькую книгу. Пусть Ваша цель получит благословение, которую заслуживает ее благородное намерение. Имею честь, дорогой сэр, быть Вашим преданным слугой,

Чарлз Бардин».

«Королевский кодекс чести» был представлен и в рукописи, и в печатном виде покойному герцогу Йоркскому, и как главнокомандующий армией он с удовольствием отправил следующий ответ от конногвардейцев:

«Сэр – я получил указание главнокомандующего ознакомиться с содержанием Вашего письма от 8-го числа прошлого месяца и передаю благодарность его королевского высочества за Ваше внимание, за высылку ему экземпляра Вашей ценной публикации, озаглавленной «Королевский кодекс чести». Имею честь быть, сэр, Вашим покорным слугой,

Х. Тэйлор».

Цитата из письма сэра Вальтера Скотта, баронета:

«Советы секундантам кажутся просто великолепными, и «Кодекс чести», похоже, может значительно смягчить жесткость наших варварских обычаев».

Письмо от капитана Фотрелла из Дублина:

«Дорогой сэр,

я с благодарностью получил две Ваши публикации – «Школу для патриотов» и «Королевский кодекс чести». Со всем вниманием я изучил последнюю, состоящую из шестидесяти статей, под каждой из которых я от всей души подписываюсь.

Есть несколько человек в Дублине или, может быть, в Ирландии, которые куда больше, чем я, занимались улаживанием конфликтных ситуаций, используя те же принципы, которые Вы излагаете, и я с удовольствием

(слава богу) говорю, что почти в каждом случае было достигнуто мирное соглашение и не имелось ни одного примера возвращения того зла, к устранению которого Вы призываете.

Принципы христианства и человеколюбия, которые и заставили Вас представить обществу эту небольшую (*но несомненно великую*) работу, даруют Вам право на их благодарность. Неизменно искренне ваш

Патрик Фотрелл».

Нет необходимости подчеркивать, что автор последнего письма был одной из самых уважаемых личностей в Дублине, которому доводилось быть и дуэлянтом и секундантом. Сведения о его отчаянной дуэли с полковником Россом, когда он стал объектом внимания всей прессы, могут быть найдены в нашей коллекции.

Мы могли бы привести бесчисленные примеры смертельных дуэлей между студентами колледжей и очень юными одноклассниками в школах, которые заставляют нас рекомендовать родителям и учителям использовать нашу публикацию как учебник или подарок на память для молодых людей, вверенных их заботам.

Двое шестнадцатилетних ребят, Уэтералл и Моран, дрались рядом с церковью Святого Марка в Дублине. Двое юношей такого же возраста, исключенных из Йельского колледжа, стрелялись из ружей на дистанции в двадцать шагов; родители их одобрили, и один из них стал свидетелем смерти своего сына. Когда двое семнадцатилетних учеников Политехнической школы дрались на дуэли, смертельное ранение получил один из секундантов, который стоял слишком близко к своему дуэлянту. Если дуэли между подростками в юном возрасте вызывают глубокую скорбь, то какое возмущение должны вызывать случаи, когда близкие родственники – даже кровные братья – позволяют убивать друг друга?

КОРОЛЕВСКИЙ КОДЕКС ЧЕСТИ

Честь не подлежит сомнению и не вынуждает драться,

Но заставляет избегать ошибок и делать то, что считается правильным.

I

Никакая дуэль не подлежит оправданию, поскольку служит умалению чести, и по этой причине обращение к оружию всегда будет последним доводом[7].

II

Если джентльмен получает удар или сталкивается с какой-то другой провокацией, ему следует немедленно уйти, никоим образом не прибегая к ответу. Это действительно благородная линия поведения; она не усиливает напряжение, не запутывает вопрос, кто первым совершил акт агрессии; она неизменно должна давать понять обидчику, что ему придется возмещать урон то ли до, то ли после того, как его обяжут это сделать.

III

В тех случаях, которые требуют дуэли, вызов всегда должен исходить от того, кто первый счел себя оскорбленным.

IV

Честь и месть не состоят в союзе друг с другом, и посему возмещение оскорбления или травмы – это все, что может быть востребовано или допускается.

V

«Ворота прощения» никогда не должны быть закрыты, ничто также не должно мешать обидчику вступить на «золотой мост»; наоборот, на любой стадии переговоров или дуэли он может выиграть, если сочтет обсуждение ситуации своей обязанностью и проведет его с предельной деликатностью и вежливостью.

VI

Любое извинение, которое может быть представлено, должно быть принято с тем уважением, которое позволяют обстоятельства ситуации, а попытка без необходимости унизить соперника не соответствует понятию истинной чести.

VII

Длительный спор из-за собственности никогда не может быть убедительным поводом для дуэли.

VIII

Если джентльмен является хранителем каких-либо общественных фондов, то более почетно пожертвовать своими личными чувствами, чем важными интересами общества[8].

IX

Джентльмен и профессионал, от чьей энергии и талантов могут зависеть жизнь, состояние или репутация его клиентов, никогда не может оправдывать свое участие в дуэлях до тех пор, пока не произведет полную и своевременную передачу доверенных ему средств.

X

Общественные деятели, такие как члены кабинета министров, судьи, сенаторы, офицеры, члены городских магистратов, присяжные заседатели или издатели литературных трудов, имеют право сохранять свою полную независимость путем отказа от всех вызовов, основанном на том, что они вынуждены исполнять общественные обязанности. Адвокат может провести дознание, а также ознакомиться с суждениями, которые влияют на характер или чувства свидетеля или истца, и представить ходатайство или вынести резюме; а присяжный стряпчий может снять с себя ответственность, представив письменные инструкции от своего клиента для проведения такого расследования или составления суждения. Тем не менее данная статья не может восприниматься как оправдание оскорбления любой личности, чего каждый воспитанный джентльмен будет стараться избегать[9].

XI

Если Маркус получил оскорбление от Юлиуса и хочет смыть пятно, которое, как он считает, умаляет его честь, успех в этом, вне всяких сомнений, зависит от джентльменского такта его собственного поведения.

XII

Если Маркус, полный желания покарать обидчика, сочтет необходимым, отвечая на вызов, пустить в ход против Юлиуса конский хлыст, удары кулаком, тростью или даже перчаткой, будет называть его лжецом, трусом или прибегать к другим оскорбительным высказываниям, он не устранит пятно, которое, по его мнению, сказывается на репутации; наоборот, он сознательно усугубит его, прибегнув в своих действиях к насилию и оскорблениям, которые каждый джентльмен хорошего воспитания сознательно старается избегать; его поведение заставляет вспомнить, что насилие всегда служит выгоде тех лиц, чья физическая сила или знание кулачного боя дает им заметное преимущество перед джентльменами, на которых они решились напасть[10].

XIII

Когда джентльмен отвергает благородную линию поведения, которая предлагается в статьях II и XI, и принимает ту, о которой идет речь в статье XII, он не должен чувствовать себя обиженным, если ему придется предстать перед совершенно иным трибуналом, что он, конечно, будет считать несправедливостью.

XIV

Обязанность каждого джентльмена, который испытал такое насильственное или оскорбительное отношение, отмеченное в статье II, – заставить оскорбителя испытать страдания, вызванные влиянием такого пятна на репутации, и потребовать возмещения ущерба из-за нападения от суда общей юрисдикции, чтобы положить конец насильственным действиям, нетерпимым в цивилизованном обществе.

XV

Джентльмен, который высоко ценит свою репутацию, не будет ни выступать в роли секунданта, ни драться на дуэли с лицом, виновным в поведении, о котором шла речь в статье XII, или в другом оскорблении общественной морали.

XVI

Всегда надо соблюдать особую тщательность при выборе секунданта; если возможно, он должен быть «человеком, который не является рабом страстей и обладает открытым сердцем, до которого всегда можно достучаться»[11].

XVII

Джентльмен не должен принимать на себя обязанности секунданта, пока первым делом не получит от своего друга письменное заявление об оскорблении, нанесенном его чести, которое должно быть доступно для обоих секундантов для поиска примирения и оправдывало бы поведение дуэлянтов, а также секундантов в случае фатального завершения конфликта. Каждый секундант должен также настаивать на получении письменного соглашения или получить такое извинение или объяснение, которое может стать основой конфиденциального соглашения между дуэлянтом и им самим, ибо имеются печальные примеры, когда дуэлянты превращали своих секундантов в простые автоматы, действовавшие по их командам.

XVIII

Дуэлянты и их секунданты всегда должны держать в памяти, что самое пустяковое выражение, взгляд или жест могут стать предметом тщательного рассмотрения в суде, а также в свете.

XIX

Дуэлянты и их секунданты должны тщательно вести записи о всех обстоятельствах, связанных с улаживанием ссоры, с дуэлью или переговорами, особое внимание уделяя месту, времени, языку, жестам, тону и свидетелям.

XX

Если тот, кто получил вызов, откажется от встречи под предлогом, что положение того, кто его вызвал, не соответствует его положению в обществе, он не может быть оправдан, поскольку позволил себе высказать оскорбление, пожелав встретиться с секундантом или с другим джентльменом, который его устроил бы, то таким образом он совершенно беспричинно оскорбляет не причастное к делу лицо, которое может высоко оценивать оклеветанную личность.

XXI

Когда джентльмен несправедливо оклеветан при обстоятельствах, описанных в предыдущей статье, его могут эффективно защитить свидетельства друзей, а виновный будет осужден обществом, которое уважает смелость, благородство и справедливость.

XXII

Автор оскорбительного послания не может быть оправдан, пусть даже он считает себя потерпевшим, если к нему относились со всей вежливостью; качества его друзей – это всего лишь вопрос мнения, и даже у всех весьма достойных джентльменов они могут отличаться друг от друга, и тут всегда присутствует предосудительная нетерпимость, которая пытается противостоять мнению другого человека, пусть даже и правильному.

XXIII

Ни один джентльмен, который высоко ценит свою репутацию, не откажется принять или предложить такую компенсацию, о которой устно договорились секунданты.

XXIV

Когда близкие друзья, почтенные отцы семейств или весьма неопытные молодые люди собираются драться на дуэли, секунданты должны быть вдвойне озабочены примирением.

XXV

Когда высказанная ложь или другое раздраженное высказывание становится поводом для агрессии, но выясняется, что эти выражения произвели ошибочное впечатление и оно, это впечатление, успешно устранено путем объяснения, то должно быть представлено письменное выражение искреннего сожаления, которое должно быть принято со всем уважением; от него никогда нельзя отказываться или оставлять без внимания.

XXVI

Объяснение, сопровождаемое оскорбительным обещанием прибегнуть к хлысту или трости, всегда будет восприниматься как удар или иное оскорбление, которое может быть сочтено нападением.

XXVII

Передача конского хлыста или трости лицу, которое подверглось нападению, может быть принята как просьба о примирении от стороны, которая совершила нападение, вместе с письменным заверением, что он ставит на карту свое звание, положение, доходы и надежды семьи[12].

XXVIII

Если какой-либо джентльмен будет столь неудачлив, что оскорбит другого, куда достойнее для него будет вручить вместе с извинением хлыст или трость, чем отказываться от компенсации оскорбления, которого решительно требует общественное мнение.

XXIX

Дуэлянту не позволено носить одежду светлого цвета, кружевные манжеты, военные награды или другие аксессуары, привлекающие внимание, на которых может остановиться взгляд его противника.

XXX

Ни в коем случае не могут быть позволены пробные выстрелы пистолетов в землю и в сторону, нельзя заряжать сразу оба комплекта пистолетов, потому что на подобную перезарядку уйдет много времени, которое может дать возможность для примирения.

XXXI

Если поводом для дуэли служит беспричинное обвинение в трусости, у оскорбленного нет необходимости доказывать свою смелость, стоя под выстрелами; наоборот, он может с честью оставить место дуэли после первого же обмена выстрелами, даже если его противник, забыв о своей обязанности, откажется взять назад свои слова и извиниться за брошенное обвинение.

XXXII

Если джентльмен, находясь в нетрезвом состоянии, был вынужден принять или сам принял решение драться на дуэли, не будучи подготовленным с помощью доверенного секунданта, или у него не было времени как следует распорядиться своим имуществом и денежными средствами в пользу своей семьи, доверителей, клиентов, опекаемых или кредиторов, подозрение в нечестной игре обязательно должно лечь на всех лиц, к которым оно может относиться, или даже на тех, кто был свидетелем данной ситуации и не выступил против.

XXXIII

Если вызванная на дуэль сторона откажется от требуемой сатисфакции, достаточно будет простого оповещения об этом факте в каком-либо публичном издании, что принесет претенденту куда больше пользы, чем насильственные действия.

XXXIV

Секундант стороны, которая получила вызов, должен иметь точное представление о месте и времени встречи. Место действия должно в максимальной степени устраивать обоих участников, особенно в плане медицинской помощи; все экстравагантные предложения должны быть решительно отвергнуты, например такие, как стреляться из-за стола, через носовой платок или вести рукопашный бой с помощью кинжалов, ножей, ружей, бомбард и так далее.

XXXV

Поскольку смерть одного из участников порой может побудить к действию другую сторону, встреча должна носить максимально приватный характер, сообразно со всеми обстоятельствами данного случая.

XXXVI

Границы графства, в котором было нанесено оскорбление, не должны пересекаться, кроме случаев, когда необходимо избежать преследования, или в тех случаях, когда присутствуют ярко выраженные общественные симпатии в пользу одного из дуэлянтов.

XXXVII

При выборе места дуэли обязательны особые меры предосторожности, избавляющие от необходимости переносить раненого джентльмена через стены, канавы, ворота, изгороди или по ступенькам; или же преодолевать слишком большое расстояние до места отдыха.

XXXVIII

Стороны обязательно должны приветствовать друг друга на месте встречи и не уступать друг другу в желании проявить доказательства своей цивилизованности, помня, что каждым своим действием во время встречи они показывают, что знакомы с понятием равенства, и проявляют готовность принять или предложить предполагаемые извинения.

XXXIX

Пока не достигнуто исчерпывающее примирение сторон, дуэлянт должен избегать любых разговоров с противником; от его имени всегда выступают секунданты, а разговоры между дуэлянтом и его секундантом должны вестись в стороне, чтобы другая сторона не могла понять их слова, взгляды или жесты.

XL

Любой выбор, скрывающий в себе преимущество, которое может возникнуть на месте дуэли, всегда должен решаться подбрасыванием трех, пяти или семи монет после того, как они тщательно перемешаны в шляпе.

XLI

Вызванной стороне принадлежит право первого броска, вызывающей – второго; такая последовательность должна существовать, пока не будет решен вопрос выбора.

XLII

Пока джентльмены пребывают в ожидании, не должно иметь место ни хвастовство, ни угрозы, ни хитрости, ни уловки, которые могут нанести урон чьим-то чувствам или умалить равенство участников.

XLIII

На месте дуэли никому из участников не позволено носить очки или монокль, кроме тех, которыми они пользуются в обществе или на улице.

XLIV

Джентльмены, которые не придают слишком большого значения ценности своего времени и работы, даже на месте дуэли должны избегать отказа в таком извинении, которое было принято на ранней стадии переговоров.

XLV

Сторонам никогда не может быть позволено драться на расстоянии меньше десяти ярдов[13], которое всегда отсчитывается от камня, отмечающего палец выдвинутой ноги участников дуэли; если же смертельное ранение из дуэльного пистолета будет нанесено с расстояния больше сорока ярдов, то оно должно быть измерено с предельной тщательностью.

XLVI

Если, к сожалению, предпочтение будет отдано не пистолетам, а холодному оружию, то площадка должна быть чистой, сухой, ровной, а противники располагаться друг от друга на таком расстоянии, чтобы никто из них не мог застать другого врасплох.

XLVII

Если стороны дерутся на пистолетах, то они никогда не должны располагаться на дороге, на пешеходной тропе, под стенами и изгородями или же на краю поля, потому что все прямые линии помогают наводить оружие, подвергая обе стороны опасности, в которой, как кажется, нет необходимости.

XLVIII

Дуэли не должны назначаться ни на воскресные дни, ни на дни праздников; ни в течение двадцати четырех часов после получения вызова, ни поблизости от места, пользующегося общественным почитанием; перед тем как стороны получат разрешение стрелять, они должны быть предупреждены, что ни в коем случае нельзя заступать за камень или стойку, отмечающие отмеренную дистанцию.

XLIX

Секунданты должны стоять между дуэлянтами следующим образом:

Д. С ..... С. Д.

когда совещаются с ними или вручают им пистолеты, и ни один из курков не должен быть взведен.

L

Сигналом должен быть белый платок или другой заметный предмет, положенный на землю точно между дуэлянтами, чтобы каждый мог отчетливо видеть его; затем этот предмет один из секундантов может оттянуть за шнурок.

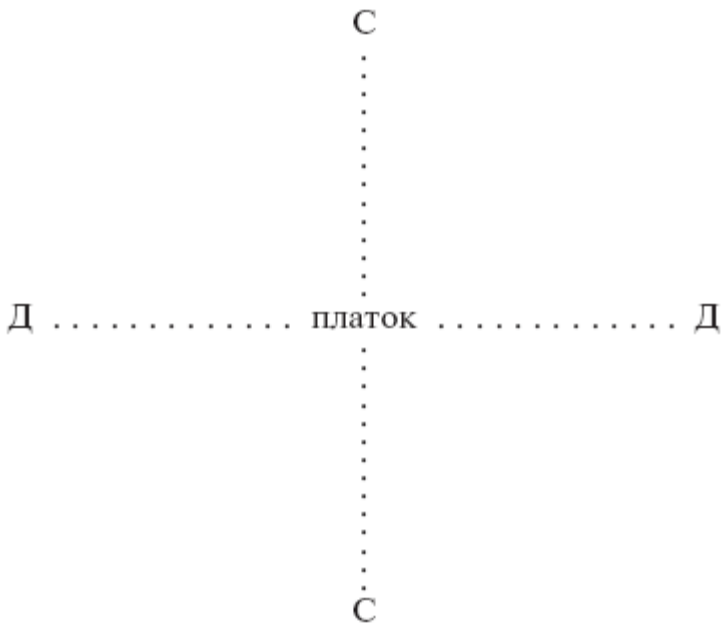
LI

Каждый раз, когда секунданты совещаются друг с другом или пока заряжают пистолеты, они должны встречаться в центре у белого платка следующим образом:

Д ..... С. платок С ..... Д.

LII

Прежде чем убрать платок, секунданты должны отойти от центра под прямым углом в обе стороны, чтобы они могли, соответственно, наблюдать за дуэлянтами, следующим образом[14]:



LIII

Перед тем как убрать платок, секундант того, кто бросил вызов, должен еще раз попросить своего друга пойти на примирение, и, если обе стороны продолжают упорствовать, он должен отчетливо спросить, готовы ли они.

LIV

Противники должны стоять на месте и стрелять одновременно, по предварительно обговоренному сигналу, не медля с прицеливанием, или же они будут лишены права выстрела; всегда надо избегать стрельбы по команде, потому что в таком случае возникает ненужная опасность, ибо глаз получает возможность присмотреться к своей цели.

LV

После каждого обмена выстрелами секунданты должны в устном порядке ревностно добиваться примирения между сторонами, но это всегда является обязательной обязанностью секунданта того, кто получил вызов[15].

LVI

Ни зачинщик дуэли, ни его секундант не могут быть оправданы, если подвергают опасности жизнь джентльмена путем физического насилия, ранения или оскорбления[16].

LVII

Ни дуэлянт, ни секундант не заслуживают оправдания, если оставляют джентльмена, который, возможно, ранен, не обеспечив для него возможность покинуть место дуэли, ибо отступление храброго человека всегда столь же достойно, как и его победа.

LVIII

Когда ссора завершена, секунданты должны напомнить друзьям и родственникам участников дуэли, что малейшая нескромность или неосторожность в их разговорах на эту тему может привести к возобновлению конфликта и фатальному исходу второй дуэли.

LIX

Когда примирение будет достигнуто или дуэль завершена, дуэлянты должны очень старательно избегать разговоров на эту тему, в случае необходимости всегда ссылаясь на секундантов или их письменные свидетельства.

LX

И наконец, по завершении ссоры или окончании дуэли каждая сторона должна пользоваться равным уважением со стороны другой; ни дуэлянты, ни их секунданты не могут хвастаться каким-либо триумфом или достигнутым преимуществом; это ведет к умалению их благородного поведения, которые обязательно должны присутствовать в делах, касающихся чести. Автор «Дугласа» утверждает:

> Самое благородное в мести – это благородство.

А другой умный писатель заметил:

> Трусы всегда жестоки; но храбрец
> ценит добро и счастлив спасать.

И пусть каждый джентльмен, который ревностно относится к своей чести, заботится, чтобы не опорочить ее, и всеми силами поддерживает ее; пусть он скажет вместе с Шериданом: «Чтобы судить о действии, я должен знать его причины» или с Аддисоном:

> Священные узы чести, законы королей,
> Благородный ум стремится к совершенству
> И укрепляется в нем при встрече.

Джозеф Гамильтон
Аннадейл-коттедж,
близ Дублина

НЕСКОЛЬКО КОРОТКИХ И ПОЛЕЗНЫХ РАЗМЫШЛЕНИЙ О ДУЭЛЯХ

Усвой, смертный, из моих заповедей,
Как укрощать ярость страстей,
что тревожат душу.

Так как я не знаю, в какой момент могу получить вызов или оскорбление, и так как все время готов к такому повороту событий, это должно давать мне преимущество перед моим противником, и я могу поделиться бесстрастными соображениями о теме дуэлей, приведя и моменты гневных вспышек, и полезные советы, как усмирять их.

Адвокаты этого обычая приводят в его защиту утверждение, что оба джентльмена находятся в равном положении и что в соответствии с понятиями о чести, принятыми в свете, нельзя ни отказываться от вызова, ни спускать оскорбление[17].

Я убежден, что никто из них не осмелится предположить, что такой подход совместим с законом, моралью и религией; наоборот, он противоречит им всем, так же как здравому смыслу и понятию подлинной чести, и об этом надо говорить неустанно.

Дуэль решительно противоречит здравому смыслу по следующим причинам:

Во-первых, она не может представить соперникам равные возможности, потому что у людей разные нервные системы, зрение и внешний вид. Кто-то может всадить дюжину пуль в лезвие шпаги или вогнать их в замочную скважину, а другой и с сотни попыток не попадет в слона.

Во-вторых, весьма неблагоразумно дать человеку, который уже оскорбил меня, возможность снова причинить мне урон. Это то же самое, что доверить тысячу фунтов человеку, который уже скрылся с десятью.

В-третьих, если мой соперник никчемный человек, я подвергну унижению собственную личность, встав перед дулом его пистолета; если же, наоборот, он достойный человек, я не хочу мелочно соблюдать все формальности по отношению к нему, когда он поддался воздействию гневной вспышки.

Дуэль из-за какой-то приватной ссоры настолько противна здравому смыслу, что ее не было ни у греков, ни у римлян, ни у других цивилизованных народов Античности[18]. До правления Генриха VIII о дуэлях на Британских островах не знали. Хотя до этого времени порой случались публичные бои, которые происходили с разрешения суда.

Англичане позаимствовали этот обычай у французов, но было бы смешно сохранять его подобно тому, как продолжать пользоваться подвязками, кринолинами или другими несообразными уродствами прошлых веков.

На самом деле, если я принимаю участие в дуэли, у меня весьма мало шансов сохранить свою жизнь. Мистер Гилхрист, современный писатель, упоминает сто семьдесят две дуэли, в которых шестьдесят три человека были убиты, а девяносто шесть ранены. В трех случаях погибли оба соперника, а восемнадцать из выживших были приговорены за то, что преступили закон. В этой отчаянной лотерее опасности подвергается репутация человека, здоровье или жизнь. Без сомнения, в тех ста семидесяти двух дуэлях, о которых шла речь, немало прекрасных молодых людей из-за какой-то порочной женщины или пьяной ссоры расстались с жизнью, разрушили счастье своих семей.

Пусть даже законы и обычаи открыты для корректировки, не стоит постоянно исправлять их каждый раз, когда приходится иметь дело с грубостью или оскорбительным поведением какого-либо лица, – это то же самое, что, пачкая руки, бросаться грязью в каких-то дурно воспитанных мальчишек, которые отвечают тебе тем же самым, или прерывать прогулку на хорошем коне, чтобы наказать дворняжку, которая гавкает на тебя.

Если бы даже я считал, что общество состоит из дураков и сумасшедших или полно грубых и невоспитанных личностей, я должен был бы снисходительно отнестись к ним и не давать воли своему темпераменту. «Лучшая месть, – говорит Марк Аврелий Антоний, – это не быть таким, как они». Возражения, оскорбительные слова, грубые обращения, которые в основном и служат причиной вызова, бывают или заслуженными, или нет. Если они заслужены, я должен обижаться на самого себя, допустившего глупость; я должен признать ошибку и постараться изменить свое поведение, потому что признание своей оплошности и готовность загладить нанесенную обиду никого не может унизить, а стремление лишить жизни того, кого я уже оскорбил, – это предельное варварство[19].

Поскольку такое положение возникает из-за ошибочного понимания ложной и подлинной чести, имеет смысл разобраться, где берет начало настоящая честь.

Она проистекает из благочестивых и патриотических действий, в ней сказывается мудрость и мужество тех граждан, чье поведение находит отражение в законах, морали и религии их страны. Цицерон говорит: «Это общее одобрение порядочных людей и беспристрастное свидетельство тех, кто умеет правильно понимать, что такое подлинная добродетель». Платон: «Честь – это поиск и следование тому, что считается наилучшим, и умение претворять самые плохие вещи в самые лучшие».

Римляне возвели храм чести в пределах храма добродетели, давая понять, что никто не может войти в первый, если предварительно не войдет в последний.

Интриги или случайность могут лишить хорошего человека полагающегося ему воздаяния в этом мире, но после кончины от него останется привлекательный аромат его памяти, и, когда интриган исчезнет с лица земли или случайность получит исчерпывающее объяснение, будущие поколения воздадут дань уважения его имени.

Подлинная честь остается неизменной во все времена и не зависит от переменчивой моды или людского мнения.

Дуэль несовместима с подлинной честью, поскольку противоречит мнениям мудрой и достойной части человечества, а также законам и религии всех христианских государств.

Если человеку довелось оказаться среди головорезов (бандитов и тому подобных мерзавцев), он должен быть готов, что столкнется с их презрением за отказ драться с соратником, с которым поссорился, но если он предпочитает быть в цивилизованном обществе, то уважительное и почтительное отношение к законам и религии его страны не смогут не вызвать иного отношения, кроме как всеобщего доброго мнения о его поведении.

Великодушие, верность, справедливость и благородство всегда сопутствуют подлинной чести. Римлянка Лукреция совершила известный поступок (покончила с собой) после того, как была обесчещена, так и дуэлянт, чтобы избежать обвинения в трусости, которым его может наделить лишь ничтожная личность, на самом деле ведет себя именно так, отказываясь отвергнуть предрассудок, столь позорный для времени, в котором мы живем. Непорочная Сусанна отвергла гнусные домогательства двух стариков, позже оговоривших ее, но была спасена от смерти Даниилом.

Некоторые из отважнейших военачальников, которых только знало христианство, явили примеры поведения для тех, кто может оказаться в сходных ситуациях. Маршал Тюренн, один из самых знаменитых полководцев, которые только являлись на свет,

зная, что только страна может оценивать и награждать его мужество, скрыл от своего суверена полученный им вызов. А ответ полковника Гардинера, данный в сходном случае, завоевал его имени больше чести, чем, возможно, дало бы взятие ста городов.

> Моя страна призывает меня служить ей, но нет закона,
> Что заставил бы меня впустую обнажить свой меч;
> Я не боюсь ни человека, ни дьявола,
> Но не стыжусь признаться, что боюсь Господа.

Достойные восхищения слова обоих этих воинов поистине написаны мудрейшими представителями человечества. Человек, который может избежать прегрешения, увенчан славой. Тот, кто может смирить свой гнев, лучше могущественного, и достойнее смирять свои страсти, чем править городом[20].

Уверен, что смелость Наполеона никогда не подвергалась сомнению, но тем не менее когда он получил вызов на дуэль, то со спокойным юмором отверг его:

«Если бы было позволительно таким образом карать агрессора, то было бы несправедливо и неблагородно возлагать на него тяжелейшее из наказаний за столь ничтожное оскорбление, и мне пришлось бы утроить количество судей и палачей. Конечно, должно быть какое-то разумное соотношение между преступлением и наказанием за него».

Если человек совершил убийство, то единственной карой для него должна быть смерть, но не стоит платить жизнью за оскорбительное выражение, которое вырвалось у человека, разгоряченного вином, или же под влиянием ошибки, или вспышки страстей.

Когда по Моисееву закону назначалось бичевание, Бог запрещал, чтобы какой-нибудь человек получал больше сорока плетей; евреи же, щадя наказанного соплеменника, никогда не превышали тридцати девяти ударов; дуэлянт же может жесточайшим образом наказать своего несчастного противника, виновного в пустячном оскорблении.

Позор незаслуженного использования грубого языка и недостойных выражений ляжет только на того, кто позволил себе их, потому что любой человек, обладающий здравым смыслом, ценит другую личность за ее заслуги и не будет осуждать ее из-за невоспитанности, плохого характера или злобы какого-то человека. Также нельзя ожидать, что он будет учить хорошим манерам того, кто нуждается в них, и общество не возлагает на него такую обязанность. Оскорбленный человек может защитить

себя с помощью свидетельств или показаний об этом случае; но скорее всего, он не сможет сделать этого, вызвав обидчика на дуэль, потому что виновник всегда более готов драться на дуэли, чем невиновный.

Дуэль противоречит интересам меня, моей семьи, моей страны, ее морали и религии.

Я могу получить рану, после которой жизнь станет для меня тяжкой ношей, или же лишу родителей, брата, сестру, жену или ребенка своей поддержки и защиты. Как ни печально, но я могу тяжело ранить или убить моего несчастного противника, покарав его ни в чем не повинных родителей, жену или ребенка; и кто даст мне утешение, когда я задумаюсь о судьбе своего противника.

История хранит много примеров, когда своевременная энергия одного человека спасала его страну от неминуемого разрушения, и, может быть, я проживу еще достаточно долго, чтобы принести какую-то пользу. Если Вашингтон или Нельсон в молодости пали бы жертвами этого зла, как велика была бы потеря для Америки или Англии!

Фемистокл, великий афинянин, которого справедливо называли любимцем всей страны, когда на общественном совете едва не получил удар от Эврибиада, предпочел интересы общества своему желанию ответить на оскорбление; Аристид, хотя и был изгнан афинянами, узнав, что греки у острова Саламин испытывают давление персидского флота, великодушно обратился к Фемистоклу и, дав понять, что не считает его врагом, предложил свои ценные советы ради общественного блага и сказал, что спорить они должны лишь о том, кто лучше послужит своей стране.

Цезарь приводит другой интересный случай. Тит Пулфио и Люций Варенус, два центуриона его армии, серьезно поссорились; но вместо того чтобы стремиться к мести на дуэли, они стали прилагать усилия, чтобы превзойти друг друга в отваге в ходе войны против галлов, и, когда им обоим угрожала серьезная опасность, каждый спешил спасти жизнь другого.

Благородный патриот не ставит предела своим достоинствам; он думает не о том, что равняет его с другими, а о том, что делает его выше и благороднее.

Поведение отдельной личности оказывает влияние на мораль всей нации, и если я уважаю ее, то не позволю, чтобы мой пример нанес ей урон.

Но если дуэль представляет собой оскорбление здравого смысла, интересов меня, моей семьи, моей страны и ее морали – какое еще оскорбление можно нанести моему святому Создателю,

чье божественное присутствие я так грубо нарушу.

Тот, кто убивает другого, являет собой умаление образа Всемогущего, лишает его облика, уничтожает его труд и умаляет воздаваемые ему почести. Убийство было первым запрещенным насилием, когда Ною были даны семь заповедей вместе со строгим требованием дословно передать их потомкам патриарха; запреты часто повторялись, и все действия, которые вели к нарушению их, объявлялись преступлениями, подлежащими наказанию по Моисееву закону. Убийство – это предел святотатства, ибо человек представляет собой храм Божий. Оно называется вопиющим грехом, потому что вопиет к Небу о воздаянии. Случались странные и чудесные явления крови, что свидетельствовало: «Убийство, хотя и не имеет языка, заговорит самым сверхъестественным органом».

Убийца не сможет возместить свой грех никакими жертвами; не будет ни укрытия, ни места, куда бы мог скрыться убийца. Даже у Моисея или Иеговы нет власти простить его, или избавить от части предписанного наказания, или какой-то жертвой возместить жизнь убийцы. «И не берите выкупа за душу убийцы, который повинен смерти, но его должно предать смерти» (Числа, 35: 31). Если даже городские власти откажутся выносить наказание, говорится, что «земля не иначе очищается от пролитой на ней крови, как кровью пролившего ее». Когда кого-то убивают, город должен провести торжественное очищение. Никакое убийство не имеет оправдания, кроме, во-первых, по приговору суда после беспристрастного процесса, во-вторых, на войне и, в-третьих, во время неизбежной самозащиты. Во времена Давида три голодных года стали наказанием за кровь Гедеона, которую его предшественник Саул неправедно пролил, и кара не была отменена, пока семь отпрысков Саула не были казнены (повешены).

Давиду было запрещено строить Иерусалимский храм, потому что на нем была кровь, и Иаков проклял жестокость и гнев своих сыновей, Леви и Симеона, потому что, разгневавшись, они убили человека.

Философ говорит: «Если кто-то выходит против другого с мечом в руках, намереваясь убить его, то он повинен в убийстве, пусть даже не преуспел в своем намерении; он не достоин прощения, пусть даже его попытка была пресечена, и должен понести такое же наказание. Если же кто-то осмеливается на открытое нападение и ждет в засаде, чтобы коварно причинить смерть другому человеку, он гнусный бандит с грязными мозгами. Если мы считаем врагами не только тех, чьи армии воюют против нас на суше, а флоты на море, но и тех, кто лишь

готовится к нападению, и тех, кто подводит свои осадные машины к нашим стенам и воротам, пусть даже нападения пока не происходит, то не только они должны считаться доподлинными убийцами, но и те, кто втайне или открыто делает все, чтобы лишить жизни другого человека, даже если их попытка не увенчалась успехом».

Если я дерусь на дуэли, то тем самым нарушаю завет, который был дан мне при крещении, – что я должен отвергать дьявола и его искушения, а также пышность и тщеславие порочного мира; тем самым я оскорбляю Священное Писание, которое запрещает месть и строго предписывает прощать оскорбления и снисходительно относиться к порочным действиям; оно говорит, что такие действия имеют истоком наши недостойные страсти и что дьявол с самого начала был убийцей, я же не должен давать место гневу и обязан жить в мире со всеми.

Каждый аргумент против войны или самоубийства может быть применим к преступлению дуэли; а что, если я, не в силах противостоять этому порочному обычаю, неумышленно причиню вред моему противнику, моим друзьям, своему телу и своей душе, а также своей стране, ее морали, ее религии и ее Господу? Прости, милость Господня! Прости, любовь к стране! Прости, человечность! Подлинная честь заключается скорее в противостоянии этой порочной практике, а не в убийстве сотни противников во многих боях, и пока я придерживаюсь этого мудрого и благочестивого мнения, то бесстрашно следую примеру отважных Тюренна и Гардинера. Я буду сознательно избегать общества тех, кому свойственны оскорбительный язык и поведение, и приложу все способности, чтобы добиться создания суда чести и антидуэльного общества, подобного тому, которое уже существует в Нью-Йорке.

Джозеф Гамильтон
Аннадейл-коттедж,
близ Дублина

СОПРОВОДИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА СУДА ЧЕСТИ

Но они идут против закона.

Если вы согласитесь с прилагаемым извлечением из дублинского «Фрименз джорнал», я буду считать себя обязанным вашему добровольному сотрудничеству в деле изучения этой темы вместе с благородными людьми, офицерами и другими, которые испытывают неприязнь не столько к принципу, сколько к порочному обычаю дуэли.

Есть много уважаемых людей, которые вместе с Лаэртом могут сказать, что не хотят, дабы их имя было обагрено кровью.

Пусть и рядовые, и влиятельные люди без проволочек приступят к великой моральной революции. Рыцарский дух смягчал строгие правила турниров, а мальтийские рыцари дрались на дуэлях, руководствуясь спасительными правилами[21]. И кто теперь возьмет на себя смелость быть адвокатом бессмысленной резни и откровенно защищать эту позицию в цивилизованном обществе? Чуждый королевскому понятию чести, он может, скрывая лицо, водить компанию с пьяницами в тавернах или шумными хулиганами в борделях, но он больше не может безнаказанно участвовать в таких сценах, которые мы привели в наших соображениях о дуэлях и по поводу которых мы можем процитировать эти печальные строки:

> «И вот мы видим горе любящей матери и рухнувшие ожидания отца. Юноша рос, как прекрасное дерево, которое обильно поливали водой; у него были глубокие корни и высокая крона, но как только кедр начал воистину возвышаться, обещая стать гордостью всего леса и прекрасным принцем среди окружающих деревьев – увы! Топор примерился к корням; нанесен гибельный удар, и гордая крона рухнула во прах. Один ли он пал? Нет – ушли в небытие надежды родившего его отца и вскормившей его матери; они погибли вместе с ним».

Когда стороны, желающие выслушать мнение суда чести, просят с деликатностью отнестись к вопросу публикации их имен, их случаи могут рассматриваться анонимно или на условиях конфиденциальности сообщены регистратору, который через несколько дней может собрать суд в Лондоне или Дублине.

Я буду весьма признателен тем аристократам или джентльменам, которые изъявят желание помочь мне или сообщить подробности отдельных случаев, представляющих особый интерес; их любезность будет оценена самым высоким образом.

Все сообщения могут быть направлены наложенным платежом в мою резиденцию или в «Кофе-Хаус» в Лондоне на Ладгейт-хилл для

Вашего покорного
и почтительного слуги
Джозефа Гамильтона,
Аннадейл-коттедж,
Дублин

Извлечение из «Фрименз джорнал» от 18 июля 1828 года

«В нескольких континентальных странах суд чести для урегулирования споров, которые могут привести к дуэли, появился позднее. Среди их покровителей были короли Пруссии и Баварии[22], а к появлению их в Великобритании благожелательно отнесся покойный герцог Йоркский. Прошло время, когда дуэли считались развлечением или любовью к боевым искусствам, и ныне мужчины встречаются лишь по вопросам чести, ибо никаких иных под небом не существует – потому что, как они считают, мир требует от них, дабы они дрались на дуэли. Пусть они думают, что полностью удовлетворили пожелания человечества, когда избежали возможности почетного примирения. В армии же, где, естественно, ценятся высшие доказательства отваги, для джентльменов привычно учитывать мнение своих собратьев-офицеров.

Мистер Джозеф Гамильтон из Аннадейл коттеджа близ Дублина, который является автором двух работ по вопросам дуэлей, ныне собирает имена лиц, чье положение в обществе, а также опыт дуэлянтов или секундантов позволяет составить из них компетентный трибунал для решения всех вопросов чести; и если кто-то из джентльменов будет настолько любезен, чтобы занять его место, он по своему желанию может быть регистратором. Он предлагает, чтобы суд состоял из президента, четырех вице-президентов и следующих лиц, готовых подтвердить свое участие в трибунале, а именно пэров, сыновей пэров, членов парламента, баронетов, обладателей рыцарских званий, профессиональных военных, медиков и хирургов, сотрудников офисов мэра и главного шерифа, мировых судов, членов конных и гребных клубов, банкиров, управляющих банками и купцов, а также авторов и издателей публичных работ. Почтительно приглашаются для оказания покровительства члены королевской семьи. Дуэлянты, их друзья и все присутствующие в суде получат право задавать в письменном виде вопросы, по которым желательно получить суждение, а все за и против будут предоставлены в виде черных и белых бобов, чтобы предотвратить возможную подозрительность истцов по отношению к своим судьям. Чтобы предотвратить неприязненные отношения, которые часто возникают на личной почве или из устных заявлений, он предлагает, чтобы все факты и заявления представлялись суду в письменном виде без умаления чести сторон. Расходы на

проведение заседаний возмещаются сторонами или добровольными взносами великодушных жертвователей.

Такие суды в каждом городе, графстве и сельской местности по всей империи должны предотвратить количество фатальных дуэлей, возникающих по совершенно ничтожным поводам; они, без сомнения, получат поддержку от действительно храбрых и понимающих людей. Господин Гамильтон собрал почти тысячу отчетов об известных ссорах, о вызовах и ответах на них, о дуэлях, случайных стычках, извинениях и примирениях, которые обладают большой ценностью для использования в виде прецедентов и которые оказали значительную помощь при создании Королевского суда чести – труд этот был представлен всем монархам Европы; он удостоился благодарности герцога Йоркского, а сэр Вальтер Скотт выразился по его поводу, что он «может значительно смягчить жестокость нашего варварского обычая».

Ныне мы со всем уважением просим всех членов общества оказать нам действенную и великодушную поддержку[23]. Мы взываем к матерям, сестрам, женам и дочерям по всему миру исключить из круга своего общения завзятых дуэлянтов, «которые убивают ее мужа и торжествуют над его суженой».

Но главным образом мы просим помощи сильных мира сего – чтобы оправдать наши надежды, увенчать наши труды и призвать небесное благословение на их троны.

ИЗ ИСТОРИИ ДУЭЛЕЙ

Ничто не может оправдать грубость и злобу.

Мы начнем нашу коллекцию дуэльных историй[24] следующим письмом от высокоодаренного джентльмена, потому что оно может представить остальные документы в нужном свете:

«Дорогой сэр! Когда я имел удовольствие встретить Вас в доме моего друга мистера Гартлана, Вы обратились с просьбой снабдить Вас описанием особенностей знаменитой дуэли между мистером Прайсом, братом нынешнего управляющего театром Друри-Лейн, и майором британской армии Грином, которая имела место в Хобокене, на берегу реки Гудзон (штат Нью-Джерси, как раз напротив Нью-Йорка), но пребывание вне дома и некоторые неотложные дела не позволили мне раньше представить его Вам.

Эта фатальная встреча состоялась весной 1816 года, и поскольку в то время я был в Нью-Йорке, то могу составить представление о ней лишь из рассказов, которые ходили в городе. Майор Грин прибыл в Нью-Йорк предыдущей зимой по пути в Канаду, как было принято, когда замерзала река Святого Лаврентия. Во время своего пребывания он отправился в театр и занял место в ложе, где сидели несколько американских дам, сопровождаемых мистером Прайсом, чей брат был управляющим данным театром. Во время представления мистер Прайс обратился с претензией к майору Грину, посчитав оскорбительной его манеру слишком пристально рассматривать дам, которые были на попечении Прайса. В свою защиту майор Грин объяснил, что он здесь чужой, только что прибыл из Европы и не осведомлен о манерах, принятых в Америке, и, глядя на красивых женщин в его ложе, он всего лишь пользовался правом, общим для всех мужчин в Англии – оценивать красоту, независимо от места, где ее можно увидеть. «Если же, – сказал он, – такого обычая тут не существует и я, воспользовавшись им, кого-то оскорбил, то прошу прощения за то, что непреднамеренно нанес оскорбление». Тогда этим все и кончилось. Майор Грин продолжил свой путь в штаб-квартиру в Канаде, но, едва только он там обосновался, некое лицо сообщило ему, что после его отъезда из Нью-Йорка мистер Прайс хвастался, что унизил британского офицера и преподал ему урок хороших манер, а также дал оценку его чести и храбрости. Поскольку его слова получили широкую огласку, майор Грин счел себя обязанным

ответить на них. Он изложил эту историю командиру и офицерам своего корпуса, которые сочли, что он обязан потребовать объяснения. Когда зимние холода сошли на нет, Грин взял отпуск для поездки в Нью-Йорк. Дождавшись встречи с мистером Прайсом, он спросил, в самом ли деле тот позволил себе слова, которые ему приписывают. Мистер Прайс не отрицал их и, когда от него потребовали извинений, не дал их; так что их встреча стала неизбежной.

Но по законам Нью-Йорка дуэли запрещены, и выжившего могут покарать смертью, поскольку он виновен в убийстве. Чтобы избежать этого, ситуации, возникающие в Нью-Йорке, как правило, разрешаются на другом берегу Гудзона, который отделяет Нью-Йорк от штата Нью-Джерси, где законы против дуэлей не столь суровы. Место встречи обычно выбирают рядом с Хобокеном, где на крутом и скалистом берегу реки есть участок земли в пять – семь десятков квадратных метров; доступен он только с воды, и более спокойного и уединенного места для столь опасного разрешения дела чести не найти.

В субботний день обе стороны взяли лодки в Нью-Йорке и встретились в этом гибельном месте – наверное, единственном месте в мире, которое служит исключительно полем чести. Когда стороны бросили жребий, майору Грину выпала южная сторона, а мистеру Прайсу – северная. Дистанция составляла двенадцать шагов, и обе стороны стреляли одновременно по команде. Первый залп не принес результатов, и определенные усилия, которые предпринял секундант майора Грина для примирения, оказались бесплодными. Таким же безрезультатным оказался и второй обмен выстрелами. Майор Грин и его секундант заявили, что не хотят продолжения. Майор Грин не испытывает личной враждебности к мистеру Прайсу; смелость обеих сторон доказана достаточно убедительно; майор Грин защитил свою честь, отстоял репутацию среди коллег-офицеров и посему готов покинуть место дуэли. Мистер Прайс возразил и, в соответствии с печальной и кровавой практикой Америки, настоял на продолжении обмена выстрелами, пока один из дуэлянтов не падет. «Если речь идет об убийстве, а не о защите достоинства, – сказал майор Грин, – я должен принять во внимание свою безопасность – сделаем три шага вперед». Таким образом, дистанция сократилась до шести шагов – мистер П. получил от своего соперника пулю в голову и мертвым рухнул на месте.

После этого бедственного исхода майор Грин немедленно отбыл; чтобы избежать серьезных неприятностей, он поднялся на борт судна, идущего в Европу. Новости об этой дуэли оставались неизвестными в Нью-Йорке до следующего утра, когда были

встречены всеобщим сокрушением. Мистер Прайс имел широкий круг знакомых, в котором пользовался большим уважением.

Так завершилась эта печальная история; но если Вы пишете о дуэлях, я добавлю еще несколько обстоятельств, которые могут быть интересными для Вас. Мистер Прайс погиб на том самом месте, где пал на дуэли единственный сын генерала Гамильтона. Это печальное событие вынудило генерала написать работу против дуэлей, которая стала свидетельством его христианского и философского склада ума. Но часто обстоятельства обладают таким воздействием, что публичный человек не может справиться с ними, и генерал расстался с жизнью на том же месте, где потерял своего сына. Спор возник между ним и мистером Аароном Барром, юристом из Нью-Йорка, который в то время был кандидатом на высокий пост вице-президента Соединенных Штатов от демократов; генерал же был несомненным лидером, представлявшим федеральные интересы. Из-за злобы и мстительности, которые в то время обе стороны испытывали друг к другу, примирения достигнуть не удалось, и фатальный исход был предрешен. Смерть Гамильтона вызвала потрясение в общественном мнении Америки – вместе с отданной ему данью благодарности за достойную службу своей стране. Он был другом Джорджа Вашингтона и в 1787 году сделал немалый вклад в создании федеральной конституции Соединенных Штатов. Его останки с должными почестями были погребены в главной епископальной церкви города, где в его честь был воздвигнут великолепный монумент.

На следующее утро после смерти мистера Прайса мой друг из Бриджтауна (о. Барбадос), который впоследствии был убит на дуэли здесь же, предложил мне взять лодку и посетить место, где происходила эта и много других дуэлей. Оно располагалось примерно в четырех милях от Нью-Йорка, но, прежде чем отправиться туда, мой друг дал мне возможность увидеться с бывшим вице-президентом мистером Барром, с которым, как с юристом, у него были общие профессиональные интересы. Его офис был переполнен людьми, и, пока мой друг был занят разговором, я внимательно изучал личность его собеседника. Сухая и подтянутая фигура Барра укрепила мою убежденность, что он выживет в любой, даже смертельно опасной дуэли.

Мы сели в нашу лодку и направились к месту дуэли, где лодочник нас тут же покинул. Здесь мы встретили человека, который описал нам обстоятельства последней и многих предыдущих дуэлей. Одна из них произошла не так давно, когда противники дрались при лунном свете и обменялись девятью выстрелами. Оказавшись на месте, мы увидели на земле пятна

крови, а там, где стоял мистер Прайс, мы подобрали пулю. Здесь тоже был воздвигнут белый мраморный монумент с соответствующей надписью в память несчастного генерала Гамильтона.

В своей работе о дуэлях Вы рекомендуете секундантам никогда не ставить противников рядом со скалой, стеной или живой изгородью или с каким-либо предметом, который тянется параллельно сторонам дуэли, потому что он дает ненужное преимущество одному дуэлянту перед другим и позволяет более надежно целиться. На том месте, которое я описал, эта истина служит хорошим примером. До возведения монумента генералу Гамильтону скала служила указателем направления для того, кто стоял с южной стороны, а дуэлянт с северной стороны стоял лицом к воде, и обращает на себя внимание, что три человека, которых я упоминал, погибли как раз на этом месте, то есть на северной стороне. В настоящее время монумент стоит перед скалой, но его длинное основание может служить указателем направления.

Все эти детали привели меня к убеждению, на которое я и рассчитывал, – к надежде, что Ваш благородный труд поможет покончить с практикой, которая досталась нам от варварских времен и нарушает в равной степени и человеческие и божественные законы.

Имею честь оставаться
Вашим покорным слугой,
Томас Бродиган».

В память о мистере Прайсе мы включили другой отчет об этом же случае, который получили от нашего достопочтенного друга советника Диллона, которому случилось быть в Нью-Йорке во время этой дуэли:

«Мистер Прайс вступился за честь молодой женщины, которую оскорбили (взглядом. – *Ред.*) в нью-йоркском театре. Британский офицер, признав свою ошибку, принес весьма искреннее извинение; но по возвращении в Монреаль, в штаб-квартиру, его собратья-офицеры выдвинули против него обвинение, что он извинился перед лицом, которого они называли *проклятым янки*, унизив тем самым честь британского офицера. Ему пришлось вернуться в сопровождении других офицеров; встретив на Бродвее мистера Прайса, он у всех на глазах нанес ему удар по лицу, что и привело к дуэли в Хобокене на другом берегу Гудзона, где в долине между двумя высокими скалами они стрелялись из пистолетов на дистанции в двенадцать ярдов. Каждый произвел по шесть выстрелов; не было

принесено никаких извинений, и седьмой выстрел попал в голову мистера Прайса, который тут же скончался. Общественные чувства нашли себе выражение в виде прекрасного мраморного монумента, воздвигнутого на месте дуэли, как свидетельство уважения к Прайсу, которым он пользовался при жизни, и сожаления о его гибели в этом кровавом конфликте».

ССОРЫ КОРОЛЕЙ И ВИЦЕ-КОРОЛЕЙ

Я так низко ценю мою кровь, что, если хотите, можете вскрыть мне вены.

КИР И ВЛАДЫКА ВАВИЛОНИИ

Когда Кир подошел к Вавилону, он послал вызов владыке Вавилонии, предложив решить их спор в бою один на один, но его вызов не был принят.

ДАВИД И ГОЛИАФ

Давид, который впоследствии взошел на трон Израиля, принял вызов филистимлянского богатыря Голиафа. Они встретились в долине между армиями филистимлян и евреев, и Давид из пращи издалека попал камнем в голову могучего соперника, а когда тот, убитый, упал, подскочил и отсек Голиафу голову его же мечом.

ТУРН И ЭНЕЙ

Эней, царь дарданов, переселившийся с остатками троянцев в Италию, и Турн, вождь италийского племени рутулов, встретились лицом к лицу в бою, который оказался фатальным для Турна.

АРУН И БРУТ

После свержения Тарквиния с трона, когда он готовился сразиться с войском юной Римской республики, которым командовал Брут, сын Тарквиния Арун, увидев Брута, вызвал его на бой. Они сошлись с такой яростью, что каждый думал только о победе, забыв о защите, и оба пали на поле боя.

АНТОНИЙ И ОКТАВИАН

Антоний вызвал на поединок Октавиана (будущего Августа), на что последний очень спокойно ответил: «Скажите Антонию, что если он устал от жизни, то есть другие пути к смерти, кроме как на острие моего меча». Поединки у римлян и других народов обычно происходили из-за столкновения общественных интересов. История не приводит нам примеров дуэлей из-за личных споров.

ГЕНРИХ IV

Генрих Ланкастер, который впоследствии стал королем Англии, вызвал на поединок герцога Норфолкского, и, когда все приготовления к схватке были завершены, соперников остановили возгласы герольда, доставившего указ короля.

ГЕНРИХ V

Когда принц Уэльский нанес удар судье Гаскойну, восседавшему в суде, этот независимый чиновник отправил своевольного принца в тюрьму. Тем не менее, взойдя на британский трон, Генрих не воспользовался возможностью высказать свое мнение по поводу этой вспышки или проявить уважение к верховному судье.

ДВА ИРЛАНДСКИХ ПРАВИТЕЛЯ

Один из ирландских правителей прислал следующее лаконичное послание другому: «Уплати мне дань, или же...» На что другой ответил: «Никакой дани я тебе не должен; и если бы даже...»

МАЛЬКОЛЬМ III, КОРОЛЬ ШОТЛАНДИИ [25]

Король, узнав, что один из его дворян готовит против него заговор, потребовал от информатора полного молчания и сам ничего не предпринял, пока человек, обвиняемый в государственной измене, не прибыл к двору, намереваясь реализовать свой замысел. На следующее утро король вместе с придворными отправился на охоту. Когда все оказались в центре леса, он отвел предателя в сторону, где никого вокруг не было, и обратился к нему: «Обрати внимание, мы тут одни; оба в равной мере вооружены и на конях. Никто нас не видит, не слышит и не может оказать помощь одному против другого. В таком случае, если ты смелый человек, иди к своей цели, исполни обещание, которое ты дал моим врагам. Если ты решил, что я должен пасть от твоей руки, когда тебе представится лучшая возможность? Когда будет более удобно? Когда ты сможешь проявить мужество? Ты приготовил для меня яд? Такое преступление свойственно женщине. Или ты собираешься убить меня в постели? Это могла бы сделать любовница. Или ты скрываешь кинжал, чтобы втайне нанести мне удар? Так поступает преступник. Так действуй же, как солдат, как мужчина, дерись со мной лицом к лицу, чтобы, по крайней мере, твоя измена была бы свободна от низости». Предатель пал к ногам короля и взмолился о прощении, которое и было ему даровано.

ГУСТАВ II АДОЛЬФ

Во время одного из публичных парадов шведский король и полководец Густав II Адольф (1594, король с 1611 – убит в сражении в 1632) заспорил с полковником Ситоном, офицером на его службе, которого высоко ценил, но тем не менее ударил. Сразу же по окончании парада полковник явился в королевские покои и подал прошение об отставке, которое его величество подписал и, не проронив ни слова о предмете спора, удалился.

Тем не менее, спокойно оценив ситуацию, Густав Адольф пожалел о своей вспышке темперамента и, услышав на другой день, что Ситон собирается в Данию, последовал за ним в сопровождении офицера и двух слуг. Добравшись до датской границы, он оставил всех своих спутников, кроме одного, и, нагнав Ситона на широкой долине, сказал ему: «Спештесь, сэр. Я признаю, что вы были оскорблены, и прибыл дать вам удовлетворение, как джентльмен; сейчас мы вне пределов моих владений, и вы с Густавом равны. Как я вижу, при нас обоих шпаги и пистолеты; не медлите сойти с коня и получить удовлетворение, которое требует ваша оскорбленная честь». Ситон, оправившись от изумления, спешился, что уже сделал король, и, опустившись перед ним на колени, сказал: «Сир, сделав меня равным вам, вы дали мне больше, чем удовлетворение. Бог запрещает, чтобы мой меч нанес хоть какой-то урон такому отважному и благородному монарху. Разрешите мне вернуться в Стокгольм и окажите мне честь, позволив жить и умереть на службе вам». Король поднял его с земли, обнял, и они вместе вернулись в Стокгольм.

Во время разговора с адмиралом Апраксиным вице-адмирал Сенявин поднес Петру Великому серебряный поднос с кубком вина; император нетерпеливо отбросил его руку, опрокинул кубок, ударил вице-адмирала и как ни в чем не бывало продолжил разговор. Позже, собравшись с мыслями, он спросил у Апраксина, не ударил ли кого-то. «Да, – сказал тот, – ваше величество ударили вице-адмирала Сенявина; правда, он и сам был не прав, помешав вашему величеству, но он очень достойный человек и храбрый офицер». Петр очень осудил себя за то, что ударил офицера в таком звании, немедленно послал за ним, попросил прощения, поцеловал его и преподнес ему ценный подарок.

ГЕРЦОГ ЙОРКСКИЙ

Этот случай, который мы оставили для военных и военно-морских дуэлей, был первым, в котором английский принц крови получил вызов; но...

ПРИНЦ КОНДЕ

Несколько лет назад он столкнулся с офицером своего же полка. Принц, человек бурных страстей, нанес офицеру удар. Тот ушел из армии, но повсюду стал следовать за принцем и везде старался быть у него на виду. Принц обеспокоился, решив, что этот офицер хочет совершить на него покушение, и осведомился, какие у него желания и намерения. «Я требую воздаяния моей оскорбленной чести», – сказал офицер. «Я дам его вам, – ответил принц. – Следуйте за мной». Они обнажили шпаги и скрестили их, но, едва офицер коснулся противника, он тут же бросил свое оружие. «Мой принц, – сказал он, – вы удостоили меня чести сразиться с вами, и этого достаточно. Я удовлетворен. Удар, который вы мне нанесли, перестал терзать мое сердце. Он полностью искуплен». Поведение офицера вызвало у принца высокие чувства, и, чтобы отметить их, он восстановил офицера в прежнем звании и тут же повысил его.

КОРОЛЬ ФРАНЦИИ И ГЕРЦОГ БУРБОНСКИЙ

Нынешний король Франции (т. е. Карл X (1757 – 1836), король в 1824 – 1830. – *Ред.*) в бытность свою графом д'Артуа дрался с герцогом Бурбонским. Граф де Ниве был секундантом последнего, а графа д'Артуа – маркиз де Круссаль. Ссора произошла на маскараде. Бой на шпагах длился так долго, что граф д'Артуа, преисполнившись нетерпения, напал на своего противника с такой яростью, что ранил его в руку; после того как успешно вмешались секунданты, было достигнуто примирение.

НАПОЛЕОН

Говорят, что отважный сэр Сидни Смит во время осады Акры (Сен-Жан-д'Акр, ныне Акка (Акко), Галилея, Израиль. – *Ред.*) направил вызов Наполеону, который ответил, что, если отважный рыцарь хочет повеселиться, он прикажет отметить несколько ярдов на нейтральной полосе и прислать к нему гренадера, габариты которого повышают шансы поразить его, добавив, что, если сэр Сидни попадет в его представителя, он честно предоставит ему все преимущества победы; но у него лично в настоящее время так много дел на руках, он тратит столько физических сил на эту страну, что не может позволить себе развлечения, приличествующие школьникам.

В соответствии с заявлением капитана Медуина мы приводим подлинный ответ Наполеона об этой истории:

«Когда французская армия стояла перед Сен-Жан-д'Акр, он (сэр Сидни) ознакомился с бумагой, которая приватным образом распространялась между офицерами и солдатами с целью побудить их поднять мятеж и устранить меня. На что я издал прокламацию, в которой старший английский офицер был назван сумасшедшим и где запрещались все отношения с ним. Это настолько уязвило сэра Сидни, что он послал мне вызов на встречу с ним лицом к лицу на берегу. Мой ответ гласил, что, когда ко мне с этой целью явится герцог Мальборо, я буду к его услугам; пока же у меня есть другие дела, кроме дуэли с английским коммодором».

БЫВШИЙ НАСЛЕДНЫЙ ПРИНЦ ГЕССЕНСКИЙ ХОМБУРГ

После женитьбы на принцессе Элизабет его светлость принял участие в деле чести. В данном случае его секундантом был князь Эстерхази, и извинения, которые он требовал, были принесены.

Мы имели честь быть лично знакомы с его высочеством и пользовались его гостеприимством, и мы убеждены, что он был одним из самых смелых и благородных воинов, которые только появлялись на свет.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НОРВЕГИИ

На обеде, который давал в Христиании (Осло) граф де Сандельс, вице-король Норвегии оскорбил сообщество джентльменов, которые были губернаторами шведских провинций, и на следующий день получил девять вызовов.

ЛОРД-НАМЕСТНИК ИРЛАНДИИ

Лорд Таунсенд, уйдя в отставку из правительства Ирландии, дрался на дуэли и ранил графа Белламонта.

Мы уверенно утверждаем, что в целом суверены христианского мира порицают существование практики, которая лишает их отважных офицеров и хороших подданных; практики, которой должен быть решительно положен конец, для чего потребуются объединенные усилия благожелательного общества и власти.

ОПАСНОСТЬ БЫТЬ СЕКУНДАНТОМ ИЛИ ЗРИТЕЛЕМ

Те, кто вмешиваются в ссору,
Часто вытирают кровь из носа.

Человек, который выступает в роли секунданта, часто подвергается опасности самому стать дуэлянтом.

Когда майор Пек и мистер Мэттью вступили в схватку в дублинской таверне, мистер Макнамара, стоявший на страже у двери, выхватил шпагу, сказав, что в такой ситуации просто невозможно оставаться спокойным зрителем. Он заявил, что имеет честь вызвать на дуэль капитана Крида, и получил его согласие. Все четверо дрались, пока Пек и Крид не пали, покрытые ранами с головы до ног.

В описании мистера Дирхерста фатальной дуэли между герцогом Б. и лордом Б. утверждается, что «когда в этой смертоубийственной схватке наступила небольшая пауза, секундант его милости предложил примирение, но оба дуэлянта были настолько переполнены жаждой крови, что ее не смогли преодолеть даже самые разумные аргументы, и соперники настояли на продолжении схватки, какие бы ни были последствия. Мало того, гнев его светлости поднялся до таких вершин мести, что он поклялся: если в будущем кто-то из секундантов посмеет вмешаться, он проткнет его шпагой».

Мистер Цезарь Колклоух был секундантом джентльмена, который опаздывал на место дуэли. Другая сторона стала возмущаться таким поведением дуэлянта, на что мистер Колклоух заверил их, что они не потеряют утреннее развлечение, ибо он готов встать на место отсутствующего джентльмена. Тем не менее необходимость в такой замене отпала, потому что его приятель вскоре прибыл и принес свои извинения. И обе стороны покинули место встречи в очень хорошем настроении.

Капитан С. счел необходимым предпринять столь строгие меры, чтобы его доверитель не скрылся с места дуэли, что подверг опасности собственную жизнь: тот, еще лежа в постели, выстрелил в своего «охранника», поразив его ягодичную мышцу.

В случае с Махером и Греди секундант мистера Махера обратил внимание знаменитого Эдварда Лисагта, который был секундантом мистера Греди, что его пистолет взведен. Нед, который, как рассказывал сэр Джон Баррингтон, всегда был склонен пошутить, ответил без промедления: «Что ж, взведите и

вы свой, после чего обменяемся оплеухами, поскольку нам все равно нечего делать».

Кодекс Типперэри указывает секундантам, как они должны драться на шпагах и как – на пистолетах. Когда мистер Джон Бурк дрался с мистером Бодкином близ Глинска, секунданты тоже вступили в бой. Четверо джентльменов аккуратно взяли друг друга на мушку и стреляли по сигналу присутствующего здесь арбитра.

Для секундантов нет ничего более трудного, чем сохранить беспристрастие по отношению к своему доверителю; приходится соглашаться с их мнением и с их описанием хода событий. Самая ничтожная подробность в письменном или устном изложении хода поединка может втянуть любого из них в серьезную ссору более чем с одним человеком. В истории с господами Пилем и О'Коннелом их секунданты, сэр Чарлз Секстон и Джордж Лидуэлл, эсквайр, разойдясь во мнениях по поводу опубликованных заявлений, сами стали дуэлянтами.

В январе 1818 года состоялась встреча между мистером О'Каллагеном и лейтенантом Бейли из 58-го полка. Секундантами обеих сторон были два джентльмена, которые из-за какой-то давней истории отказались, и другие секунданты объявили их трусами. Когда секунданты встретились, они устно обменялись обвинениями в уклонении от договоренности и сами стали дуэлянтами. Встреча произошла рядом с Примроз-Хилл. После двух выстрелов с каждой стороны лейтенант Бейли получил тяжелое ранение и упал. Мистер О'Каллаген и два секунданта проявили глубокое человеческое внимание к мистеру Бейли, который, то и дело пожимая им руки, признал, что они проявили благородство по отношению к нему. Бейли скончался, другая сторона пошла под суд, была обвинена в непредумышленном убийстве и приговорена к трем месяцам заключения.

Дублинская газета «Морнинг пост» от 29 ноября 1823 года упомянула о дуэли, в которой секундант подверг себя опасности стать дуэлянтом и объектом критики со стороны публики, потому что грубым замечанием отверг предложение о примирении, после чего стороны явились на место дуэли не разговаривать, а драться.

То же самое издание 8 ноября 1828 года утверждает, что на встрече рядом с Долли-Маунт между господами Л. и М'Г…ти конфликт между секундантами стал причиной еще одной дуэли между сторонами, оставшимися на месте.

Дуэль, которая состоялась между двумя джентльменами в Багшот-Хит, стала фатальной для одного из секундантов, потому что он стоял слишком близко к своему дуэлянту; раненный в

левый бок, он скончался через два часа.

В стычке между двумя юношами в Булони один из секундантов получил опасное ранение. В другом случае двое рядовых, француз и итальянец, *с завязанными глазами* стрелялись из мушкетов, и секунданты подвергались большой опасности получить пулю.

Прославленный Джемми Кьюг, которому не нравилось, когда «кто-то дерется, если это не я и мой противник», к сожалению, подстрелил инвалида в Феникс-парке.

В печальной истории лорда Камелфорда и Беста его светлость руководил поведением и себя и своего секунданта исключительно ошибочным, но непререкаемым образом.

Друзья генерала Мэсона достойны осуждения за то, что подчинились диктаторскому духу его указаний, о которых мы расскажем в соответствующем месте; такого же осуждения справедливо заслуживает друг мистера Паула, который дрался с сэром Фрэнсисом Бардеттом.

Мистер Макдонах из графства Голуэй (Ирландия) был судим выездной сессией суда присяжных весной 1829 года в Филипстауне за убийство мистера Дэвиса, которое произошло при следующих обстоятельствах. Мистер Садлиер и мистер Доулинг поссорились, в результате чего между ними состоялась дуэль. Дэвис был секундантом Садлиера, а Макдонах – Доулинга, который был его дядей. Дуэлянты обменялись выстрелами и покинули место дуэли без объяснений и извинений. Дэвис был неудовлетворен таким исходом и бросил вызов другому секунданту, который мистер Макдонах отклонил на том основании, что он не ссорился с Дэвисом. «Вот это ты уже не скажешь!» – ответил тот и плюнул ему в лицо. Макдонах не возмутился этому вызывающему поведению, вынул платок и вытер лицо, сказав, что он ответит на оскорбление в соответствующем месте. Тем не менее Дэвис настоятельно потребовал, что он должен драться с ним, не сходя с места, и с вызовом дернул за конец носового платка. Раздраженный этой повторной провокацией, Макдонах выхватил пистолет и выстрелил Дэвису в голову. К сожалению, пуля прошла навылет и поразила крестьянина, который тоже расстался с жизнью. Макдонах еле успел вскочить на коня и скрыться от толпы сторонников Дэвиса. К большому удовлетворению заполненного зала, жюри оправдало подсудимого, который всегда пользовался репутацией воспитанного человека, не склонного к оскорбительному поведению.

В Ирландии секундант согласился, что, обменявшись несколькими выстрелами, дуэлянт может оставить место дуэли,

но возразил против заключительных рукопожатий, что вынудило одного из дуэлянтов сказать, что советник у противника – мерзавец. Это немедленно привело к другой дуэли на предельно малой дистанции, которая кончилась гибелью одной из сторон.

Сэр Джонах (Иона) Баррингтон дал следующее описание этой несчастной дуэли (между Гиллеспи и Уильямом Баррингтоном); и если в нем содержатся неточности по отношению к покойному генералу Гиллеспи, то мы будем рады исправить их в следующем издании.

«Уильяму Баррингтону исполнилось двадцать лет, и он собирался без промедления посвятить себя военной профессии. Он был активный, живой, полный воодушевления и нерассуждающей смелости; его заметными чертами были добродушие и очень ревностное отношение к чести членов своей семьи.

Гиллеспи, в то время капитан кавалерийского полка, был готов сделать предложение мисс Тейлор, нашей близкой подруге. Он квартировал в Атае, где жила моя мать.

Между семьями существовали очень близкие ежедневные отношения. Как-то после обеда в доме Гиллеспи, когда все джентльмены употребили вина больше, чем требовало благоразумие, между моим братом и мистером Маккензи, лейтенантом пехотного полка, стоявшего здесь же, возник спор. Спор никогда не должен был перерасти в нечто большее, поскольку касался сугубо частного вопроса. Но со стороны капитана Гиллеспи не было сделано никаких попыток прекратить его или примирить спорщиков, хотя ссора разгорелась за его столом.

Место дуэли было выбрано на полпути между Атаем и Карлоу. Поединок, как обычно, сопровождала целая толпа. С сожалением должен сказать, что присутствовало несколько моих знакомых и родственников. Мой брат и мистер Маккензи стрелялись на небольшом лугу на берегу реки Барроу. Гиллеспи считался близким другом моей семьи, он *добровольно* вызвался стать секундантом Маккензи (которого почти не знал), не испытывающего никакой склонности к примирению. Гиллеспи также ничего не хотел слушать; честь военного человека, говорил он, требует удовлетворения не чем иным, как *кровью*.

Соперники выстрелили и оба промахнулись; вторые выстрелы тоже не имели никаких последствий. Снова было предложено примириться, но Гиллеспи возразил. Можно ли представить, что в цивилизованной стране, когда оба соперника получили удовлетворение, один из дуэлянтов тут же гибнет от руки *секунданта*? Тем не менее так и случилось: мой брат перенес два

выстрела противника, а когда выразил свою готовность к примирению, пал мертвым от руки секунданта своего противника.

Самого Гиллеспи сейчас нет в живых: он умер той же смертью, и он навлек ее на себя сам. Но Провидение отнеслось к нему с большей благосклонностью – он пал от руки врага, не став жертвой оружия близкого друга.

Следствие установило следующие главные факты. Когда Маккензи и мой брат произвели четыре безрезультатных выстрела, последний сказал, что надеется, что для чести обоих участников сделано достаточно, и одновременно протянул руку Маккензи, чей секундант, капитан Гиллеспи, воскликнул, что его друг *не должен* чувствовать себя удовлетворенным и что дуэль необходимо продолжить. Часть зрителей решила, что конфликт исчерпан, но, если мой брат настаивал, что готов примириться, небольшой кружок, собравшийся вокруг него, отпустил несколько резких выражений в адрес Гиллеспи, который в свою очередь, потеряв всякий контроль над собой, внезапно бросил платок в Уильяма Баррингтона и спросил, осмелится ли он прикоснуться к нему. Несчастный юноша, полный воодушевления и отваги, схватил платок и в то же мгновение получил пулю от Гиллеспи – они стояли так близко друг к другу, что его сюртук оказался опален вспышкой пороха. Уильям упал, его отнесли в соседний дом, где тем же вечером юноша в больших мучениях и скончался. Когда он падал, то выронил свой пистолет. Гиллеспи тут же умчался в сопровождении трех своих драгун, которых он взял с собой и которые присутствовали при этом развитии событий, но он отказался представить их суду. Многочисленные зрители, с трудом сдерживая слезы, оставили место дуэли.

Защита капитана Гиллеспи исходила из того, что его вывели из себя оскорбительные выражения со стороны моего брата, добавив, что курок пистолета Гиллеспи был поврежден выстрелом моего брата. Но это опровергалось тем фактом, что он все же *стрелял* и поразил намеченную цель, – а если бы курок был ранее поврежден, пистолет Гиллеспи не мог бы выстрелить. По правде говоря, все обстоятельства ситуации, когда секундант убил дуэлянта, потому что тот хотел примирения, были и остаются совершенно уникальными в истории дуэлей даже в самые варварские времена и в таких же странах.

Судья Бредстрит, который судил обвиняемого, высказал мнение, что по закону это – чистое убийство. Вердикт в убийстве по неосторожности должен быть возвращен, потому что в основе его лежали ложные соображения, но полностью *оправдать* его (Гиллеспи) жюри присяжных не смогло.

Следствие не выдвинуло обвинения против Маккензи, потому что он вел себя как офицер и джентльмен и хотел примирения. Конечно, он был оправдан.

Жюри столкнулось с большими трудностями, вынося свой вердикт. Некоторые из присяжных были людьми с устоявшейся репутацией, и они долго не могли прийти к решению. Они не могли ни оправдать, ни обвинить, и наконец было принято решение, которое не соотносилось ни с законом, ни с доказательствами. Вердикт *«оправданного убийства»* был возвращен, в результате чего капитан Гиллеспи был отпущен в обмен на его обязательство предстать перед судом Королевской скамьи (старейшее в Великобритании судебное учреждение. Выделен из Королевского совета в отдельную курию в 1178 г. – *Ред.*) и просить помилования у его величества».

Таков отчет, представленный сэром Джонахом о гибели своего несчастного брата Уильяма. Она легла тяжелым грузом на судьбу генерала Гиллеспи, и, прежде чем мы представили его публике, его семья имела возможность внести свои коррективы.

Представив так много примеров опасностей, сопровождающих нелегкие обязанности секундантов, мы надеемся, что в будущем мужья и отцы смогут отказываться от подобных обязанностей при дуэлях, которые с достоинством исполнялись только такими джентльменами, как О'Горман Мэхон, сочетавшими в себе большую личную смелость с гуманностью и здравым смыслом. «Принимая участие, – говорит этот достойный ирландец, – в таких ситуациях (подобные обязанности всегда куда более ответственны и утомительны, чем у *дуэлянтов*), мы не должны быть слишком придирчивы и требовательны, добиваясь устного согласия покончить дело почетным примирением. Это правда, что мы можем подвергнуться обвинениям в излишнем либерализме, когда стараемся избежать враждебных осложнений, но, как правило, такие обвинения исходят от людей, которые стараются избежать дуэлей».

Слова, которые сказал своему духовнику в монастыре Ганганелли (Джованни Винченцо Антонио, в монашестве Лоренцо Ганганелли (1705 – 1774), с 1769 римский папа Климент XIV. – *Ред.*), в равной мере могут быть применимы к секунданту на дуэли: «Бывают случаи, когда необходимо проявить всю свою твердость, без которой вы будете не руководителем, а тем, которым руководят. Если вы не сделаете этого, вам придется горько пожалеть».

УСПЕШНОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

Кто спас жизнь – заслуживает лаврового венка.

Сельские жители однажды вмешались в горячий спор между господами М. и М-й. Случилось это в 1826 году, близ Слайго (Ирландия, как и следующие населенные пункты). Сельчане решительно заявили, что два выстрела, которыми обменялись дуэлянты, более чем достаточно удовлетворяют любое возможное оскорбление и они не хотят, что «жинтлемины убивали друг друга». Крестьяне в Роскоммоне вели себя точно таким же образом, когда по соседству с ними два джентльмена из Лонгфорда договорились о встрече для выяснения отношений. В данном случае крестьяне, разоружив обе стороны, применили силу, после чего противники заявили, что их спор по вопросам чести закончен.

В 1783 году проходящий мимо священник все же смог примирить двух джентльменов, которые собрались драться у гравийного карьера в Кенсингтоне. Мистеру Кристоферу Бентаму из Дублина после многих безуспешных попыток все же удалось добиться примирения двух джентльменов, которые уже приступили к дуэли рядом с Милтауном. Подробности этого случая вы найдете далее.

Наш покойный друг, достойный и талантливый хирург Джон Адриен, потеря которого вызывает глубокую скорбь и чей врачебный халат достался его сыну, обладал немалым опытом в делах чести, и поэтому к его мнению часто обращались. Когда его, как медика, пригласили к мистеру Кассиди, которому было примерно девятнадцать лет, и к шестидесятилетнему мистеру О'Нейлу, хирург убедился, что стороны, обменявшись парой выстрелов, готовятся приступить к кулачному бою. Говорят, что это предложение Кассиди сделал от имени своего друга, мистера О'Нейла, лейтенант Эверард, один из секундантов, но никто из дуэлянтов не помнил ничего подобного. Лейтенант Дуглас со стороны мистера Кассиди принес извинение, но, как ни странно, мистер Эверард его отверг. Обратились к помощи Адриена, у которого были рассудительная голова, чувствительное сердце и язык, умеющий убеждать. Кассиди сошел с места, двинулся навстречу противнику, выразил свое сожаление из-за причины этой ссоры и обнялся с человеком, который мог стать его жертвой при очередном обмене выстрелами.

Когда в газетах было объявлено, что мистер О'Коннел прибыл

в Лондон и направляется на континент, чтобы драться с мистером Пилем, эта информация стала известна в магистрате, и обе стороны были арестованы.

Досточтимый мистер Л'Эстранж сообщил информацию в полицейский участок, и были выданы ордера на арест мистера Мориса О'Коннела и Дарси Мэхона.

Мистер Коль, полицейский судья, в ложе дублинского театра стал свидетелем конфликта, который, возможно, мог привести к дуэли, и был вынужден обратиться к обеим сторонам, чтобы восстановить мир. Впоследствии его поведение было одобрено судом Королевской скамьи.

Спикерам палаты лордов и палаты общин и в Вестминстере и в Дублине часто удавалось успешно вмешиваться в ход подобных дел.

Мистер Курран однажды добился примирения с помощью удачной шутки, которая развеселила и всю ирландскую палату общин. Пример его действий приводится в рассказе одного из дуэлянтов. После многих лет доброго знакомства и дружбы между господами Баррингтоном и Толером разгорелся горячий спор. По возвращении последнего от лорда Клэра, с которым он обедал, Баррингтон сказал, что он может подать руку кому угодно, а вот в сердце у него никого нет. На эти слова был дан темпераментный ответ, и движением головы Толер предложил Баррингтону последовать за ним, что тот без промедления и сделал, но спикер послал пристава арестовать их обоих. Толер был пойман за полу сюртука, который полностью сполз с него. Баррингтон был остановлен на Нассау-стрит, и под крики толпы его на плечах доставили в палату общин. Толер попытался было оправдать свое поведение, но в таком виде он выглядел настолько смешно, что неизменно находчивый Курран обратил все дело в шутку, сказав, что это беспрецедентное оскорбление палате общин, когда один ее член сдергивает сюртук с другого едва ли не на глазах спикера.

Лорд Колерейн, ранее известный под прозвищем Синий Висельник из-за цвета своей одежды, был, наверное, самой элегантной личностью своего времени; не меньшей известностью он пользовался из-за своей вежливости и хорошего чувства юмора. Серьезно проигравшись в молодости, он был вынужден уехать во Францию, где провел двенадцать лет вплоть до смерти старшего брата, когда, уже настоящим французом, он вернулся, чтобы принять титул лорда.

Когда его светлость впервые посетил театр Друри-Лейн, природный юмор Колерейна принес ему определенное неудобство при случайной встрече. Видя, как в ложу, где он, одетый с иголочки, сидел, входит джентльмен в *сапогах* и бесцеремонно

устраивается рядом, его представление об этикете вынудило лорда отпустить замечание, которое во Франции было бы сочтено нарушением правил хорошего тона: он обратился к соседу со следующими словами: «Прошу вас, сэр, вы можете не извиняться». – «Извиняться? Чего ради?» – «Ну как же, – ответил его светлость, показывая на сапоги, – за то, что вы не привели с собой в ложу свою лошадь». – «Возможно, вам повезло, сэр, – возразил незнакомец, – в том, что я не взял с собой *хлыст*, но я могу проучить вас и рукой, когда дерну за нос за вашу невоспитанность». Вмешались другие джентльмены, присутствовавшие в ложе, и стороны, обменявшись визитными карточками, покинули театр.

Синий тут же отправился к своему брату Джорджу в Брукс и, рассказав о происшествии, попросил ему помочь справиться с этой неприятной ситуацией, «которая, – сказал он, – может кончиться кровопролитием. Я признаю, – продолжил он, – что был зачинщиком, но угрожать дернуть меня за нос – это уж никуда не годилось. Что мне оставалось делать?» – «*Как следует намылить нос*, – ответил Джордж, – и тогда он легко выскользнул бы из пальцев». Тем не менее Джордж уладил дело к удовлетворению обеих сторон, объяснив другой, что его брат так долго жил во Франции, что почти забыл обычаи соотечественников.

Этот метод избегать покушения на свой нос был любимым у полковника Хангера, потому что он его даже рекомендовал в «Воспоминаниях о моей жизни», – он говорит, что если кто-то решил из-за спины оклеветать другого джентльмена, то должен первым делом предпринять необходимые предосторожности, *как следует намылив нос*.

В «Истории Лондона» мы нашли историю, как по тридцать джентльменов с каждой стороны на рассвете встретились в Мурфилдсе, который в то время был довольно уединенным местом, чтобы разрешить какую-то личную ссору. Место это располагалось перед сумасшедшим домом, и приготовления к схватке вызвали живейший интерес у его обитателей. Как только дуэлянты выстроились друг против друга и приступили к делу, сумасшедшие, охваченные неконтролируемым возбуждением, вырвались из своего деревянного жилища и, вооруженные дубинами и тем, что попало им под руку, напали на дуэлянтов, чье оружие не могло противостоять их натиску. Получив хорошую взбучку от психов, поединщики быстро рассеялись.

Прежде чем уехать из Каслбара, судья Бартон, зная, что на рассмотрении находится дело о дуэли, призвал к себе обе стороны – лорда Бингхема и мистера Джеймса Брауна – и

заставил их вместе с поручителями под залог в девять или десять тысяч фунтов с каждой стороны дать обязательство соблюдать мир. Его светлость предупредил их, что если они отправятся во Францию и там встретятся на дуэли, то за нарушение обещания потеряют свои залоги. Этот пункт закона был мало известен.

В марте 1750 года адмирал Ноулс и капитан Х. дрались на дуэли. С каждой стороны было сделано несколько безрезультатных выстрелов. Его величество, узнав, что четверо других офицеров бросили вызов адмиралу, отправил их под арест. Покойный король питал особую симпатию к несчастному Харви Астону и, зная его склонность драться на дуэлях, которые его величество запретил, заставил его дать обещание, что он больше не будет драться, и предупредил, что в случае нарушения этого обещания он будет казнен.

Мистер Хануэй говорит, что «самая большая неприятность во время прелюдии к дуэли часто заключается в беззаботности или слишком большой уверенности, что все как-то уладится, что вмешаются зрители или друзья с обеих сторон; могу добавить, что для участников дуэли считается позором спрашивать совета в таких случаях. Весьма отважный морской офицер, который не раз доказывал свою смелость в куда более серьезных случаях, неоднократно заверял меня, что ему приходилось служить орудием примирения в более чем двенадцати ссорах, которые, по всей видимости, должны были кончиться дуэлями».

Прежде чем закончить этот раздел о вмешательстве с целью примирения, мы хотели бы напомнить всем секундантам и советчикам, что в тех случаях, когда они считают необходимым принести извинение или, стоя на линии огня, не ответить на выстрел, первый, кто это сделает, будет считаться более достойным человеком.

Примирение не может быть достигнуто слишком быстро, и, пока не поступит окончательный отказ от схватки, ни друзья, ни другие лица, присутствующие на месте, не должны оставлять своих усилий, чтобы они могли сказать вместе с Гомером: «Смири свой бурный гнев; ты должен обладать милосердным сердцем. Даже боги проявляли мягкость. Даже если кто-то преступал закон или совершал ошибку, воздержись от гнева...»

Исходя и из нашего собственного опыта, накопленного за много лет, и из знаний некоторых друзей, а также из тысяч анекдотов и случаев, собранных нами, мы можем уверенно утверждать, что имеется очень мало случаев, в которых нельзя было бы легко добиться достойного примирения, не прибегая к *последнему доводу*.

ОПРОМЕТЧИВОСТЬ ДРУЗЕЙ И РОДСТВЕННИКОВ

О! моему другу суждено стать
моим убийцей!

В случае с Колклоухом и Алкоком мы воспользуемся мнением барона Смита, что «была гораздо большая возможность добиться примирения, чем было сделано попыток; и покойный [мистер Колклоух] пал жертвой несдержанности и горячности своих друзей. Это [продолжает опытный судья] печальная истина, с которой, как ни грустно, не может не согласиться любой, кто слышал об этом процессе. Ни один из тех, кто верит в силу доказательств, не усомнится, что, хотя покойный пал от выстрела из пистолета, который держал мистер Алкок, есть основания задаться вопросом, не был ли он обречен на смерть действиями мистера Кинга [одного из его секундантов] или приятеля мистера Колклоуха».

В фатальной дуэли между майором Кларком и мистером Фитерстоном ссора произошла из-за новобранца, на которого каждый упрямо заявлял свои права, и отца мистера Ф., который, как говорят, запретил своему сыну возвращаться с места дуэли, пока не уложит своего противника. Мы были с ним близко знакомы и получили от него все подробности ссоры.

В сентябре 1824 года в Доминике состоялась дуэль между двумя цветными парнями, Дамасом и Рейни, каждый из которых не достиг и шестнадцати лет. Первый, чья мать присутствовала на месте дуэли, был убит, а выживший удостоился похвалы своего отца.

Отцы двух шестнадцатилетних ребят побуждали их к дуэли, которая и состоялась рядом с Аугустой; и один их них присутствовал, когда его сын был убит ружейной пулей.

Когда мистер Люк Киф застрелил мистера Фицджеральда, отец жертвы был единодушно ославлен за ту роль, которую он сыграл в этой дуэли.

Корнель заставил такого отца сказать своему сыну:

Перебори гордыню и испытай свою отвагу;
Лишь кровь одна способна оскорбление смыть;
Убей или умри.

Родственница мистера Уильяма Баррингтона, которая

неосторожно рассказала о ссоре между этим джентльменом и лейтенантом Маккензи, стала причиной двух дуэлей, в последней из которых ее брат пал от руки капитана Гиллеспи.

Дуэль между мистером Джоном Дэвисом и капитаном Хирном состоялась близ Килкенни (Ирландия). Капитан Хирн был убит вторым выстрелом, а родственник, который был заинтересован в его смерти, подвергся осуждению за то, что способствовал дуэли.

Мистер Д'Эстер обязан смертью неосмотрительности своих друзей, которые заставили его принять участие в ссоре, не имевшей к нему отношения, и которая в случае смерти мистера О'Коннела могла бы иметь самые серьезные последствия.

Мы верим, что друзья и родственники больше не будут способствовать ссорам, а также не будут сопровождать стороны на место дуэли, за исключением тех случаев, когда они могут способствовать примирению.

НИЧТОЖНЫЕ ПОВОДЫ ДЛЯ ССОР

– Из-за чего вы, двое, деретесь?
– Как из-за чего? У меня серые глаза, а у него голубые.

Наши читатели могут развеселиться, когда узнают, что эти слова взяты из «Альманаха Бедного Хэмфри», где они приводятся в субботу 21 марта 1829 года, в тот самый день, когда его светлость Веллингтон и герцог Уинчилси сошлись в смертельной схватке, которой можно было бы легко избежать, обратись они к суду чести.

«Конфликты такого рода, – говорит Джонас Хануэй, – в любом случае должны быть представлены суду чести, который сможет легко уладить подобную ссору, если ее участники в самом деле готовы действовать по-человечески».

Лейтенант Ньюмен был убит собратом-офицером в Атлоне (Ирландия). Причиной ссоры стало мелкое замечание, полученное, когда обе стороны играли в чехарду. Ньюмен был ранен в нос, в страшных мучениях прожил какое-то время и умер буквально от голода, поскольку не мог глотать; он оставил жену и четырех безутешных детей скорбеть по мужу и отцу.

Племянник французского министра был убит в Страсбуре (Франция) на дуэли, которая состоялась из-за вопроса, можно ли необъезженную лошадь приручить за три дня.

На дуэли в Айркорте мистер Доннелан убил мистера Калланана, который был его закадычным другом и одноклассником. Ссора возникла из-за шейного платка, который мистер Калланан одолжил у своего приятеля, когда того не было дома.

Фатальная для сэра Джорджа Рамсея дуэль состоялась в 1790 году из-за толчка, который у дверей эдинбургского театра нанес капитану Макрею слуга сэра Джорджа, и отказа последнего уволить этого слугу за подобное оскорбление. Пуля прошла рядом с сердцем, и сэр Джордж в страданиях прожил еще несколько дней. Его смерть оказала такое воздействие на несчастного слугу, что тот впал в психическое расстройство, от которого так и не оправился.

Гибельная дуэль между господами Монтгомери и Макнамарой возникла из-за легкого шлепка, которым один из этих джентльменов наградил собаку другого; в соответствии с дополнительными свидетельствами, на того, кто оказался слишком нетерпим, легла тень смерти, и он сошел под сень

гробницы.

Один ирландский офицер сказал в военной кофейне на Сент-Мартинс-Лейн, что видел пространство в пятьдесят акров, буквально заполненное анчоусами, что вызвало в компании недоверчивые возгласы. Возмущенный такой реакцией на свои слова, он обозвал негодяем того, кто усомнился в них. Состоялась встреча, и, когда соперники были готовы обменяться вторыми выстрелами, ирландец подошел к своему противнику и извинился за свою столь явную ошибку, когда употребил слово «анчоусы» вместо «каперсы».

В июле 1828 года на Боу-стрит два джентльмена поссорились из-за вопроса использования угольной ямы, из-за чего один послал приглашение другому – не окажет ли тот одолжение явиться и получить пулю перед завтраком.

Доктор Додд рассказал нам, что однажды вызов был послан джентльмену, который демонстративно вышел из комнаты, в которой оскорбленный вел разговор на какую-то тему, показав тем самым, что она интересна для других, но не для него.

Отец Стерна (Лоренс Стерн (1713 – 1768), выдающийся английский писатель. – *Ред.*) дрался с капитаном Филипсом из-за гуся. Майор Д'Арси вывел из себя майора Доусона, попросив того принести «другой стакан» для напитка. Но наверное, случай с генералом Барри и капитаном Смитом стал самым необычным из всех, которые только случались. Редактор «Морнинг кроникл» привел нижеследующее описание его, но полный отчет мы сознательно оставляем для раздела «Ссоры между моряками и военными».

«Случай на Боу-стрит представляет собой яркую иллюстрацию тех трудностей, когда приходится противостоять готовности к ссоре. Капитан Смит и генерал Барри были пассажирами на одном из пароходов, которые ходили из Ирландии, и как-то за обедом капитан предложил генералу выпить с ним вина, но тот отказался, потому что в море спиртные напитки вызывают у него недомогание. Другая сторона сочла этот отказ оскорблением, которое требует объяснения – или же *встречи*.

Не будь у генерала Барри здравого смысла, этот инцидент мог бы закончиться потерей человеческой жизни. Англичанину трудно представить, как кто-то может увидеть в таком инциденте основание для личной обиды и последующей ссоры. Он может почувствовать себя обиженным, уязвленным, но ему никогда и в голову не придет вызвать на поединок и заколоть того, чье поведение не соответствует его представлениям о хорошем тоне. Он не в состоянии представить, что способен дойти до того,

чтобы лишить жизни другого человека или рисковать своей собственной, не имея для того достаточных оснований, которые могли бы успокоить его совесть».

ССОРЫ, ВОЗНИКШИЕ ИЗ-ЗА ОШИБКИ

Позор на вас обоих, молодые люди!
У вашей ссоры нет никаких причин.

Когда сэр Джонах Баррингтон учился в колледже, ему пришлось драться на дуэли с мистером Ричардом Дейли, впоследствии попечителем дублинского театра, по чьему приглашению он часто бывал в Доннибруке. Между ними никогда не было ни малейших ссор, и вообще раньше они не были знакомы. Баррингтона сбил с толку другой джентльмен, но отказаться от дуэли на таком основании было уже нельзя, и обе стороны получили ранения. Историю эту можно найти среди «Ссор в суде», потому что во время дуэли мистер Дейли был франкмасоном.

Лорд Килмаурс, старший сын герцога Гленкерна, будучи в театре в Марселе, разговаривал слишком громко, поскольку страдал сильной глухотой. Французский офицер, не знавший об этом его недостатке и которому мешал звук голоса лорда, несколько раз попросил его говорить потише. Лорд Килмаурс его не расслышал и продолжал громко разговаривать. Тогда офицер, гневно взглянув на него, бросил: «Придержите язык!» – что и привело к фатальной дуэли.

В мае 1826 года на поле рядом с Хайгейтом состоялась дуэль между мистером С., молодым джентльменом из Ирландии, и мистером Б., итальянцем. Первого сопровождал капитан У., а другого – мистер И. Мистер Б. стрелял первым и промахнулся, после чего мистер С. разрядил свой пистолет в воздух, что и привело к окончанию дуэли. Ссора началась предыдущим вечером на Портленд-Плейс, где мистер С. нанес удар хлыстом мистеру Б., по ошибке приняв за другого итальянского джентльмена, на которого тот очень походил. Убедившись в своей ошибке, мистер С. извинился, но мистер Б., решив, что шутка зашла слишком далеко, настоял на дуэли.

В Портсмуте португальский офицер, который не знал английского языка, поссорился из-за двадцати бараньих ног, которые он заказал к ужину вместо двадцати овечьих. Подробности этого недоразумения можно найти в дублинской газете «Морнинг пост» от 29 сентября 1828 года.

Очень близкий родственник почтенного Джонаса Хануэя однажды на улице подвергся нападению одного из «драчливых

джентльменов», который, похоже, принял его за другого человека. Родственник Хануэя отошел и сказал: «Ради бога, успокойтесь, я вас никогда раньше не видел и не знаю, кто вы такой», но тем не менее это не остановило нападавшего. Глаза его были так же слепы, как и сердце. Он продолжал стоять на своем и заплатил за свою грубость смертельной раной, но прожил достаточно долго, чтобы успеть попросить прощения за свою ошибку.

Лейтенант Кроувер стал жертвой печальной ошибки со стороны капитана Хелшема. История лорда Байрона и Томаса Мура возникла из недоразумения, а печальная история господ Андерсона и Стивенса имела под собой предполагаемое оскорбление.

В дублинских газетах рассказывалось, что 13 мая 1828 года мистер Х. с Хардвик-стрит получил письменное извинение за оскорбление, которое некая достойная личность нанесла ему 13 декабря и *каковое оскорбление было нанесено по ошибке*; столь благородный подход и заставил его не называть другую сторону.

Когда выясняется, что какая-то ссора произошла по ошибке, пусть даже и был нанесен удар или стороны позволили себе оскорбительные слова, куда разумнее обменяться извинениями, чем выстрелами. Человек, который считает себя оскорбленным, должен забыть о той горячности, с которой он действовал, а объект его возмущения всегда будет поддержан порядочными людьми за то, что не усугублял трудности на пути к примирению.

ДУЭЛИ МЕЖДУ БРАТЬЯМИ

Мой брат! О, мой брат!
У тебя не хватало любви выносить меня, когда я забывал тот грубоватый юмор, которым наделила меня мать.

Нам хотелось бы привести подробности фатальной дуэли, которая состоялась на месте и поныне известном как Шаги Брата.

В марте 1691 года Томас и Эдуард Сесил, сыновья третьего герцога Солсбери, дрались и серьезно ранили друг друга в Сен-Жермене. После дуэли они помирились, взаимно попросили прощения друг у друга, послали за католическим священником и приготовились к переходу в другой мир. Старший, которому было не больше девятнадцати, умер от ран, а младший, хотя и с большим трудом, все же оправился; потрясенный мыслями о судьбе брата, он ушел в монастырь Ла-Траппе.

Два брата, которые оба любили одну и ту же женщину, встретились в дуэли на пистолетах в Буа-де-Булонь и бросили жребий, кому стрелять первым; тот выпал на долю старшего. Он занял место на расстоянии трех шагов, прицелился в брата и попал ему в левый бок. Не успел младший брат увидеть текущую кровь, как послал пулю в брата и убил его на месте. Затем его охватило глубокое раскаяние: он бросился на тело, обнял свою жертву и облил ее слезами. Младший брат решил спастись, уехав в Париж, но, убедившись, что его повсюду преследует призрак убитого брата, в Дижоне сдался властям.

Кто в будущем рискнет быть секундантом или просто свидетелем, когда два брата сходятся на дуэли? Мы надеемся, что пресса выставит его на всеобщий позор для блага общества.

ДУЭЛИ МЕЖДУ ДРУЗЬЯМИ

К чему гнев, друзья! Сколько несбывшихся надежд и упущенных возможностей вы ставите под удар, обнажив шпагу.

В Нью-Йорке мистер Бартон застрелил на дуэли мистера Грэхема, с которым долгое время был в тесных дружеских отношениях. Два офицера, имевшие одну фамилию Несбитт, которые были друзьями и близкими родственниками, дрались в Атлоне. И два кузена по фамилии Пауэлл, которые были членами Ирландского сообщества, встретились на гибельной дуэли в Дублине. Джон Колклоух был убит своим другом Алкоком.

Мистер Алкок потерял рассудок после дуэли, и та же судьба постигла и другого выжившего в дуэли, которая состоялась рядом с городом Корк. В Кашеле двое друзей поссорились у бильярдного стола. Один был опытным стрелком, а другой – миролюбивым человеком, не имевшим никакого опыта. Были сделаны попытки примирить их, но брат одного из дуэлянтов способствовал их самоубийственной встрече и настоял на дуэли, которая состоялась на церковном дворе. Соперники заняли места на противоположных углах площадки и, взяв пистолеты от своих секундантов, получили разрешение сближаться и открывать огонь на том расстоянии, которое их устроит. Тот, которого подбадривал *брат*, привык попадать в туза пик с сорока ярдов и заявил, что с этого расстояния уложит своего соперника, но, потерпев неудачу, сам стал жертвой человека, который практически не умел обращаться с пистолетом и, как правило, отличался миролюбием.

В 1769 году капитан и лейтенант морского флота, которые были закадычными друзьями, изрядно выпив, дрались в Плимуте.

Господа Стюарт и Дейд были близкими друзьями и жили едва ли не дверь в дверь в графстве Кинг-Джордж в Виргинии. Ссора их носила совершенно пустячный характер, и в августе или сентябре 1820 года они встретились на берегу Мэриленда, напротив своих собственных домов (т. е. на другом берегу Потомака, уже в Мэриленде. – *Ред.*). Стрелялись они на очень близком расстоянии, из мушкетов, заряженных картечью. Мистер Стюарт получил полный ее заряд и через несколько часов скончался.

В июле 1824 года в Париже состоялась дуэль между лейтенантом Финчем и мистером Биби, которые в прошлом были

близко знакомы, но их дружба сошла на нет из-за какого-то мелочного недоразумения. Оно так и оставалось невыясненным, пока Финч не оскорбил какого-то священника, и друзья последнего потребовали сатисфакции. Мистер Ф. не мог дать ее, и поэтому было выдвинуто предложение, чтобы лейтенант выбрал себе противника из числа друзей священника. Он выбрал мистера Биби, решив, что с ним сможет разрешить давнее недоразумение, пока тот защищает священника. Они сошлись, и мистер Биби пал от первого же выстрела.

В сентябре 1820 года господа Феншоу и Хартингер, поссорившись из-за какой-то родственницы, встретились на скачках в Аскоте. Они были друзьями и близкими родственниками. После первых выстрелов были предприняты бесплодные попытки примирить их, и во время обмена третьими выстрелами оба были весьма серьезно ранены.

Знаменитый герцог Честерфилд, узнав, что два подстрекателя пытаются организовать дуэль между ним и очень близким другом, договорился с ним, что те должны быть секундантами и что дуэль будет проходить, пока дуэлянты не получат последний сигнал, но вместо того, чтобы стрелять, они вместе уйдут с площадки, оставив секундантов подумать о своем недостойном поведении. План был великолепно претворен в жизнь, о чем позаботились дуэлянты. Перед тем как обмениваться выстрелами, их поставили спиной друг к другу на определенном расстоянии. Но когда был дан сигнал к началу дуэли, они, вместо того чтобы открывать огонь, разошлись в разные стороны, оставив пораженных секундантов размышлять о своем предательском поведении.

Сэр Ричард Стил (1672 – 1729) в своих «Умных любовниках» вложил следующие чувства в уста Миртл: «Как много друзей пало от рук своих же приятелей, которые поддались влиянию темперамента».

СКАНДАЛЬНЫЕ ЛИЧНОСТИ

Задиры всегда трусы, а трусы склонны к скандалам.

Автор некой интересной книги о войне говорит: «Тот, который легко оскорбляется, столь же легко сам может оскорбить. Человек, который все время находится в тревожном ожидании, что кто-то покусится на его честь и права, никогда не промедлит поссориться со своими соседями. Такая личность может быть опасна, как профессиональный убийца, но он редко вызывает уважение и никогда не высказывает сожаление; мы не оказываем ему ни симпатии, ни почестей и часто проявляем равнодушие, если даже нам что-то не нравится. Тем не менее жизнь такого человека полна ссорами и тяжбами; его спокойное бытие ничем не нарушалось бы, если бы он с такой яростью не кидался мстить по каждому мелочному случаю, не отвечал бы с такой злостью на каждое пустячное оскорбление. Встречаясь с гадюкой, мы позволяем ей жить, если она спокойно ведет себя, но, если она представляет собой опасность, мы наносим ей удар по голове».

Когда два человека, отличавшиеся бурными и скандальными характерами, предстали перед Филиппом II Македонским (ок. 382 – 336 до н. э.) в ожидании его решения, он, как говорят, сказал им следующие справедливые слова. «Тебе, – приказал он одному из них, – я повелеваю немедленно покинуть пределы Македонии. А тебе, – повернулся он к другому, – позаботиться немедля поспешить вслед за ним». Таким образом, царь выгнал из столицы двух личностей, мешавших цивилизованному обществу. «Он правильно освободился от них, – сказал историк о таких саламандрах, обожающих жить в огне раздоров. – Они устраивают бурные ссоры по совершенно ничтожным поводам и к тому же понятия не имеют, когда и как покончат с ними».

Дальше мы обрисуем интересную личность скандалиста и грубияна Джорджа Роберта Фицджеральда, который дрался на тридцати дуэлях и впоследствии был повешен за убийство. Решив вывести из себя лейтенанта Томпсона, он на цыпочках незамеченным пробрался на бал и, когда гости вышли пройтись в сад, запер двери изнутри. После тщетных стараний Томпсона добиться у Фицджеральда извинений за нанесенное беспокойство он предоставил ему право выбирать место дуэли и расстояние. «Вот он я, – сказал Фицджеральд, – стреляйте». Пуля второго выстрела скользнула ему по виску, от чего Фицджеральд пошатнулся, застонал и рухнул. Соседи, услышав звуки

выстрелов, высадили калитку в сад и увидели, что Томпсон, распростертый на земле, плачет над телом своего противника. Он обвинил себя в убийстве и выразил готовность предстать перед законом. Но когда Фицджеральд пришел в себя, выяснилось, что трепанации черепа не понадобится; и пациент самым взволнованным образом стал умолять хирурга, чтобы при операции не пострадала его шевелюра.

В другом случае Фицджеральд, имея при себе оружие, явился к дверям уважаемого сборщика налогов Брауна, громогласно обозвал его трусом и потребовал немедленной дуэли на кинжалах или пистолетах. Браун предпочел шпагу и со своим оружием под мышкой отправился к другу, которого хотел пригласить в секунданты, но тут Фицджеральд внезапно снова обвинил его в трусости и разрядил в Брауна заряженный пистолет, что заставило того спешно вернуться в свой дом.

Фицджеральд однажды проследовал за ныне покойным Ричардом Мартином, членом совета графства Голуэй, до дублинского театра, нанес ему удар тростью и сказал: «Получай, ублюдок!» Мистер Мартин послал ему вызов через мистера Лайстера, который тоже получил удар тростью за вмешательство. Мартину долго не удавалось получить удовлетворение. Наконец было обговорено, что встреча состоится на казарменном дворе Каслбара, на дистанции в девять ярдов. Но здесь грубиян дважды мешал прицелу мистера Мартина, когда видел, что находится на мушке меткого стрелка. В первый раз он сказал: «Мартин, я не готов», вынудив противника опустить пистолет. Во второй раз он прервал ход дуэли выкриком: «У тебя кровь на глазу, кузен Дик, опусти пистолет!» При втором обмене выстрелами оба дуэлянта были ранены.

Цезарь Френч однажды потребовал от капитана Фицджеральда явиться в Каслбар. Несколько раз обменявшись выстрелами, Френч получил ранение в бедро, и мог бы прикончить Фицджеральда, если бы тот якобы случайно не упал на землю; но мистер Френч был настолько благороден, что не воспользовался этим преимуществом.

Эта печально известная личность была как-то представлена английским послом королю Франции с сообщением, что он дрался на несчетном количестве дуэлей, в том числе шести или двенадцати фатальных. Король же сказал, что с такой жизнью мистер Фицджеральд может составить отличную компанию Джеку Потрошителю Великанов.

Среди завзятых дуэлянтов, которым нашлось место в нашем перечне, есть такие господа, как Макманус, Макнейл, Хардиган, Скроггс и Марриот. Офицеры, которые, исходя из выводов

Утрехтского договора, доставляют неприятности цивилизованному обществу, в которое они вторгаются с единственной целью организации дуэлей, и все остальные офицеры должны избегать общения с ними. Макманус был послан в Вест-Индию, где ввязывался во множество ссор, пока наконец некий плантатор после многих оскорблений вызвал его на дуэль и застрелил. Макнейл был повешен. Хардиган, убив на дуэлях пятерых ирландцев при обстоятельствах, которые не делали ему чести, к удивлению тех, кто знал его, все же умер в своей постели. Скроггс и Марриот поссорились и, к счастью для общества, пали от шпаг друг друга.

Следующий случай – один из многих, который стоит привести в качестве примера, что дуэль не всегда служит доказательством настоящей храбрости. Во время германской войны было замечено, что офицер, служивший под началом герцога Камберлендского, проявлял большую трусость при выполнении каждого приказа; тем не менее он был известен своим скандальным нравом, и вряд ли была неделя, в которой он не дрался на дуэли, что и заставило его королевское высочество воскликнуть: «Совершенно удивительно, что под моей командой находится один из самых завзятых трусов, но тем не менее нет человека, который осмелится сказать ему это».

Несколько замечаний и анекдотов на эту тему мы прибережем, пока не зайдет речь о смелости.

ХИТРОСТИ И УЛОВКИ

В споре и ссоре благородный, бесхитростный человек безжалостному оружию предпочтет примиряющий кубок вина.

На честь некоторых противников полагаться невозможно. Движимые эгоистичным и мстительным духом, многие личности, когда не имеют значения ни доводы, ни друзья, ни время, могут пойти на убийство.

В случае с Ксантусом и Меланктусом, который приводит Страбон, было договорено, что противники выходят на место без всяких сопровождающих, но тем не менее, когда они готовились к схватке, Меланктус закричал, что условия нарушены, потому что при Ксантусе кто-то есть, на что тот непроизвольно оглянулся и был предательски убит противником.

В истории Питтакуса и Фрино первый взял с собой сеть, которую спрятал за щитом, и, набросив ее на ничего не подозревающего противника, легко справился с ним и убил его.

Предательская дуэль состоялась в 1664 году в Остуни (Южная Италия, Апулия), между графом Конверсано и герцогом Мартино. После войны слов граф предложил князю Франкавилле решить их спор на мечах; тот, будучи пожилым и слабым, отдал предпочтение пистолетам; граф, который был одним из лучших фехтовальщиков королевства, настаивал на своем и, желая спровоцировать противника, несколько раз ударил его плоской стороной ножен. Поскольку оскорбление было нанесено публично, вице-король приказал немедленно арестовать обидчика, чтобы обе стороны соответственно вернулись в свое первоначальное состояние. Тем не менее князь предложил своему племяннику, герцогу Мартино, выступить в его защиту, и на подготовку ушел целый год. В течение его некий джентльмен, который был вассалом князя, как-то ночью неожиданно оставил его и явился в замок Конверсано, где, рассказав басни об оскорблениях, которым он подвергался от князя Франкавиллы, встретил радушный прием. Поскольку он был отличным фехтовальщиком, граф все время практиковался с ним в бою на шпагах. Когда перебежчик получил исчерпывающие знания о манере фехтования графа, он под предлогом визита к родственникам вернулся к князю и объяснил герцогу Мартино, что его единственный шанс на успех заключается в надежной защите на первой стадии поединка, потому что граф, будучи

полным и темпераментным, при своей запальчивости быстро выдохнется. Они встретились. Получив первую рану, граф отверг предложение примирения и скончался, получив вторую; князь же подстраховался: он подготовил банду убийц, которые должны были прикончить Конверсано, если тот победителем возвращался бы с места дуэли.

Под заголовком «Скандальные личности» приведено несколько историй о предательствах, к которым имел отношение негодяй Джордж Роберт Фицджеральд.

В 1769 году член французского парламента Селес был приговорен к колесованию и казнен за убийство капитана Фландрского легиона Бегина, которого он вызвал и убил. Выяснилось, что у Селеса был под одеждой панцирь. И когда шпага его соперника сломалась, он упал, и его, лежащего на земле, Селес заколол.

Особый приговор был вынесен окружным судом графства Сент-Клэр в Бельвиле Тимоти Беннетту, который был судим за убийство Альфонсо К. Стюарта в феврале 1819 года. Спор между Беннеттом и Стюартом разгорелся из-за пропажи жеребца, принадлежащего Беннетту, которого, как он предполагал, убил Стюарт. Стороны встретились в таверне в Бельвиле, и, когда было предложено, чтобы Стюарт вызвал Беннетта, автор предложения заверил Стюарта, что это будет *ложная дуэль*. Итак, вызов был послан и, соответственно, принят Беннеттом. Секунданты зарядили ружья только порохом, позаботившись спрятать пули в рукава. Беннетту продемонстрировали, как его ружье зарядили пулей, после чего секундант протянул ему ружье. Затем они вышли на улицу, заняли места и открыли огонь. Стюарт получил пулю прямо в сердце и упал. Беннетт был немедленно арестован, допрошен и отправлен в тюрьму, из которой он бежал вечером предыдущего перед процессом дня. Он был задержан и снова водворен в камеру в Бельвиле. Жюри присяжных, внимательно изучив все обстоятельства этого дела, вынесло вердикт «виновен», и Беннетт был приговорен к повешению.

Томас Рамсей и Джозеф Хиггинботам дрались на дуэли в помещении в Данлавине. Имея при себе лишь один пистолет, они бросили жребий, кому стрелять первым, и он выпал Рамсею. Зарядив его только порохом, Рамсей с показным благородством отказался стрелять в противника, который, к сожалению, принял предательский подарок и, пустив его в ход, не причинил никакого вреда Рамсею; тот же зарядил пистолет пулей, что встретило возражение мистера Хэндвича, знавшего, как пистолет снаряжали раньше. Тем не менее Рамсей и человек по фамилии Фримен тут же выставили его из помещения. Мистер Хиггинботам получил

серьезное ранение, от которого отправился лишь через два года: часть ткани, вырванная пулей, попала ему в легкие. Впоследствии он был убит неким Даффи в Нарроуморе. Рамсей и Фримен скрылись после дуэли; первый стал грабителем и был повешен в Уэксфорде (Ирландия) за ограбление мистера Мастерсона.

На границе Австрии и Турции (сейчас это граница (примерно) между Хорватией и Боснией. – *Ред.*) частная ссора может привести к резне всей семьи или деревни, к опустошению провинции или даже к такой катастрофе, как межнациональная резня (как в 1990-х в тех же краях. Погибли сотни тысяч человек с разных сторон – православные сербы, хорваты-католики, боснийцы, они же сербы-потурченцы, принявшие когда-то ислам для облегчения жизни, албанцы, преимущественно мусульмане. – *Ред.*); когда же возникает серьезный спор между подданными разных империй, прибегают к способу, который называется *обычаем границы*. Выбирается обширное пространство, большое поле, на котором в назначенный день появляются судьи с обеих сторон в сопровождении тех, кого сюда привели заинтересованность или любопытство. Противники не ограничены ни в выборе, ни в количестве своего оружия, ни в выборе приемов сражения; каждый имеет право выбирать то, что, как он считает, даст ему преимущество, и должен отказаться от любых уловок, которые могут обеспечить ему безопасность или подвергнуть опасности жизнь противника. Обстоятельства одного такого пограничного сражения были воистину необычны. Немец (из немецких поселенцев), вооружившись карабином, на ложе которого был закреплен ружейный ствол, разместился в середине поля и, понимая, что сразу же может уничтожить своего противника турка, когда тот приблизится, с подчеркнутым спокойствием закурил трубку. Турок с четырьмя пистолетами, двумя на груди и еще двумя за поясом, с кинжалом и саблей на боку, напоминая оружейный магазин, приблизился и, непрерывно стреляя, стал галопом носиться вокруг немца. Тот, понимая, что такой снайпер с таким оружием ничем ему не угрожает, продолжал курить свою трубку, пока турок наконец не заметил небольшой взрыв, словно у его противника взорвался пистолет. Он стремительно помчался к нему, чтобы прирезать противника, и тут же был застрелен. Хитрый немец подсыпал немного пороха в свою трубку, и вспышка, как он и ожидал, обманула турка.

Француз и ганноверец, оба кавалерийские офицеры, поссорились на острове Корфу (ныне Греция, тогда занятая наполеоновской армией. – *Ред.*); последний обладал гигантским ростом, а первый был очень маленьким. Они дрались на саблях без малого полчаса, при этом мощный ганноверец прилагал все

силы, чтобы прикончить противника; он тяжело дышал и обливался потом. Он удвоил старания, чтобы нанести удар сопернику, который, пригнувшись, приблизился к ганноверцу, и, когда сабля немца, попавшегося на эту уловку, плашмя ударила француза по спине, тот выпустил кишки своему могучему сопернику, который испустил дух через несколько минут. Секунданты заявили, что это убийство, и подали подробный рапорт генералу Донзело, который помиловал оставшегося в живых, заявив, что не может лишиться двух таких офицеров.

Мы слышали о дуэли между французом и неаполитанцем. Один был мастером фехтования, а другой – его учеником. Во время схватки последний остроумно подкинул в воздух свою туфлю, отвлек внимание своего более искусного соперника и, застав его врасплох, заколол.

Мистер Томас Фентон, будучи секундантом своего родственника Джона Фентона, был обвинен в нечестных действиях, когда слишком долго совещался со своим дуэлянтом, потому что, стоя между сторонами, он дал Джону Фентону возможность смотреть поверх его плеча и тщательно прицелиться в майора Эллиса, который пал от первого же выстрела.

Губернатор Уолл убил джентльмена в Индии при таких сомнительных обстоятельствах, что собратья-офицеры отказались общаться с ним, и ему пришлось вернуться в Англию.

Герцог Гамильтон дрался с лордом Мохэном и убил его на дуэли. Когда тот, раненный и беспомощный, лежал на земле, он был заколот секундантом Гамильтона Маккартни, что выяснилось на процессе в результате дознания.

Когда мистер Рейнольдс приветствовал мистера Кеона и, держа в руке шляпу, вежливо пожелал ему доброго утра, тот выстрелил ему в голову. Мистер Планкетт, который был секундантом убитого джентльмена, воскликнул: «Невероятно!» – и брат мистера Кеона, сказав: «Если вам не нравится, получайте вот это», разрядил второй пистолет в мистера Планкетта. За это вопиющее нарушение законов чести и своей страны мистер Кеон, дуэлянт, был судим и казнен в столице Ирландии.

Через два месяца после того, как мистер Торнхилл был оправдан за то, что застрелил сэра Чолмондели Диринга на дуэли, он был убит в Тернхэм-Грин двумя мужчинами, которые напомнили ему о сэре Чолмондели.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРЕССЫ

Опусти свой меч; поскольку это самый худший аргумент, так пусть он будет последним.

В октябре 1825 года была сделана попытка привлечь к ответственности редактора «Курантов» за критику по поводу некоей драмы. Инициатором был мистер Причард, который счел себя оскорбленным. Следующий отрывок позаимствован из «Эдинбург обсервер»:

«В воскресенье джентльмен, который оказался редактором «Курантов», присутствовал на похоронах на кладбище Грейфриар. Человек, который, как сообщили, был мистером Причардом из королевского театра, грубо обратился к нему со следующими словами: «Несмотря на торжественность случая, на святой день и святость этого места, не могу не воспользоваться возможностью сказать, что не потерплю такого испытания своим чувствам и что вы [т. е. редактор «Курантов»], по моему мнению, законченный подлец!» В руку редактора была сунута визитная карточка, на что тот спокойно заметил: «Здесь не время и не место для такого поведения и таких выводов»; он тут же разорвал карточку, даже не взглянув на нее, и неторопливо ушел с церковного двора вместе со спутником. Вчерашние «Куранты» добавили следующее:

«Не будучи в курсе дела, какие мотивы вынудили названное нами лицо осмелиться нарушить святость этого дня и места, и даже не упоминая, что он всего лишь актер, мы предпочитаем оставить эти факты без комментариев; тем не менее посоветовавшись с друзьями, чьи опыт и место в обществе вынудили нас принять их мнение, мы вынуждены заявить, что господин, позволивший себе подобную выходку, совершил беспрецедентный поступок, который настолько оскорбил наши религиозные чувства и здравый смысл, что не заслуживает ничего, кроме жалости. Исполняя свои общественные обязанности, мы можем критиковать исполнителей из нашего театра и знаем, что наше мнение в целом отражает голос народа. И ничье поведение, как бы оскорбительно оно ни было, не помешает нам делать это. Все другие соображения уступают этой первостепенной обязанности перед обществом, которую мы и будем исполнять честно и бесстрашно».

Хотя история с полковником Россом и капитаном Фотреллом должна была бы относиться к разделу «Военные и военно-морские

дуэли», ее связь с прессой вынудила привести ее в данном разделе; и хотя в нашем распоряжении имеется заявление, весьма комплиментарное для капитана Фотрелла, мы предпочли более сдержанное, которым мы обязаны его перу.

В декабре 1817 года в Королевских казармах в Дублине состоялся военный суд над квартирмейстером Джолли из 4-го драгунского полка по обвинению в переплате за обмундирование для личного состава полка подразделению капитана Уайта. Джентльмен по фамилии Фолкнер, который служил в полку во время этих событий, был вызван дать показания, что он и сделал во внушающей доверие манере. На следующее утро мистер Ф. предстал перед судом и обратился к его председателю лорду Форбсу. Извинившись за вмешательство, он рассказал, что служил в этом полку десять лет и поддерживал теплые и дружеские отношения со всеми офицерами, к которым по-прежнему испытывает глубокое уважение. Чтобы явиться в этот уважаемый суд, он приехал из отдаленной части страны, что доставило ему немалые неудобства. При появлении на казарменной площади он был встречен офицером полка в высоком звании, который спросил, «не прибыл ли я, чтобы действовать вместе с *портным*, и что в таком случае он мне *всыпет*». Вчера, дав показания, он выяснил, что *этот* офицер собирается привести свою угрозу в действие. Он не знает, какое отношение к нему имеет слово *портной*, но обратил внимание на конский хлыст, который этот наглый тип вынул из-под сюртука.

«Это необычное обращение было написано моим другом, который присутствовал на месте, и он попросил меня передать его в одно из публичных изданий, как пример *экстраординарного случая в военной среде*, что я и сделал, не сомневаясь, что все описанное – истина. Я оставил приписку редактору издания, что, если кто-то будет интересоваться личностью автора, следует назвать мое имя. На следующий день эта статья вышла в свет, и вскоре в редакции газеты появился полковник Росс в сопровождении другого офицера того же полка и осведомился, кто автор данной публикации. Владелец издания ответил, что у него нет привычки сообщать имена авторов его газеты, разве что они искажают истину. Гости не стали отрицать справедливость напечатанного текста и удалились. На другой день они снова пришли и сообщили, что содержание не во всем соответствует истине, после чего владелец, получивший на это право, сообщил, что автором был флотский капитан Фотрелл и что он получил от него указание не скрывать этого. Владелец газеты не знал моего адреса. Я же, в свою очередь, узнав, что происходит, на следующее утро (1 января 1818 года) сам пришел в Королевские

казармы, где меня тут же встретил капитан Гамильтон и спросил, знаю ли я флотского капитана Фотрелла, на что я ответил – это я и есть. Затем он вытащил из кармана статью, о которой идет речь, и осведомился, знаю ли я что-либо о ней. Я ответил, что *был ее автором* и убежден, что все в ней правда. Затем он сказал, что уполномочен полковником Россом передать мне вызов, на что я ответил, что готов дать ему любое удовлетворение, которое он пожелает, и что без промедления отправляюсь искать друга.

Тем же вечером, не сумев найти друга, которого не было в городе, я дождался капитана Гамильтона и сообщил ему о своей неудаче. Тот ответил, что можно не спешить и подождать несколько дней, пока мой приятель не вернется.

К моему большому удивлению, *в десять часов того же вечера* меня уже дожидался драгун-вестовой с письмом от капитана Гамильтона, в котором говорилось, что если я завтра до двух часов дня не явлюсь на встречу с полковником Россом, то будет опубликовано *противоядие* против яда моей статьи. Я письменно ответил капитану, что меня не пугает действие противоядия, пусть даже оно и будет пущено в ход, но что мне повезло, и я все же встретил друга, который нанесет ему визит примерно к десяти часам завтрашнего утра. Мой друг, соответственно, явился к нему в казарму и заметил, что как-то не принято вручать вызов, предварительно не потребовав объяснений. Капитан Гамильтон ответил, что им нужны не объяснения, а *вот это* – и показал на футляр с пистолетами, лежащий на столе. Мой друг на это ответил, что я готов и буду на месте (которое он назвал) точно в два часа. Стороны явились на место одновременно. Был брошен жребий, и выбор места достался полковнику Россу; тут же было отмерено расстояние в десять шагов. Было договорено, что мы будем стрелять по сигналу *«раз, два, три»*. После второго обмена выстрелами меня попросили принести извинение. Я ответил, что, поскольку не наносил оскорбления полковнику Россу, извинений приносить не буду. После третьего обмена выстрелами меня спросили, не хочу ли я заявить, что полковник Росс не был тем высокопоставленным офицером, о котором шла речь. Я ответил, что не могу этого сделать, поскольку не знал, шла ли речь о нем.

После четвертого обмена выстрелами, когда мы еще держали пистолеты в руках, готовясь к пятому, и на месте дуэли возникла пауза, мне была представлена следующая декларация:

> «Полковник Росс, я явился сюда, чтобы дать вам удовлетворение за статью, опубликованную мной в «Каррикс морнинг пост»; мы обменялись четырьмя выстрелами, и ныне я объявляю, что *исходя из рапорта я*

не знал, о ком шла речь в статье, которая нанесла вам оскорбление, и, во всяком случае, не знаю, вы ли были тем высокопоставленным офицером, упоминаемым в статье; и теперь, когда ваш друг капитан Гамильтон сообщил, что статья неточна и в других деталях, я выражаю сожаление о своих действиях».

На это я ответил, что не возражал бы подписать этот текст после первых же выстрелов – и поэтому у меня нет возражений и сейчас. После этого мы двинулись навстречу друг другу и покинули место дуэли.

Три моих выстрела прошли через одежду полковника Росса; я же не получил ни царапины. После первых наших выстрелов я не обменялся с полковником Россом ни единым словом; тем не менее я не испытывал к нему враждебности. Я часто благодарил Бога за то, что он не дал мне причинить ему какой-то вред, – моим единственным намерением было защитить своего друга. *Дж. Фотрелл*».

В то время, когда происходили описанные события, мистер Каррик, владелец дублинской «Морнинг пост», был весьма уважаемым джентльменом, который принимал любых лиц и выслушивал их. Первым делом полковник Росс должен был указать, что именно он считает ошибочным, и мистер Каррик и капитан Фотрелл, разобравшись, сочли бы себя *обязанными компенсировать нанесенный вред*, не прибегая к той альтернативе, на которой настаивал капитан Гамильтон, когда он показал на пистолеты и отказался выслушать объяснения. Мы считаем, что это была очень несправедливая и бессмысленная дуэль. Если какой-либо офицер в высоких чинах пытается запугивать свидетеля, который исполняет свой общественный долг, он не может считать себя несправедливо оскорбленным, если какое-либо честное издание изложит все факты; и прежде, чем бросить вызов автору статьи, он должен указать слова, которые не соответствуют истине.

Благородство и мужество капитана Фотрелла значительно превосходят его осторожность. Он благородно скрыл имя своего информатора, потому что могли бы пострадать и другие участники этой неразберихи; он мужественно стоял под четырьмя выстрелами, ни один из которых не прозвучал бы, если бы полковник Росс не заявил об уроне своей чести и не отказался от публикации материала в газете с уточнениями. Мы хотели бы даже по прошествии времени изменить общественное мнение об истоках этой истории и решительно заявить, что из-за публикации фактов в прессе нельзя принимать каких-либо

вызовов.

В конце июня 1829 года в газете «Эйдж» появилась следующая публикация, которую любой джентльмен, связанный с прессой, должен был принять за правду:

«Каждый бич общества, чьи черные деяния сделали его объектом ужасных, но справедливых и частых комментариев, – от мошенника Семпла до карманного вора Сомса и, наконец, убийцы Тартелла – все они жалуются на предубеждение, с которым к ним относятся в прессе; и без сомнения, каждый и все они потребовали бы уголовного преследования редактора, который оказывает обществу услугу, разоблачая их, если бы приговоры, ссылки на каторгу или казни, к счастью, не мешали бы их намерениям».

Наша истовая преданность принципу независимости прессы не является открытием, подтверждением чего может служить следующая цитата из нашей «Школы для патриотов и порядочных людей», опубликованной в 1824 году.

«Патриот стоит, как бессонный часовой, на страже общественной прессы, следя, чтобы ее права не нарушались, и он всегда будет снисходительно относиться к мелочным огрехам и к случайным вспышкам эмоций, которые связаны с человеческой деятельностью.

Пока эти бесценные, хотя и экзотические растения надежно не утвердятся в нашей почве, мы должны осторожно относиться к прививке и обрезке их, чтобы не угрожать существованию растения; и когда, подобно благородным кедрам, корни их проникнут до самых глубин земли, уханье совы в ветвях не сможет отпугнуть путника, который отдыхает в их тени.

Нет человека, – говорит Курран, – над которым в свое время не смеялись бы. Но каждый новый день приносит какие-то поводы для осмеивания, которые занимают свое место. И еще он говорит: «Каждая личность получает свое положение по рождению, которого ее невозможно лишить и на которое невозможно воздействовать газетными скандалами; если они бессмысленны, то к ним надо относиться как к капризам погоды, которые быстро проходят. Когда они возникают, надо помнить, что луна, выходя из-за облаков, снова сияет».

Это безупречное свечение и несгибаемая преданность общественным принципам, которую он принял на себя, дает нам право гордиться таким знакомством, и его монумент не в силах разрушить никакие вандалы – вот так рукой мастера описаны редакторские обязанности; и если общественный вкус столь испорчен, что не принимает такую манеру выражаться, давайте посмотрим на моральную культуру интересующего нас

поколения, которое сменило наше.

Пресса, – говорил мистер Курран, – великолепный общественный наставник; ее обязанность та же, что у историков и очевидцев, и ее досягаемость должна достигать самых дальних горизонтов истины, то есть говорить правду королям, донося до них мнение народа и до народа – мнение короля, и нигде не должна прозвучать ложная тревога, не говоря уж об ущербе истине; пресса не должна оставлять без внимания ни одного сигнала опасности, пусть даже предупреждения о грядущей неминуемой гибели окажутся тщетными.

С нашей стороны, пусть мы можем стать жертвой редакторских нападок, пока у нас есть перо, чтобы писать, или мы можем поднять одинокий голос, мы с неизменной преданностью будем защищать это великое общественное устройство, потому что считаем его ключевым камнем триумфальной арки гражданской и религиозной свободы».

МИСТЕР ГРЭТТАН И МАЙОР ЭДЖУОРТ

В сентябре 1827 года «Фрименз джорнал» опубликовал резкую статью о покрытии мостовых в Дублине, которая нанесла серьезное оскорбление уважаемому человеку, члену королевской парламентской комиссии, и он почувствовал, что должен обратиться с претензией к мистеру Генри Грэттану, члену городского муниципалитета и владельцу оскорбившего его издания. Мы должны заметить, что на самом деле речь должна была идти о редакторе (потому что владелец понятия не имел о статье, пока она не вышла в свет), а имя майора Эджуорта нигде не упоминалось в статье, которая приводила только общее описание ситуации.

В том состоянии, в котором тогда находилась Ирландия, человек со стороны мог предположить, что политики негласно замешаны в этой ситуации; но в данном случае, исходя из отчета членов королевской парламентской комиссии, представленного для изучения в Дублинское дорожное управление, разобраться в этом было нелегко, особенно учитывая влияние, которым в то время пользовалась пресса.

«Ивнинг мейл» среди прочих упоминаний об этом учреждении заметил, что «оно расточительно, корыстно и продажно, его сотрудники обворовывают общество и растут по службе – в этих фактах невозможно сомневаться, и их нельзя отрицать».

Исходя из последующих документов выяснилось, что на первых порах мистер Грэттан не решил, какой линии поведения ему следует придерживаться; скорее всего, манера изложения в какой-то мере повлияла на его отказ принять вызов. Поскольку эта история вызвала к жизни множество редакционных комментариев, – а на мистере Грэттане уже лежал грех, потому что в свое время ему пришлось платить *компенсацию* оклеветанному Дублинскому университету, и сомнительно, чтобы пристрастное общественное мнение сложилось в его пользу, – приведем несколько извлечений из текстов его современников, которые могут пригодиться в будущем.

«Редактору «Саундерс ньюс леттер»
Харкорт-Плейс, 3,
вечер субботы 15 сентября 1827 года.

Сэр! Поскольку мне пришлось обрести дурную славу, к чему я явно не стремился, моя личность подверглась лживым и оскорбительным нападкам представителя

дублинской прессы в его собственной газете. Обстоятельства, которые затем возникли в ходе моих попыток защитить свою честь, носят столь странный и беспрецедентный характер, что мне, к сожалению, не осталось иного выбора, как представить общественности нижеследующие документы.

Имею честь оставаться
Вашим покорным слугой
Т.Н. Эджуорт».

«Харкорт-стрит, 36,
суббота вечером, 15 сентября 1827 года.

Мой дорогой Эджуорт! Я не стал терять ни минуты, едва только мне в руки попал вчерашний номер «Фрименз джорнал», в котором Вы подвергаетесь нападкам. Решив действовать как Ваш друг, я проследовал в контору гербовых сборов, чтобы до встречи с мистером Генри Грэттаном досконально выяснить, является ли он владельцем этого издания или нет. Убедившись, что он является ответственным владельцем, я тут же направился в его резиденцию на Стивен-Грин, решив или добиться устранения противоречия данной оскорбительной статьи в его газете – я предварительно подготовился, – или же потребовать удовлетворения, которое при тех обстоятельствах, в которых мы очутились, один джентльмен обязан дать другому.

Явившись в его резиденцию, я выяснил, что он в Тиннехинче в графстве Уиклоу, куда незамедлительно отправился за ним, предварительно оставив у него дома визитную карточку со своим адресом. К сожалению, в Тиннехинче мне сообщили, что незадолго до моего приезда он внезапно куда-то отбыл, и я вернулся в Дублин. В город я попал лишь к шести вечера и прямиком направился в дом мистера Грэттана, где мне снова сообщили, что его здесь нет, – я оставил еще одну карточку и сказал слуге, что зайду снова через полчаса. По прошествии этого времени я явился, и мне было сказано, что мистер Грэттан обедает. «Это, – сказал я, – не важно, потому что я пришел по куда более важному делу и должен увидеться с ним». Мистер Грэттан вышел из столовой и пригласил меня в свой кабинет. Нижеследующий текст – суть того, что произошло,

переписанное из записки, которую я отправил прямо в газеты сразу же после того, как мы расстались.

Я принес свои извинения мистеру Грэттану за то, что побеспокоил его во время обеда, и тут же перешел к цели моего визита. «Я пришел, сэр, – сказал я, – из-за своего друга, майора Эджуорта, которого оклеветала ваша сегодняшняя газета». Мистер Грэттан удивился и сказал: «Какая газета? Моя? Понятия не имею ни о каких газетах!» – «Сэр, – сказал я, – вы ответственный владелец «Фрименз джорнал». – «Ну, сэр, – сказал мистер Грэттан, – если у вас есть какие-то претензии, вам лучше обратиться к сотрудникам редакции». Раздосадованный его попыткой отрицать связи с газетой и рассерженный его стараниями снять с себя ответственность, я довольно горячо ответил: «Вы предполагаете, сэр, что майор Эджуорт или я будут искать вашего печатника или редактора, когда у нас есть вы? Он считает вас, сэр, ответственным за все, что появляется в вашей газете, и я тоже возлагаю ответственность на вас». – «Я отлично знаком с *законом*», – сказал мистер Грэттан. «Как и я, сэр, – ответил я, – но есть и *закон чести*, из которого я и исхожу». – «В таком случае, – сказал мистер Грэттан, – я полагаю, что для меня лучше всего будет свести вас с моим другом». – «Несомненно», – ответил я. Затем он упомянул какого-то майора, но из-за спешки я не разобрал его имени и попросил записать его вместе с адресом, но, уже собравшись это сделать, он внезапно воскликнул: «Нет! Подумав, я решил отправить вас к другому моему другу, мистеру Уоллесу, которого в данной ситуации я назвал бы «советником Уоллесом». Я спросил, где я могу встретиться с ним, на что мистер Грэттан ответил, что «Уоллес живет в сельской местности, но он (Грэттан) незамедлительно свяжется с ним». После чего я удалился, сказав, что «буду рад встретиться с мистером Уоллесом, как только вы свяжетесь с ним».

Чтобы избежать любых возможных недоразумений, я написал мистеру Грэттану следующее письмо.

Письмо 1
«Вечер пятницы, половина десятого.
Харкорт-стрит, 36

Мистер Монтгомери со всем уважением к мистеру Генри Грэттану хотел бы знать, в какой час утра он

должен ждать мистера Уоллеса, приятеля мистера Грэттана.

Мистер Монтгомери не беспокоил бы мистера Грэттана в это вечернее время, но им уже было потеряно несколько часов из-за того, что ему не повезло сегодня встретить мистера Грэттана в Тиннехинче, а также застать его в резиденции».

События, которые вслед за тем имели место, лучше всего могут быть объяснены письмами 2 и 3, копии которых прилагаю.

Письмо 2, копия

«Суббота, четверть первого ночи.

Харкорт-стрит, 36

Сэр,

я оставался дома до двенадцати часов ночи, ожидая или ответа на мою записку прошлого вечера, или сообщения, что Ваш друг мистер Уоллес прибыл в город.

Только что звонил в его городской дом, но его там не нашел.

Я буду дома до двух часов, к каковому времени надеюсь получить сообщение о мистере Уоллесе или о каком-то другом Вашем друге, который будет представлять Ваши интересы.

Имею честь оставаться

Вашим покорным слугой,

Джеймс Монтгомери».

Письмо 3

«Суббота, три часа ночи.

Харкорт-стрит, 36

Сэр,

прождав дома полчаса сверх назначенного мной срока, не получив от Вас никакого ответа ни на одно из моих обращений и снова безуспешно попытавшись связаться с мистером Уоллесом, я прошу Вас считать, что мой друг майор Эджуорт, придя к выводу, что Вы не собираетесь давать ему удовлетворение, как подобает джентльмену, вынужден прибегнуть к единственной альтернативе, которую Вы оставили ему.

Имею честь быть

Вашим покорным слугой,

Джеймс Монтгомери».

Вернувшись домой в шесть часов вечера, я нашел записку от мистера Уоллеса, копию которой прилагаю:

> «Мистер Уоллес выражает сожаление, что его не было дома, когда мистер Монтгомери заходил к нему днем, – он будет на месте примерно через час, если у мистера М. есть желание увидеть его.
>
> *Суббота вечером, четверть пятого.*
>
> *Эсквайру Монтгомери, Харкорт-стрит 36».*

Откровенно говоря, после всего, что имело место, я не считал себя обязанным идти навстречу мистеру Грэттану или давать ему возможность выпутаться из очень непростой ситуации, в которой он оказался, но, обеспокоенный тем, что Вы не должны отдавать долг этикету или дипломатии и что спор должен быть решен или его отказом от своих слов, или при встрече, я не стал терять время. Мистера Уоллеса снова не было дома, когда я пришел, но, поскольку до отъезда в сельскую местность он должен был явиться, я остался до его возвращения. Очень краткого изложения того, что произошло, будет достаточно, чтобы понять, чем была вызвана необходимость написания этого письма:

> «Мистер Уоллес сказал, что не был уполномочен мистером Грэттаном получить от меня неприязненное послание и что он (мистер Грэттан) не считает, что несет личную ответственность перед мистером Эджуортом. Я с удивлением спросил, какими полномочиями располагает мистер Уоллес, на что он ответил – кроме как сказать, что мистер Грэттан не хочет получать никаких посланий, никаких больше полномочий у него нет. Я выразил свое удивление, что мистер Грэттан сразу же посоветовал мне обратиться к своему другу-военному; в то же время я дал понять мистеру Уоллесу, что результатом могут быть самые неприятные последствия, поскольку я намерен рекомендовать образ действий, которого Вы пока избегали. Он выразил сожаление, но сказал, что у него нет права на дальнейшие действия. Затем мистер Уоллес сказал, что две мои последние записки мистеру Грэттану так и остались *неоткрытыми*, и предложил вернуть их мне, но я отказался принять их. Я надеюсь, что мистер Уоллес не откажется признать, что я вел себя совершенно спокойно и что «если я в чем-то действовал неправильно, в распоряжении мистера Грэттама есть мой адрес».
>
> Преданный Вам,

мой дорогой Эджуорт,
Джеймс Монтгомери».

В субботу вечером в доме мистера Грэттана было оставлено следующее письмо:

«Харкорт-Плейс, 3,
вечер субботы, 15 сентября 1827 года.

Сэр! Вы ложно оклеветали меня в своей газете, присяжным владельцем которой являетесь; отказавшись опровергнуть свою клевету или дать мне удовлетворение, как подобает джентльмену, я не знаю других эпитетов, применимых к Вам, кроме как КЛЕВЕТНИК и ТРУС. Действуя по совету моего друга, я не собираюсь прибегать к поискам иного выхода, кроме как лично рассчитаться с оскорбителем.

Ваш
Т.Н. Эджуорт».

Следующее извлечение из «Фрименз джорнал» от 19 октября, опубликованное за два года до того, как был получен вызов, предназначено пролить некоторый свет на эту историю:

«Мы сочли возложенной на нас обязанностью сообщить об обстоятельствах, при которых контора гербовых сборов почти полностью исключила «Фрименз джорнал» из списка газет, печатающих объявления этого ведомства, – это пример фаворитизма, недопустимого для руководства данного учреждения, которое должно знать о широком распространении «Фрименз джорнал». Мы также полагаем нашей обязанностью рассказать о подобном же поведении дорожного управления. Не так давно мы увидели в некоторых газетах объявление, озаглавленное «Материалы для дорожных покрытий», которое не было прислано в «Фрименз джорнал». Мы считаем себя вправе протестовать против такой пристрастности и предубеждения. Отдельная личность имеет право высказывать свои упреки и выражать неприязнь, но только не общественное учреждение, которое существует за счет налогов, взимаемых с домовладельцев этого города, и проявление с его стороны какой-либо личной враждебности является вопиющей несправедливостью и злостным нарушением доверенных им интересов. Мы призываем управляющего дорожным строительством ответить обществу, почему объявления данной корпорации были изъяты из «Фрименз джорнал», в котором присутствовали много лет.

Была ли эта приостановка вызвана необходимой и объективной критикой в «Фрименз джорнал» некоторых действий

данного управления по вопросам состояния мостовых, освещения и чистоты города?

Была ли публикация этих объявлений чистой формальностью? В таком случае публикация была бы бесцельной тратой общественных средств. Но если объявления полезны и необходимы, – а кто скажет, что нет, – почему изымать их из газет, предоставляя распространение только *избранным* изданиям? Правительство недавно объявило о желании провести чистку некоторых общественных учреждений – и положить конец подозрительному *приватному* «управлению», которое вызывает заслуженное недоверие к нашей стране. И мы считаем, что в ходе всеобщего улучшения нельзя обойти вниманием эти остатки *феодальной* несправедливости.

Мы представили перечень наших претензий к дорожному управлению, не вдаваясь в подробности более крупных нарушений, разве что выявленных, скажем, майором Тейлором, который упорно настаивал, что камень для дорожного покрытия не стоит привозить из Шотландии и Англии, когда более крепкий и стойкий можно найти у себя дома, всего в нескольких милях от Дублина. И мы полны справедливого негодования по поводу этой нелепости».

«Фрименз джорнал» от 20 сентября 1827 года сообщает: «Без сомнения, некоторые заинтересованные организации и люди хотели бы заткнуть прессе рот, но данное издание не будет отклоняться от линии, проложенной его руководителями; не будет оно и умалчивать об оскорблениях, нанесенных обществу. Дело, возникшее из недавнего случая, ныне передано для судебного рассмотрения. Мы исходим из мнения, что владелец (мистер Грэттан) защищает свободу прессы, права уязвленных сограждан и свою независимость члена парламента. Он поступил бы безрассудно, поведи себя иначе. Мы придерживаемся мнения, что, если бы мистер Грэттан промолчал относительно темы местных налогов и если бы постоянно не настаивал о выпуске сообщения об отчете последнего дорожного управления, мы не стали бы свидетелями последней истории. На мистера Грэттана никогда не нападали подобным образом; его не призывали к ответу за то, что он никогда не писал, никогда не видел и никогда не знал, и тем более к ответу под дулом пистолета. Фактически подлинной причиной оскорбления явилось поведение члена парламента и поведение газеты, которое изложило то, что стало оскорблением населения города. Стоит обратить внимание, что в статье, которая вызвала недовольство, никто не назван по имени, не приводились выражения более серьезные, чем те, которые использовались в расследовании. И теперь, когда на

мистера Грэттана нападают за то, что он никогда не видел и никогда не говорил, как получилось, что уполномоченные мистер Фримен и мистер Холл или Олдермен Смит и другие остались незамеченными в стороне? Общество должно выразить свое мнение по этому поводу.

Фактически все это дело было, что называется, *организовано*. Выясняется, что нарушение процедуры – действия сторон, *подготовка за сценой*, о которой мы знаем очень мало, – было организовано до того, как мистер Генри Грэттан дождался появления некоего человека или мистера Джеймса Грэттана навестила полиция. Перед тем как эти абсурдные, глупые и пустые проявления имели место, нам пришлось заподозрить, *откуда дует ветер* (используя морской термин). Тем менее мистер Грэттан, к счастью, не попал в расставленный на него силок и, проявив личную храбрость, устранил у нас, как и у всех беспристрастных людей, все сомнения, что весь этот ход событий был рассчитан, дабы нарушить свободу прессы, которая должна раскрывать нарушения и отстаивать права представителей народа».

В другом номере «Фрименз джорнал» редактор сообщает: «В противном случае мы не могли бы почувствовать глубокого удовлетворения духом независимости, который является привилегией прессы и тесно связан с ответственностью, что позже доказали нападки на владельца этой газеты, который получил поддержку наших современников. В силу очевидных мотивов мы воздерживаемся от обсуждения данной ситуации, которая, не касайся она нас, потребовала бы широкого масштаба расследования. Наши просвещенные собратья по прессе достигли всего, чего мы хотели. В их комментариях мы видим откровенную и незаинтересованную оценку той линии, которой продуманно придерживался владелец издания, и оценку его поведения, что должно быть приятно для него, хотя в нем, бывает, сказывается влияние общественного мнения. Оставляя в стороне личностные отношения, в которых мы, естественно, заинтересованы, мы радуемся интересу общества к прессе, потому что оно может стать образцом для разрешения других споров, хотя и не в состоянии предотвратить их возникновение».

Ниже мы приводим извлечения из современных изданий, в которых идет речь о дальнейшем развитии ситуации.

ИЗ «ИВНИНГ ПОСТ»

«У нас нет статьи, по поводу которой майор Эджуорт предъявил бы нам претензии, но мы провели небольшое расследование по поводу ее содержания. Мы прочитали сообщение о Дублинском дорожном управлении и не знаем, какие выражения были бы достаточны для оценки злоупотреблений этого управления. Но если бы даже статья, которая так возмутила майора Эджуорта, и содержала их, мы считаем, что мистер Грэттан был совершенно прав, отказавшись выйти к барьеру из-за того, что поместил ее. Стоит вспомнить, что майор Эджуорт – общественный деятель; этот и только этот аспект его деятельности комментировался в газете мистера Грэттана. Любой полезности прессы пришел бы конец, если бы общественные деятели вместо того, чтобы взывать к *закону* для восстановления справедливости, стали бы хвататься за пистолет. Таким же образом, по нашему мнению, следует опровергать и приватную клевету, и лишь в отдельных обстоятельствах, сопровождающих такую клевету, можно найти извинение для *ultima ratio* (последний решительный довод. – *Ред.*).

Мы искренне сочувствуем майору Эджуорту – его высокоуважаемому имени, которое он носит и которое долго будет встречаться в литературе его страны, – что он прислушался к плохому совету, который и вынудил его действовать подобным образом. Но больше мы не будем высказываться на эту тему. Мы могли бы быть миротворцами, но, к сожалению, сейчас это невозможно».

ИЗ «МОРНИНГ РЕГИСТР»

«Из повсеместно опубликованного заявления становится ясно, что в результате опубликования во «Фрименз джорнал» некоторых наблюдений о делах дорожного управления мистер Генри Грэттан, владелец данного издания, получил возмущенное послание от майора Эджуорта и отказался принять его. О всем деле не говорится, и заявление исходит только от одной стороны; но легко предположить, что мистер Грэттан, решив действовать таким образом, прислушался к чьему-то совету и исходил из своего понимания общественной обязанности. Мы считаем для себя необходимым высказать, что мы думаем по этому поводу, и решительно убеждены, что уважаемый член общества прислушался к здравому совету и проявил чувство ответственности к прессе и к обществу. Говорят, что ставить на карту жизнь – это плохой способ решения споров и не стоит прибегать к пистолету. Мистер Эджуорт мог убить мистера Грэттана (мы очень далеки от этой мысли) и стать величайшим из сегодняшних преступников. Но если даже в данном случае дуэль и могла бы что-то решить, мы ни в коем случае не позволяем себе терпимо относиться к такому способу разрешения споров. Издание мистера Грэттана, рассказывая о поведении некоторых личностей, связанных с дорожным управлением, выполняло необходимую и, в чем мы не сомневаемся, нелегкую общественную обязанность. Нет аргументов, которые можно было бы выдвинуть в защиту майора Эджуорта, вызвавшего к барьеру мистера Грэттана, чтобы он своей жизнью отвечал за достойное и честное исполнение важных общественных обязанностей.

В целом мы можем, не колеблясь, сказать: то, что произошло с отчетом членов королевской парламентской комиссии, свидетельствует о большой наблюдательности «Фрименз джорнал».

ИЗ «ПЭТРИОТ»

«Что же до мистера Грэттана, он действовал как и должен был поступать; и мы рады убедиться, что он проявил себя как личность с сильным характером и несомненным мужеством, отстаивая законные права прессы, которые в его лице подверглись нападкам. Окажись редактор этой газеты в сходных обстоятельствах, он бы вел себя точно таким же образом, защищая свои обязанности перед прессой и перед обществом. Если бы он на самом деле вторгся в чью-то личную жизнь или обвинил бы в преступных деяниях общественного деятеля, не имея на то документальных свидетельств, ему пришлось бы признать свое поведение неправильным, а человек, на которого он возвел напраслину, мог бы требовать отмщения. Но, поскольку в данном деле этого нет – пресса уделяет внимание законной дискуссии о поведении общественных лиц, и ничего иного «Фрименз джорнал» не делает, – а эта дискуссия основана на документах, представленных публике властями, и в них идет речь о дорожном управлении, пресса не должна отказываться от своих прав вести общественное обсуждение, в котором говорится о чьей-то личной ответственности за неисполнение общественного долга, а дуэлянт, который подвергает риску жизнь журналиста за честное исполнение им своего долга, должен быть лишен всякого статуса общественного деятеля, который таким образом пытается заглушить голос претензий общества».

ИЗ «ГЛОБ»

«Многие из наших современников ознакомились с перепечаткой из «Дублин ивнинг мейл» подробного сообщения майора Эджуорта, одного из управляющих дорожного управления в Дублине, высказавшего претензии к некоторым замечаниям в дублинской «Фрименз джорнал», владельцем которой является мистер Генри Грэттан, эсквайр, а также по тому поводу, что мистер Грэттан отказался дать мистеру Эджуорту удовлетворение, и его решительное поведение вызвало споры в соседней стране. Не собираясь вдаваться в обсуждение первой части жалобы мистера Эджуорта и выяснять, справедливы или ложны были наблюдения, оскорбившие его, а также воздерживаясь высказывать свое мнение, считаем, что столь уважаемой и порядочной газете, как «Фрименз джорнал», несвойственно предъявлять претензии без весомой причины. Должны сказать, что мистер Грэттан действовал умно и правильно, отказавшись прибегнуть к пуле и пороху, пусть даже какой-то джентльмен и счел себя уязвленным статьей, которая появилась в его газете. Законы страны доступны для мистера Эджуорта, а поскольку присяжные и судьи относятся к клевете едва ли не с ужасом, не приходится сомневаться, что мистер Эджуорт получил бы полное удовлетворение. Оставалось только обратиться к закону; и мы думаем, что мистер Грэттан проявил подлинное мужество, лишив мистера Эджуорта шанса вышибить ему мозги за оскорбление, в котором он был виновен не больше, чем китайский император».

ИЗ «МОРНИНГ КРОНИКЛ»

Ниже мы приводим выдержку из письма, которое публикуем в связи с делом, о котором шла речь в дублинском издании «Морнинг пост».

«Как автор Королевского кодекса чести, который получил одобрение высших властей в Европе, я прошу вашего искреннего содействия в организации суда чести для рассмотрения дел, подобных тому, которое недавно имело место.

В случае с мистером Бриком обращение к такому суду могло бы спасти жизнь человека, потому что суд незамедлительно рекомендовал бы ограничиться весьма скромным возмещением за несколько опрометчивых слов, которыми непродуманно обменялись господа Хатчинсон и Каллагэн.

В недавнем случае суд чести мог бы сказать следующее:

1. В самом ли деле владелец или редактор газеты несет ответственность за свободное изучение деятельности общественных учреждений или публичных лиц?

2. Кто отвечает за соблюдение законов чести – джентльмен, которому принадлежит издание, или редактор, который руководит им?

Я собрал несколько сотен случаев дуэлей и вспоминаю лишь один, в котором владелец, он же и редактор, под угрозой его жизни признал свою ответственность. Это был случай, когда мистер Баррон необоснованно взял на себя ответственность за статью, которую корреспондент не должен был представлять редактору.

Случай с господами Барроном и Сарджентом – один из тех, который мог быть разрешенным в суде чести. И такой суд конечно же не допустил бы обмена восемью выстрелами между двумя лицами, которые необдуманно подвергли себя такой опасности.

Я буду очень рад назвать имена таких профессионалов и просто джентльменов, которые согласны принять участие в суде чести при разборе будущих случаев, имею честь считать себя сторонником свободы прессы и защитником ее прав.

Джозеф Гамильтон
Аннадейл-коттедж,
близ Дублина».

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ АДВОКАТУРЫ

Позор оскорбителю, слава справедливому.

Многое из того, что сказано в предыдущих статьях, может быть отнесено к джентльменам, которые подвизаются как адвокаты в судах «права справедливости» или общего права. Никакие материальные соображения не могут заставить членов этого уважаемого сообщества утверждать то, что не является фактом или что может сказаться на репутации, жизни или имуществе лица, против которого они выступают. Но им часто приходится сталкиваться с острыми личными коллизиями, причиной которых могут быть чувства оскорбленного истца. Тем не менее, если адвокату предоставляется возможность разоблачить мошенничество, сговор и тому подобные недостойные действия, он должен бесстрашно исполнять свои обязанности и твердо отвергать все нападки с той стороны, которой противостоит. В связи с этим мы упомянем один случай, который вызвал всеобщее волнение в Нью-Йорке. Сын испанского консула, достойный молодой человек, член американской гильдии адвокатов, выступал в суде против мистера Гудвина, известного владельца каперского судна, организатора пиратского рейда. Юрист, исполнявший свои обязанности, вызвал острую неприязнь со стороны мистера Гудвина, который неоднократно вызывал его драться, что тот отклонял и по моральным соображениям, и из желания сохранить независимость своего сословия. Встретив своего обидчика на Бродвее, Гудвин плюнул в него, несмотря на присутствие двух женщин, с которыми тот прогуливался и на одной из которых вскоре собирался жениться. Услышав несколько оскорбительных выражений в свой адрес, молодой человек забыл о внимании, которое он должен был оказывать своим испуганным спутницам, и об уважении к своей респектабельной профессии. Он вытащил из трости шпагу, Гудвин обнажил свою, и адвокат пал мертвым на месте. Общественное возмущение против Гудвина было столь велико, что для спасения от кары со стороны жителей Нью-Йорка его пришлось спрятать в отдельной тюремной камере.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Человек, твердо преданный своему долгу,
Несгибаемый перед бедами и отстаивающий истину,
Может презирать оскорбления черни.

Истово исполняя свои обязанности перед обществом или профессиональные обязанности, никто не должен снисходить до того, кто бросает ему вызов. Было бы абсурдом, если бы судья Гаскойн оставил свое кресло, чтобы драться на дуэли с наследником своего суверена. Его поведение отличалось большим достоинством, а вызов принца Генри стал ярким свидетельством нарушения этикета.

Опытный офицер, отвечавший за склад боеприпасов около Ливерпуля, получил вызов на дуэль от молодого джентльмена за якобы нанесенное оскорбление, хотя офицер всего лишь точно выполнял свои официальные обязанности. Он отправил тому следующий ответ:

«Сэр! Ваш вызов передо мной, и он будет незамедлительно выкинут
Вашим покорным слугой и пр.».

Следующее великолепное письмо позаимствовано из «Нью-Йорк газет», и оно достойно самого широкого распространения. Уважаемый Дэвид Бартон, сенатор от штата Миссури, в ходе выполнения своих обязанностей выступая перед комитетом по общественным землям, сделал несколько замечаний, которые показались оскорбительными Генри У. Конуэю, представителю от Арканзаса. И тот без больших церемоний послал мистеру Бартону вызов через своего друга майора Миллера. Происходило это в Вашингтоне, 27-го числа. Ответ был датирован той же самой датой.

«Сэр! Ваше письмо, датированное вечером 27 июня 1824 года, было только что доставлено майором Миллером.

Оскорбительные выражения в моем письме от 5 мая не только соответствуют истине. Я убедился в их

справедливости, когда, исполняя свои общественные обязанности, я расследовал официальное поведение Вашего дяди и Вас, как его заместителя. Все свои соображения я привожу в заявлении для нации, которое мне положено составлять в таких случаях и в соответствующем рапорте на имя генерального прокурора Соединенных Штатов.

Таким образом, я отклоняю предложенную Вами честь, поскольку никогда не признавал принцип, по которому расследование поведения чиновника (и главного, и его заместителя) таким образом, каким провел его я, может повлечь за собой обязательство дать удовлетворение, которого, по всей видимости, Вы желаете – даже со стороны, которая считает себя совершенно невиновной.

Еще раз напоминаю Вам о моем письме от 5 мая. Составленный Вами документ о Вашем деле, а также о деле Вашего дяди, дает совершенно ошибочное представление о моих мотивах и поведении, которыми я руководствовался при расследовании этого дела. На сем нашу переписку кончаю.

Остаюсь к Вашим услугам
Дэвид Бартон.
Г.У. Конуэю, эсквайру».

Мистер Чарлз Доусон был нанят сэром А. Хартом, канцлером Ирландии, чтобы произвести профессиональную оценку собственности мистера Уотсона, адвоката, который сделал предложение мисс Элизабет Марте Харт. В письме к Доусону будущий жених обвинил его в том, что тот сознательно неправильно оценил состояние его имущества, чтобы помешать браку, и назвал его за это мошенничество лжецом и преступником за то, что преследовал такую цель; а поскольку он пытается скрыть трусость своего поведения, то должен ответить на вызов в Кале. За посылку такого вызова он был оштрафован на триста фунтов стерлингов и приговорен к тюремному заключению на два месяца.

В январе 1823 года наш уважаемый друг, ныне покойный, мистер Джон Берн, королевский советник, на публичной встрече в Килмайнхэме «заявил, что кроме мистера Планкетта здесь нет ни одного лица, связанного с ирландским правительством, от которого мог бы зависеть лорд Уэлсли». Дублинская газета сообщила, что «вскоре после этой встречи мистеру Б. нанес визит сэр Г. Между ними состоялся долгий, но спокойный и

аргументированный разговор, основанный на сообщении о речи мистера Б., которое появилось в газете, и о ее последствиях. Сэр Г. указал на некоторые выражения и потребовал от мистера Б. подтвердить их или опровергнуть. Мистер Б. отказался это сделать на том основании, что согласие даст такое же право каждому служащему из замка – требовать от него объяснения фраз, пусть они и не относятся к какому-то лицу, и, кроме того, приведет к тому, что он склонен считать ограничением свободы дискуссий. Сэр Г. удалился, дав мистеру Б. основания считать, что дело еще не закончено. Некоторое время спустя мистеру Б. нанес визит мистер С., и разговор обрел тот же характер и закончился так же, как и предыдущий. При расставании с этим джентльменом мистер Б. признал, что, поскольку дело так и не разрешено, ему стоит найти время подготовиться, найти джентльмена для разговора с мистером С. и провести приготовления, которые могут оказаться целесообразными или необходимыми. Эти слова заставили мистера С. заметить, что мистер Б. так и не понял, что он все же придерживается определенной линии поведения и что ему стоит ждать еще одной встречи с ним. Вскоре мистер С. нанес второй визит и в завершение разговора объявил, что его друг не хочет продолжения этой ситуации, поскольку мистер Б. отказывается дать объяснение на том основании, что его согласие, как он думает, может повлечь за собой отказ от свободы дискуссий».

Свободу дискуссий надо тщательно оберегать. Все общественные функционеры, от судьи или сенатора до самого скромного свидетеля в зале суда, должны исполнять свои обязанности «без злобы и пристрастия» и отвергать людей, которые пытаются возложить на них личную ответственность за надлежащее исполнение своих обязанностей. Все ораторы и литераторы должны воздерживаться от употребления ненужных и оскорбительных слов, а поскольку некоторые из тех, кого мы можем назвать, как выясняется, слишком заняты для высказываний на эту тему, мы завершим эту статью нашими соображениями о клевете.

Клевета – одно из самых грязных, бессмысленных и злобных преступлений, свойственных человеческой натуре; ее в равной мере отвергает и христианская и языческая мораль, она враждебна законам нашей нации, нашей природе и нашему Господу. Если мы высказали ложь, то несем ответственность за все беды, которые она причинила, хотя часто мы лишены способности излечивать раны, которые нанесли.

Доброе имя человека часто служит опорой для него, для его семьи и тех беспомощных созданий, которых он опекает; для

кого-то они дороже, чем жизнь, а для других – дороже, чем богатство. Писатель, о котором известно, что он знаком с человеческими чувствами, говорит: «Он, который лишил меня доброго имени, украл то, что его не обогатит, а вот я действительно обеднел».

Это верх трусости – нападать на человека из-за спины или кидаться на него, когда он ни о чем не подозревает, ибо это наносит урон такому уязвимому понятию, как репутация; предельно несправедливо осуждать человека без весомых доказательств его вины или лишать обвиняемого привилегии защиты, и это не по-христиански – поступать с другими так, как мы не хотели бы, чтобы они поступали с нами. И до чего унизительна бывает ситуация для клеветника, когда он сталкивается с жертвой своей злобы и трусливо отрекается от своих слов, или пытается смягчить их, или же, может быть, возлагает свои прегрешения на того, кто отсутствует.

В Священном Писании говорится, что язык клеветника режет острее бритвы, он лживый и обманчивый, что он любит зло больше, чем добро, и склонен ко лжи больше, чем к истине. В главе 5 Псалтыря говорится: «Ты погубишь всех, говорящих ложь», а также, что тот, кто клевещет и поносит своих ближних, не будет допущен в Господни чертоги.

Если клевета сама по себе является великим преступлением, куда опаснее сеять рознь между друзьями, родственниками или людьми, чьи отношения счастливо скреплены узами брака, чернить поклонников добродетели или тех, чья жизнь посвящена добрым делам.

ССОРЫ ИЗ-ЗА ЖЕНЩИН

И сердца, которые пылали беззаконной любовью,
Были охлаждены беззаконной сталью.

Лорд К. овладел женой мистера Блиссета, купца, которая сбежала от мужа. Разъяренный муж, имея при себе шпагу, встретил лорда на улице. «Подлец, – сказал он, – забудь о своей похоти и защищайся». – «Чтобы подогреть твой гнев, – сказал его светлость, – знай, что я все эти двенадцать месяцев поддерживал отношения с твоей женой». Они сошлись в поединке прямо на улице. Первый же выпад оказался смертельным для аристократа: шпага его противника пронзила ему сердце. Выживший дуэлянт, бросив свое окровавленное оружие в Темзу, на рыбацком судне бежал в Голландию, где поступил на военную службу.

Вилльерс, герцог Бекингем, не удовлетворившись тем, что соблазнил графиню Шрусбери и рассказывал о ее падении, пользовался любой возможностью, чтобы провоцировать и без того оскорбленного графа, то и дело вызывая его на дуэль. Он надеялся, что одержит очень легкую победу, потому что его светлость был тихим, щуплым и застенчивым человеком. Герцог оскорблял его при каждом удобном случае и наконец публично объявил, что у лорда Шрусбери не хватает духа ответить на оскорбление. Последний выпад не остался без внимания, граф послал ему вызов, и они договорились сойтись на Барн-Элмс в присутствии двух джентльменов, которых выбрали себе в секунданты. Первый же выпад стал гибельным для графа Шрусбери, а его друг таким же образом убил секунданта герцога. Бекингем был очень рад таким исходом, он немедленно занял место графа от Клейфдена, где хвастался совершенным им убийством и показывал свою окровавленную шпагу. Тем не менее герцог был отъявленным трусом, что станет ясно из последующего изложения.

Граф Оссори и герцог Бекингем поссорились, и граф предложил ему приватную встречу на полях Челси, но герцог пересек Темзу у Баттерси, где сделал вид, что ждет Оссори, после чего, отправившись в палату лордов, стал жаловаться, что граф, назначив ему встречу, не сдержал своего слова. Он думал, что палата вмешается, дабы предотвратить дуэль, и не очень ошибся, потому что члены палаты заставили обоих дуэлянтов поклясться

честью, что ссора не будет иметь продолжения.

Один из рассказчиков поведал, что графиня Шрусбери, исполняя роль пажа, держала лошадь герцога во время его дуэли с лордом Шрусбери.

Владения герцога перешли к семье Данкомб. К своему глубокому разочарованию, он впустую растратил свое огромное наследство и 15 апреля 1687 года умер в нужде и нищете в доме в Кирби-Мурсайд. Старая потрепанная страница приходской книги просто сообщает о его погребении, но в какой части освященной земли покоятся его останки, неизвестно. Граф Арран, который случайно оказался в Кирби-Мурсайд, посетил герцога, и ему пришлось провожать его в последний путь, возглавив похоронную процессию. Александр Поп в своих строках описал печальную судьбу герцога, умиравшего среди грязи и отбросов.

Герцог представляет собой самый печальный пример растраты блистательных талантов; вся его жизнь была посвящена удовлетворению чувственных желаний. В письме доктору Барроу, которое можно найти на 402-й странице «Истории Скарборо», герцог искренне, но довольно поздно признается в своих ошибках.

Следующее лаконичное сообщение недавно стало распространяться в высшем свете к большому недовольству светской дамы, о которой, как стало известно, и идет речь в данном письме; слова, подчеркнутые в оригинале, мы выделили курсивом:

> *«Суббота, 17 июля*
>
> Лорду… *дали понять*, что сэр У. утверждал в обществе, будто леди… – лицо сомнительной репутации. Лорд попросил проинформировать его, в самом ли деле сэр У. позволил себе такое утверждение, и если да, он просит дать объяснение. Податель сего будет ждать ответа».

ОТВЕТ

> «Сэр У. не припоминает, что он употреблял такие выражения, имеющие отношение к уважаемой леди...; кроме того, он не думает, что вообще должен был прибегать к ним, поскольку не знает ни одной женщины в светских кругах, чья личность *вызывала бы меньше сомнений».*

Причина дуэли между мистером Скоттом, впоследствии лордом Клонмелом, и мистером Каффе, впоследствии лордом Тиравлеем, была вызвана довольно любопытными обстоятельствами. Леди Тиравлей испытывала откровенную неприязнь к своему мужу (тогда уважаемому Джеймсу Каффе). Детей у них не было, и она прилагала немалые усилия, чтобы муж дал согласие на полный и окончательный развод. Поскольку для него не было весомых причин, мистер Каффе считал, что это смешно, и согласия не давал. Наконец леди решила претворить свое желание в жизнь и стала вести раздельное существование, но я никогда не слышал, чтобы кто-то последовал ее примеру. Баррингтон говорит:

«Как-то мистер Каффе застал свою жену в слезах, что с ней случалось не часто, поскольку по натуре она была амазонкой. Всхлипывая, она опустилась на колени и, как полагается кающейся женщине, наконец поведала мужу, что недостойна его, – она изменила ему, она падшая женщина и полна чувства вины. Я предполагаю, что далее последовал обычный набор из раскаяния, объяснения, гнева, возмущения и т. д., что, в общем, свойственно таким натурам; я не сомневаюсь, что все это исправно продемонстрировали мистер и миссис Каффе. Достаточно сказать, что последняя села в портшез и приказала доставить в ее приватную резиденцию, где и предполагала оставаться, пока оскорбленный муж не выделит ей ежегодную ренту. Мистер же Каффе отправился к общему другу и сообщил ему, что теперь его жена принадлежит «этому ублюдку Скотту», генеральному прокурору, – он считал его другом семьи, а он оказался соблазнителем! Потерпела урон не столько его любовь, сколько честь, и смыть это пятно может только смерть одного из них, и поэтому без долгих церемоний генеральному прокурору будет послан вызов на смертельную схватку, и, защищая свою уязвленную честь, о чем он узнал из признания женщины, мистер Каффе полон решимости сразиться с ним!

Мистер Скотт прекрасно понимал, что его заявление, как

генерального прокурора, о своей невиновности будет воспринято светом как благородная попытка с помощью этого лжесвидетельства спасти репутацию миссис Каффе – или же таким образом спастись от мести ее мужа, но при любом варианте развития событий даже самая добродушная часть общества приготовилась к худшему исходу. Муж и предполагаемый любовник встретились, как было обговорено, и обменялись выстрелами; каждая из сторон слышала над головой свист пули, которая не выражала желания свести более близкое знакомство. Мистер Скотт заверил своего противника, что тот глубоко заблуждается, и поручился честью, что никогда не был близко знаком с данной женщиной, которая, по его мнению, потеряла рассудок. Не было никаких оснований отказывать ему в доверии, тем более что, с другой стороны, похоже, мистер Каффе стал жертвой женского обмана. Она была уверена, что они разойдутся, поскольку он выставил ее; и если бы он пал на поле чести, она бы стала благородной вдовой и унаследовала бы его состояние.

По возвращении с дуэли мистер Каффе обрушил на нее серьезные упреки и назначил ей скромное содержание, от которого она тут же высокомерно отказалась, решительно заявив, что *никогда не признавалась ни в какой вине*; что все это продиктовано его злобной ревностью, цель которой – избавиться от нее; она может лишь сказать, что *в той же мере* может подозревать генерального прокурора, хотя никогда не обменялась с ним и словом. Она потребовала, чтобы муж *доказал* хоть малейшее нарушение приличий с ее стороны; он же жестоко выгнал ее из дома и возложил вину на свою совершенно невинную жену. Мистер Каффе сказал, что с него более чем достаточно этой женщины, что он не хочет больше привлекать внимание к этому делу; посему он назначил ей очень приличное содержание, которое позволило ей вести приятную жизнь, хотя несколько лет назад она скончалась».

Мистер Уэлш ушел из полка лейб-гвардии, где его должность занял капитан Пеллью. Прежде, чем расстаться с полком, он с женой долгое время жил в казармах в Гайд-парке. Она была молодой и легкомысленной женщиной и, к сожалению, выражала излишнюю готовность пользоваться тем вниманием, которое военные, по их мнению, должны уделять каждой женщине. Последствия были именно такими, каких и следовало ожидать при подобной ветрености. Между ней и капитаном Пеллью установились близкие отношения; и наконец, она приняла фатальное решение пожертвовать своей репутацией и сбежать с предметом своей слепой страсти. Примерно через месяц она ушла с ним из дома своего отца, где оставалась какое-то время, когда

муж отсутствовал. Они уехали в Париж, где их нашел мистер Уэлш и потребовал дать ему удовлетворение, какое подобает джентльмену. С ним встретился мистер Ф. и при помощи мистера Х., выступавшего со стороны капитана Пеллью, договорился о встрече сторон. На месте встречи присутствовали мистер К., как приятель мистера Ф., и капитан Х., как друг мистера Х. Присутствовал также доктор Т. Дистанция составляла двенадцать шагов, и противники должны были по сигналу стрелять одновременно. Когда он был подан, мистер У. немедленно разрядил свой пистолет. Капитан П. не стрелял, и, как говорилось, он и не собирался открывать огонь. Пуля мистера У. вошла ему в правый висок, пробила мозг, и капитан П. погиб, еще не успев коснуться земли. Таковы были последствия одного неправильного шага – погиб молодой офицер, гордость полка, любимец друзей, единственный сын безутешных родителей.

Лорд Камелфорд познакомился с миссис С., которая некогда была любовницей мистера Беста, близкого знакомого его светлости. Ему сообщили, что мистер Бест сказал этой женщине что-то оскорбительное по поводу личности или чувств его светлости. Тот был настолько оскорблен, что 6 марта в кофейне «Принц Уэльский» во время встречи с этим джентльменом он сказал в присутствии нескольких лиц: «Я считаю, сэр, что вы говорили обо мне в совершенно непозволительных выражениях». Мистер Бест ответил, что этого не помнит. Лорд Камелфорд сказал – он знает, что именно он сообщал миссис С., и обозвал Беста лжецом и подонком.

В течение этого вечера мистер Бест изо всех сил пытался убедить лорда Камелфорда, что полученная им информация не соответствует действительности, но, поскольку тот действовал исходя из ложных представлений, ему будет достаточно, если он возьмет назад свои слова. Лорд Камелфорд отказался ответить на это разумное предложение. Мистер Бест оставил кафе в возбужденном состоянии, и вскоре лорду Камелфорду была доставлена записка. Публика в кафе пришла к выводу, что это был вызов, и сообщила о ней в полицейский участок, но не было предпринято никаких шагов до двух часов утра, когда люди собрались у дверей дома лорда Камелфорда. В своей резиденции на Бонд-стрит он огласил свое пожелание:

«Есть много вещей, о которых я в другое время воздержался бы упоминать, но сейчас скажу, что в последней ссоре я, вне всяких сомнений, являюсь обидчиком как по духу, так и по смыслу брошенных мной слов. Если я расстанусь с жизнью в стычке, которую я сам вызвал, то решительно запрещаю кому-либо из моих друзей или родственников, что бы они ни

услышали, хоть в какой-то мере преследовать моего противника или мстить ему; если же, несмотря на мои вышесказанные слова, он подпадет под действие законов страны, я хочу, чтобы эта часть моего желания стала известна королю в надежде, что его королевское сердце сможет проявить милость к нему».

Написав это заявление, Камелфорд в среду, 9 марта, между часом и двумя покинул свое жилище и уснул в таверне, скорее всего, чтобы избежать внимания полиции. По соглашению между секундантами его светлость и мистер Бест встретились рано утром в кофейне на Оксфорд-стрит, и здесь мистер Бест возобновил свои попытки убедить лорда взять обратно свои оскорбительные выражения. «Камелфорд, – сказал он, – мы были друзьями, и я знаю несомненное благородство твоей натуры. Но ты жестоко оскорбил мою честь. Так не настаивай на выражениях, из-за которых один из нас может погибнуть». На эти увещевания лорд Камелфорд ответил: «Бест, это детские игры; дело должно продолжиться». Так и договорились, но, несмотря на свой отказ от урегулирования, он, поразмыслив, оправдал Беста – сказав, что он не говорил тех слов, которые миссис С. приписала ему, – и доверительно признался своему секунданту, что совершил ошибку, а Бест – человек чести, но он не может заставить себя взять обратно слова, которые он однажды произнес.

Причина, по которой лорд отказался от примирения, заключалась в том, что он знал – Бест считался лучшим стрелком в Англии – и ошибочно предполагал, что его репутация потерпит урон при малейшей уступке такому противнику. Он и мистер Бест в сопровождении секундантов верхами поехали в Кенсингтон. Прибыв примерно без пятнадцати восемь к «Коню и конюху», они спешились и прошли на поляну за поместьем лорда Холланда, где их развели на дистанцию в тридцать шагов, которая при точном измерении оказалась равной двадцати девяти ярдам. Лорд Камелфорд стрелял первым, но безрезультатно. В паузе, которая длилась несколько секунд, мистер Бест повернулся к тем лицам, которые в отдалении наблюдали за дуэлью, словно желая спросить, получил ли его светлость удовлетворение. Затем мистер Бест выстрелил, и его светлость тут же рухнул во весь рост. Через две секунды мистер Бест кинулся к нему на помощь, и, когда он взял лорда Камелфорда за руку, тот воскликнул: «Бест, я мертвец – ты убил меня, но я искренне прощаю тебя».

Звуки пистолетных выстрелов встревожили нескольких человек, которые работали поблизости; они заторопились к месту дуэли, и мистеру Бесту со своим секундантом пришлось спасаться бегством. Один из садовников лорда Холланда позвал на помощь товарища, чтобы задержать их. При их появлении секундант

лорда Камелфорда, который продолжал поддерживать его, побежал за хирургом, и мистер Томпсон из Кенсингтона вскоре прибыл к нему на помощь. Его светлость спросил у садовника, почему он хотел остановить того джентльмена, и заявил, что он этого не желает, поскольку сам был обидчиком, что он прощает человека, который застрелил его, и надеется, что Бог тоже простит его. Принесли портшез, и лорда Камелфорда отнесли в резиденцию мистера Отти. Отправили посыльных за мистером Найтом, мистером Хоумом и преподобным мистером Кокберном, который был кузеном его светлости. Хирурги, срезав с него одежду, осмотрели рану и признали ее смертельной. В течение первого дня он сильно страдал, но острые боли оставили лорда Камелфорда с четверга до вечера субботы, когда его жизнь подошла к концу.

Преподобному мистеру Кокберну, который неотступно находился при нем, лорд выразил свою уверенность в милосердии Господа. В моменты сильных болей он кричал, что искренне надеется – страдания, которые ему приходится испытывать, искупят совершенные им грехи. «Я бы от всей души хотел, – говорит мистер Кокберн, который написал об этой истории, – чтобы поклонники разгульного образа жизни и безверия находились у смертного ложа этого бедняги и могли бы слышать его слова раскаяния в прошлых неправедных поступках и надежду на милость Господню, его предсмертные обращения к одному из близких друзей с призывом в будущем жить мирно и добродетельно. Я думаю, что это произвело бы впечатление на них, как и на меня, и это было бы нелегко стереть из памяти».

Так в расцвете лет умер лорд Камелфорд, которому было всего двадцать девять лет. Его заблуждения и дурачества часто бывали предметом разговоров в обществе; но у него были и ценные достоинства: так, он освободил многих должников из тюрем метрополии. Вердикт королевского жюри гласил: «умышленное убийство некоего лица или неизвестных лиц». Против мистера Беста было выдвинуто обвинение, но оно было отвергнуто Большим жюри.

При вскрытии тела после смерти выяснилось, что пуля попала в правую часть груди между четвертым и пятым ребром, сломав последнее, и, пройдя через правую долю легкого, поразила шестой позвонок, где и осталась, перебив спинной мозг. В грудной полости скопилось более шести кварт (1 англ. кварта равна 1,137 л. – *Ред.*) крови, которая, сдавливая легкие, не давала дышать. С момента ранения все части тела ниже пораженного позвоночника потеряли подвижность и чувствительность, а поскольку раненый не мог откашливаться, левое легкое

наполнилось слизью, что, наконец, привело к асфиксии и смерти.

Лорд Камелфорд завещал тысячу фунтов для покупки участка земли в кантоне Берна в Швейцарии, между тремя деревьями, где и хотел быть похороненным.

Некоему полицейскому офицеру, который пытался предотвратить эту дуэль, Камелфорд вручил триста гиней (золотая монета, равная 21 шиллингу, тогда как 1 фунт стерлингов равен 20 шиллингам. – *Ред.*), в то же время выразив пожелание, чтобы он ушел в отставку, или же он вышибет ему мозги, и те, кто знали его светлость, думают, что у офицера хватило благоразумия с деньгами или без них уйти в отставку. Мистера Беста и его секунданта, а также секунданта лорда Камелфорда обвиняли в том, что при приближении чужого человека они оставили его светлость лежать на спине на поле, залитом водой, но, умирая, он заявил, что все стороны действовали как люди чести.

Фатальная дуэль между Диллоном и Кайаном тоже состоялась из-за женщины.

Господа Мануэль и Бомон были преуспевающими агентами Парижской фондовой биржи; у Мануэля были шестеро детей и жена, с которой он счастливо жил. Он получил два анонимных намека, что жена регулярно изменяет ему, но беспечно порвал их и отнесся к этому обвинению с презрением; тем не менее в третьем полученном послании приводилось место встречи, час и сигнал, по которому его впустят. Он отправился туда, дал сигнал и был встречен своей же женой, которая обняла его, приняв за своего соблазнителя Бомона.

Мануэль был поляком. Он продал всю свою собственность во Франции и вернулся на родину, предложив жене, что простит ее, если она бросит соблазнителя и останется со своими шестью детьми, но она отказалась. Примерно через шесть месяцев Мануэль, у которого были дела в Париже, встретил Бомона на бирже. Они обменялись несколькими словами и договорились о дуэли, в ходе которой Мануэль получил пулю в сердце от любовника своей жены!

Сестра одного морского офицера, по фамилии Ллойд, готовилась к замужеству – ее обольстил капитан Пауэлл. Бедняга Ллойд взял отпуск, чтобы присутствовать на свадьбе. Но соблазнитель от нее отказался, результатом чего была дуэль. Она состоялась в графстве Уэстмит (Ирландия), и оба дуэлянта были убиты при обмене вторыми выстрелами. Перед смертью Ллойд настойчиво интересовался, мертв ли его противник, и, получив ответ, что тот погиб от выстрела в голову, снял кольцо, которое обещал своей сестре, и отправил ей с посланием, что отомстил за

нее.

В ноябре 1826 года в Каркасоне (юг Франции) капитан Шассер, чей гарнизон стоял в этом городе, соблазнил дочь вдовствующей дамы. Последствия их отношений скоро стали очевидны, но капитана тщетно уговаривали жениться на этой молодой особе. Вместе с полком он отбыл в Хесден. Молодая женщина в сопровождении матери и брата последовала за ним и решительно возобновила разговор на эту тему, но он отказался, мотивируя отказ тем, что недостаточно обеспечен. Брат предложил выделить сестре часть своего состояния, но капитан продолжал отказываться. Молодая женщина впала в отчаяние, заявила, что хочет умереть, и во время посещения кладбища потеряла сознание. Брат послал капитану вызов, и, безрезультатно обменявшись четырьмя выстрелами с расстояния в двадцать пять шагов, пятым он попал в глаз соблазнителю, и тот умер на месте.

Господа Барнард и Эльфинстон, два близких друга и родственника, в июле 1825 года в Кроули-Коммон дрались из-за женщины. Вторым выстрелом мистер Э. был ранен в бок.

В апреле 1823 года состоялась встреча между подполковником Ч. из гренадерской гвардии и лейтенантом Ф. из 13-го полка легких драгун. Последний, дождавшись выстрела своего противника, не стал отвечать на него. Предполагается, что причиной ссоры были какие-то внутренние разногласия.

Миссис Мейси с дочерью прибыла из Сан-Доминго (так в XVIII в. и до 1804 г. назывался остров Гаити, с 1697 г. (официально) до конца XVIII в. французская колония. – *Ред.*) в Новый Орлеан. Она была замужем за мистером Энтони, который уклонился от встречи с ней, решив отправиться в места, где живут индейцы-натчезы. Она развелась со своим странным мужем, который к тому же оскорбил ее. Брат бросил вызов обидчику, и эта встреча привела к четырем другим дуэлям, две из которых кончились смертельным исходом.

Очень милая и дружелюбная молодая девушка, которой, к горю ее семьи, больше нет с нами, была оскорблена недостойным поведением молодого человека, с которым она не была знакома. Она доверительно рассказала об этом случае своему отчиму, считая, что тот может предотвратить повторение подобных оскорблений. В семью генерала К., куда, случалось, приглашали этого оскорбителя, было незамедлительно доставлено следующее письмо:

> «Сэр! Юная леди, которая в течение почти четырнадцати лет называет меня отцом, пожаловалась на

оскорбление, которое Вы нанесли ей. Хотя у нее есть дядя, брат и несколько кузенов, которые являются офицерами армии и флота, и хотя двое из них вчера обедали в этом коттедже, она предпочла высказать мне жалобу на Ваше недостойное поведение. Я требую, чтобы сегодня же мне было доставлено письменное извинение, публикация которого может предотвратить повторение такого поведения по отношению к знакомым мне уважаемым женщинам. Выражаю уважение к миссис К. и другим членам этой уважаемой семьи, которые до настоящего времени считали, что Ваше поведение достойно джентльмена, и тем самым предотвращали применение других мер, которые могут сделать Ваше пребывание в Тринити-колледж или появление на этой улице весьма неприятным для Вас».

По прошествии очень короткого времени после получения этого письма тот человек, которому оно было адресовано, в сопровождении мистера Х. К. явился и представил незапечатанное письмо, настолько делавшее честь его автору, что его публикация была сочтена неблагородной; нам известно, что молодой джентльмен, написавший его, с тех пор стал весьма известным лектором по вопросам христианской морали.

Весной 1829 года майор Г. настойчиво добивался внимания молодой дамы из Дублина, пока ее отец был по делам в Англии, а брат со своим полком – в Индии. Она очень подробно рассказала о всех обстоятельствах матери, которая решила поговорить с этим офицером, и результат оказался таким, чего и следовало ожидать, – были призваны родственники, и мы оказались среди ближайших, которые могли защитить даму от нежелательного внимания. По почте пришла его карточка с извинениями и честным словом, что он больше ничего такого себе не позволит.

Капитан Кеппл рассказал о критическом отношении иранцев к дуэлям, которое имеет место в случаях недостойного поведения по отношению к чувствам, личности или чести женщин. «Как глупо со стороны мужчины, который хочет убить своего врага, подвергать свою жизнь опасности, когда он может куда надежнее достичь своей цели, пристрелив врага из-за скалы». Так и было в случае с оскорблением жены Гамильтона, которую ночью выгнали с ее земель и из замка, и ее оскорбленный муж застрелил регента Мюррея через окно.

Капитан Фицджеральд нанес серьезное оскорбление чести семьи Кингстон и обменялся четырьмя выстрелами с нынешним виконтом Лортоном, а когда сделал попытку возобновить свои

нападки, то был застрелен в своей спальне ныне покойным графом, который не мог позволить, чтобы сын снова подвергал опасности свою жизнь. Это было очень громкое дело. Граф Кингстон был судим и оправдан своими пэрами, ибо не было свидетелей его поступка. Но давайте сделаем предположение, которое вполне в пределах возможного, что это всего лишь предостережение таким негодяям, как герцог Бекингем, который оскорбляет мужа или отца, а затем убивает его на дуэли. Сестра, жена, а также дочь Виргиниуса были совращены, и он убил обидчика в порыве страсти, сказав: «У закона нет лекарства для моих ран. Если я застрелю воров, которые возьмутся в полночь грабить мой сад, я не должен и часа провести в тюрьме. Я знаю, что могу быть казнен как преступник за убийство такого негодяя, который лишил меня куда большего, чем могут дать сады всего мира; но я предпочитаю такую смерть, чем гибель от руки соблазнителя, который, возможно, выживет в нашей с ним дуэли».

Мы далеки от того, чтобы защищать такое ужасное преступление, как убийство, но мы принимаем его, если отец, муж или брат мстят за нетерпимое оскорбление женской чести, и хотя такой мститель станет жертвой закона, его поведение более понятно, чем если бы он согласился на такую встречу, которая, к сожалению, состоялась у бедного Ллойда с капитаном Пауэллом. Если уж человеку приходится драться, то между сторонами должно быть какое-то равенство.

«Представьте себе, – говорит знаменитый писатель, – что, задержав человека, который убил мою жену, я приведу его в суд и потребую справедливости. Что мы должны думать о том судье, который потребует, чтобы преступник и я тянули жребий, кто из нас должен быть повешен».

Поскольку мы помним несколько случаев, в которых неуравновешенный и капризный характер дамы приводил достойных джентльменов к гибели на дуэли, мы хотели бы напомнить им, что представление о женщине всегда связано с мягкостью и милосердием, и, когда она требует от рыцаря сослужить ей какую-то службу, она должна помнить о свойственной ей мягкости и человечности. Шиллер заставил рыцаря де Лоржа (Делоржа) спуститься в страшную яму, чтобы вырвать у диких зверей латную рукавицу, но только для того, чтобы бросить ее госпоже Кунигунде, а затем навсегда отвернуться от женщины (стихотворение «Перчатка». – *Ред.*). В «Смерти Артура» мы видим, что рыцарь совершает опасный подвиг, но женщина, по указанию которой он идет на него, навсегда потеряла своего отважного рыцаря. «Если женщина вынудит меня на это, – говорит пожилой воин в известном

романе, – я исполню, но больше никогда не посмотрю на нее».

Добрая девушка никогда не потребует
От рыцаря суетной или кровавой цели,
И прекрасные глаза всегда будут
Как две звезды, что ласкают море,
А дыхание красавицы шепчет о покое
И усмиряет ярость битвы.

В будущем, доведись какой-нибудь добродетельной женщине, замужней или одинокой, оказаться в затруднительных обстоятельствах, вызванных непозволительным поведением грубияна, мы бы хотели, чтобы она, в случае необходимости, предоставила нам конфиденциальное заявление о таких фактах. И она может быть уверена, что оно попадет в руки того, кто ценит женскую честь и может оказать эффективную помощь, не подвергая опасности жизнь ее мужа, брата, отца, друга или возлюбленного.

ВЛИЯНИЕ ЖЕНЩИН

От развития женского ума
зависит и мужская мудрость.

В нашей «Школе для патриотов» мы заявили, что «женщины часто соперничают с мужчинами в патриотических поступках и их благотворное влияние на общество становится первостепенным и важным средством для улучшения морали нации и его политического лица».

Миссис Ханна Мор, достаточно известная писательница, заявила, что среди талантов, наиболее характерных для женщины, есть один, важность которого невозможно переоценить, – это влияние на общее состояние цивилизованного общества, на его привычки и мнения.

Ростки и добродетелей и пороков в сердце ребенка обеспечивает мать, няня и другие женщины, и, когда в период возмужания эти ростки готовы давать плоды, они под присмотром женщины могут завять или налиться соком. Мужчины прекрасно знают, что их репутация зависит от благожелательного мнения другого пола, и на любом этапе жизни мы без труда выясняем, насколько ценны благожелательные советы женщин, которые как минимум стоит принимать во внимание.

С нашей точки зрения, первостепенное значение имеет распространение этого влияния на мораль, религиозные и патриотические убеждения, и мы без промедления приведем несколько примеров на эту тему.

Хотя женщинам приходится быть жертвами несправедливости, тем не менее в некоторых частях света они получали дань уважения, которую заслуживали. Искусство часто воспевало их достоинства, а авторы знаменитых работ высоко оценивали их.

Плутарх приводит пример, когда женщины в осажденном городе заставили покраснеть его защитников, которые бесславно сдались; и те, которые видели их отношение к мужчинам, бегущим от врага, защитили ворота города и заставили беглецов вернуться, чтобы умереть или победить. Во время гражданской войны в Галлии женщины, встав между соперничающими армиями, добились перемирия, и позже, заслужив признание народа, стали арбитрами в спорах между соседними государствами.

Во время последней, 3-й Пунической войны женщины Карфагена обрезали себе волосы, чтобы сделать новые

катапульты и баллисты. (В 149 г. до н. э. высадившаяся в Африке 89-тысячная римская армия потребовала капитуляции Карфагена. Карфагеняне по требованию римлян сдали оружие: свыше 200 тыс. комплектов и 2 тыс. катапульт. После этого жителям Карфагена было приказано покинуть подлежащий разрушению город и не селиться ближе 15 км от места его нахождения. И тогда карфагеняне решили сражаться: они ковали новое оружие, а из длинных волос женщин были сделаны работающие на скручивание метательные элементы катапульт и других машин. И город держался до 146 г. до н. э., когда был взят римлянами в ходе семидневного штурма и разрушен до основания (намного позже был построен новый, уже римский, Карфаген). – *Ред.*) В Риме женщина с почетом отнеслась к ранам своего мужа, когда он сложил к ее ногам добычу, отвоеванную у врага. В течение одного дня Гортензия дала примеры красноречия для представительниц своего пола, отваги для мужчин и человечности для тиранов.

У иудеев мы видим, как Юдифь успешно приободрила упавших духом. Несколько благочестивых женщин окружили крест Спасителя, когда все мужчины, кроме нескольких любимых учеников, скрылись.

Во все века и во всех странах в своем прозелитизме женщины были куда более ревностны, чем мужчины. Во всех общинах, которые мы знаем, на одного такого мужчину приходились четыре женщины. Женщины возносили христианскую религию, они истово и убежденно распространяли Евангелие. Особенно это чувствовалось во Франции, Англии, Германии, Баварии, Венгрии, Чехии, Литве, Польше, Пруссии и других местах.

В IV – V веках святой Иероним (342 – 419 или 420, создатель канонического латинского текста Библии. – *Ред.*) истово воспевал женщин. Его собственный стиль смягчался и улучшался, когда он говорил о мягкости и заботливости таких римских женщин, как Марселла, Паула (Фабиола) и других римлянок, которые приняли христианскую религию.

Миссис Мор выражает глубокую надежду, что в тех странах, где представительницы ее пола пользуются преимуществами либерального образования, разумного законодательства, чистой религии и равных, добродетельных общественных отношений, женщина не будет украшать и лелеять себя, когда она вооружена возможностью реформировать мужское сообщество; ее не будут волновать успехи текущего дня, когда можно успешно работать для вечности. Она посвятит себя тому, чтобы вызывать в мужчинах дух благородных дел для улучшения общественной морали, чтобы разжигать пламя религиозного рвения, которое в

последнее время затухает. Она решительно воспользуется важными преимуществами, которые (вкупе) дают ее красота, добродетель и таланты, чтобы поднять уровень патриотизма, который станет и крепким, и в полной мере отвечающим природной тонкости ее пола.

«Чтобы обеспечить успех таких благородных начинаний, необходимо, чтобы женщины задумывались о своем влиянии и постоянно расширяли его. Они должны изгонять из своего общества профессиональных дуэлянтов, соблазнителей, пьяниц, игроков и богохульников – женщины должны обеспечивать переделку общества и помогать своим оскорбляемым и падшим сестрам.

Каждая женщина, которую заботит респектабельность общества, может протянуть спасительную руку падшей женщине, не теряя своего достоинства».

ССОРЫ ИЗ-ЗА РЕЛИГИИ

Их рты полны благочестивых фраз о живом Боге, а их руки полны пятнами крови самых любимых существ.

Можно ли поверить, что люди, истово взывающие к миролюбию Евангелия, в состоянии убить друг друга на дуэли из-за символа веры?

В июле 1791 года мистер Грэхем, адвокат, и мистер Джулиус, прокурор, поссорившись по вопросам их веры, дрались в Блэкхите, рядом с Лондоном. Мистер Грэхем получил рану в бедренную артерию и скончался. Обе стороны были очень близкими друзьями и дрались по причине, которую они приняли за общественное мнение.

В 1802 году мистер Бернард Койл из Линин-Холл в Дублине дрался с достопочтенным мистером Оглом, доверенным советником, с которым обменялся восемью выстрелами, поссорившись по вопросам религии и выборной кампании. Мистер Огл и его секундант, остроумный советник Лайсигт, обедали с нами сразу же после дуэли, и по случаю мы рассказали им все детали предвыборных кампаний.

В декабре на задах казарм в Корке состоялась встреча между лейтенантом Редмондом Бирном, отставником 15-го полка, и лейтенантом Мартином Салливаном, отставником 19-го полка. Первого сопровождал мистер Андервуд, а другого – мистер Райнес. После того как соперники обменялись двумя выстрелами, вмешались секунданты, и ситуация была разрешена. Причина ее была в нескольких замечаниях, брошенных лейтенантом С. в адрес священнослужителей Римско-католической церкви, которые настолько возмутили лейтенанта Б., что он позволил себе самые сильные выражения, имеющиеся в английском языке.

Мы можем упомянуть еще несколько случаев, причиной которых были такие же ссоры, но мы надеемся, что недалеко то время, когда люди перестанут «ненавидеть друг друга из-за любви к Богу».

ОБРАЩЕНИЯ К ЗАКОНАМ

Вы можете выбрать защиту доспехов,
Я же выбираю защиту закона.

Смелость мистера Куррана никогда не подвергалась сомнению, и он неоднократно ее доказывал, но когда он был публично и беспричинно оскорблен ударом хлыста, то решительно обратился в суд, чтобы дать отпор такому поведению, которое нарушало все законы цивилизованного общества.

Мистер Филипс, адвокат, уроженец страны, где высоко ценились законы чести, который не только в этом случае, но и в многих других доказывал, что активно противостоит таким оскорблениям, в апреле 1824 года занялся расследованием нападения на офицера Эдуарда Харви Фостера и, обращаясь к жюри присяжных, сказал, что «заключенный, наверное, считает себя виновным, что ударил на улице человека хлыстом, но воспринимает это как свою победу, хотя это гнусное деяние; тем не менее оно ни в малейшей степени не пятнает репутацию храброго офицера. Законы чести представляют собой кодекс законов для равных, но не для людей, которые сначала отвергают их, а потом требуют, чтобы они поддержали его». Заключенный был признан виновным, и в своем приговоре председатель суда в Вестминстере сказал: «Истец, будучи жестоко оскорбленным, прибегнул к наилучшей и самой благородной линии поведения, и суд выражает свои чувства тем, что виновник приговаривается к трем месяцам тюремного заключения».

В ходе летней сессии суда присяжных в Тайроне мистер Джон Ирвин был приговорен к восемнадцати месяцам заключения и к двум тысячам фунтов штрафа за оскорбление мистера Александра Синклера и вызов его на дуэль. Мистер К.С. Монк был приговорен к восьми месяцам заключения за то, что передал этот вызов.

В суде «Хьюм Блейкер против преподобного Джозефа Шеперда» Блейкер показал, что Шеперд вызывал его к барьеру, употребляя в то же время такие выражения, что, мол, ему хватит «и одного ствола», и показывал на охотничье ружье, которое держал в руках. «Пусть у тебя и два ствола, я с тобой справлюсь», – сказал он и взвел курок. За эти выражения он и был наказан.

Следующий отрывок из дублинской газеты приводится для того, чтобы показать, каким образом джентльмен может добиться

возмещения провокационных или оскорбительных высказываний.

Суд королевской скамьи. Мистер Дрисколл был обвинен истцом в преступном поведении, поскольку использовал выражения, дабы спровоцировать его и вынудить драться на дуэли. Выражение, которое вызвало больше всего претензий, – «он, – то есть истец, – мерзавец».

«В продолжении нет необходимости, – сказал главный судья. – Соблюдайте правила поведения».

Капитан Г. из полка гвардейской пехоты обратился к мистеру Дайеру, председателю магистрата, что на Мальборо-стрит в Лондоне, с претензией к капитану Х. из полка легких драгун.

Он рассказал, что ему сообщили информацию, которую он встретил с неподдельным удивлением, – капитан Х. выразил решительное намерение убить его при первой же встрече, где бы она ни состоялась. С этой целью Х. носит с собой заряженный пистолет. Капитан Г. был очень изумлен, узнав об этом, потому что он незнаком с капитаном Х. и никогда лично не встречался с ним, но, насколько он понимает, причина его недовольства – это отношения с женщиной. Утром у капитана возникла необходимость встретиться с лордом Спенсером Черчиллем в его доме на Кавендиш-сквер, и, пока он стучал в дверь, некий человек, описание которого соответствовало тому, что он знал о капитане Х., подошел к нему и, спросив, не он ли является капитаном Г., одновременно сунул руку за пазуху, словно собираясь что-то извлечь оттуда; к счастью, у капитана Г. хватило сообразительности отрицательно ответить на его вопрос. Присяжный стряпчий капитана Г., который вместе с друзьями капитана сопровождал его, сообщил мистеру Дайеру о причине, по которой капитан Г. повел себя именно так, а не прибегнул к обычной линии поведения – к сожалению, в свое время капитан Г. принял участие в дуэли, на которой убил своего противника, из-за чего его (капитана Г.) друзья сошлись в общем мнении, что он должен соблюдать сдержанность.

Мистер Дайер немедленно выписал ордер на задержание и приказал полицейскому Планку произвести его. Планк не стал терять время и, проведя расследование, выяснил, что капитан Х. находится в заключении в Торогуде, куда попал за долги. Убедившись, что так оно и есть, Планк написал рапорт, который конечно же и положил конец его заданию. Тем не менее капитан Г. сказал: у него есть все основания считать, что этим же вечером его противник будет освобожден. Все произошло так, как и предполагал капитан Г.: его противник был освобожден и немедленно покинул город, чтобы присоединиться к полку, который находился за рубежом. В воскресенье утром, между

четырьмя и пятью часами, капитан Г. вместе с приятелем подъехал к дому Планка в фаэтоне и попросил его проследовать вместе с ними в Портсмут, откуда, как им сказали, должен отбыть капитан Х. Тем не менее, поскольку у Планка было много неотложных дел в городе, он отказался, но выдал ордер другу капитана Г., и они уехали, намереваясь как можно скорее попасть в порт.

Поскольку мы считаем себя приверженцами христианской морали, которая отвергает дуэли, и с точки зрения человека чести, который учитывает общественное мнение, мы думаем, что это наша обязанность – снабжать полезными сведениями читателей всех классов.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО СОБЛЮДАТЬ МИР

Это будет стоить вам слишком дорого.

Поскольку по поводу сути этого обязательства доминирует ошибочное мнение, сообщаем нашим читателям, что судья Бартон оповестил о рассмотрении дела чести и что перед ним в Каслбаре предстали стороны, лорд Бингем и мистер Джон Браун, которым пришлось выплатить залог в девять или десять тысяч фунтов с каждой стороны и соблюдать мир. Его светлость предупредил их, что если они отправятся во Францию и встретятся там на дуэли, то лишатся своих залогов.

Об этой истории есть следующий пассаж в «Ежедневнике» (т. 2, с. 945).

«Хотя некоторые лица, отвергая законы религии, тем не менее соблюдают законы страны, и так как есть основания предполагать, что часть этих лиц, выступая в качестве сторон, договариваются о проведении дуэли и, будучи связанными обязательствами хранить мир, проводят дуэли за границей, то да будет известно, что закон, распространяя защиту на всех участников процесса, может покарать их за нарушение своих обязательств и за проведение дуэли за морем в той же мере, как если бы они дрались в Соединенном Королевстве».

ССОРЫ ИЗ-ЗА АЗАРТНЫХ ИГР

А стоит ли рисковать жизнью?

Причинами некоторых из наиболее отчаянных дуэлей являются ссоры из-за азартных игр или скачек. Под это описание подпадает случай с майором Онеби. Мистер Горман застрелил офицера на Норт-Стренд около Дублина из-за спора по поводу игры. А в 1824 году мистер Весталл в Эдинбурге застрелил капитана Гурлея из-за ссоры по поводу азартных игр, которую описал корреспондент «Британского путешественника»:

«Мистер Весталл, который застрелил капитана Гурлея на дуэли, по поручению компании «Джеймс Фишер и К°» приехал на первый большой аукцион по торговле кружевами. На недавних скачках в Ланкастере он проиграл на пари семьдесят гиней капитану Гурлею, который одновременно, в свою очередь, проиграл пари другу мистера Весталла. В субботу капитан Гурлей и мистер Весталл встретились в этом городе в гостинице «Булл-Инн», где приветствовали друга с взаимной вежливостью и нескрываемым дружелюбием. В ходе разговора капитан напомнил мистеру Весталлу о его пари, которое этот джентльмен признал, но добавил, что уполномочен своим другом получить у капитана Гурлея свой выигрыш, который и пойдет в возмещение того, что он (мистер Весталл) потерял. В ходе препирательства капитан окрестил мистера Весталла мошенником, а тот в свою очередь назвал капитана лжецом. Тогда капитан схватил кочергу и нанес мистеру Весталлу удар по голове, промахнулся, но удар пришелся по плечу с такой силой, что кочерга переломилась, а мистер Весталл на несколько минут потерял сознание. Придя в себя, мистер Весталл отправился в кофейню, где после горячей перепалки состоялась договоренность о дуэли на следующее утро в Солсбери-Крэггс. Капитан Г. своевременно прибыл на место в сопровождении своего секунданта капитана Д. и хирурга. Там он встретил мистера В. – но без секунданта. В качестве такового пригласили мистера Дж., но он был задержан своим отцом, у которого зародились сомнения относительно характера намечающейся встречи, и, кроме того, он серьезно недомогал. Из-за этой неувязки дуэль была отложена и стороны устно договорились встретиться на Куинс-Ферри, чтобы за это время мистер Весталл мог обзавестись секундантом. Когда стороны снова сошлись, при капитане Гурлее был его секундант капитан Д., а при мистере Весталле – его секундант мистер Д-с. Они встретились на судне и, как предварительно было договорено,

поднялись на верхнюю палубу, где стороны заняли свои места. В капитана Гурлея попала пуля мистера Весталла, и он скончался на месте».

Можно привести бесчисленное количество таких случаев, но беспристрастный читатель должен признать, что они имеют очень слабое отношение к вопросам чести.

Мы надеемся, что в будущем люди, которые ценят благородные чувства, будут избегать того, чтобы посылать и принимать вызовы на дуэль из-за спорной собственности или пари.

УСТАРЕВШИЕ ПРАВИЛА

Мне нравится отстаивать свою позицию.

Абсурдность воззрений завзятых ирландских дуэлянтов на вопросы чести стала особенно заметна, когда в Дублине, Голуэе, Типперэри и других местах были приняты правила, которые безусловно заслуживают быть включенными в это повествование.

Сэр Джонах Баррингтон говорит: «Так много ссор возникают без *достаточно весомых* поводов, так много вещей приводят к конфликтам, хотя для них нет никаких оснований, что известные бретеры юга убедились – пора избавляться от дурной славы, и глубоко задумались, как подвести под эту проблему настоящую, крепкую, продуманную и современную опору, чтобы регулировать время, место и другие обстоятельства дуэлей, дабы во всей Ирландии царили бы одни и те же принципы на основе единого национального кодекса, доказывая, как сказано у Гуго Гроциуса, что следование одному и тому же кодексу и своду правил пойдет на пользу обеим противостоящим сторонам».

Для реализации такого подхода в Дублине было создано общество «Рыцари Тары», которое раз в месяц собиралось в театре на Кейпел-стрит, где раздавали награды за искусство фехтования и где вели себя самым похвальным образом. Входную плату собирали в серебряных кубках, которые, как призы, вручались лучшим фехтовальщикам. Ежеквартально проходили выступления учеников и любителей.

В таких случаях театр «Рыцарей Тары» бывал переполнен. Соперники были одеты в плотные льняные куртки, украшенные ленточками, и каждый носил излюбленные цвета своей избранницы; такие же болтались и на коленях, а туфли из буйволовой кожи были расписаны розами.

Не использовались ни маски, ни забрала, наоборот, черты лица были открыты, и была заметна каждая гримаса. Дамы являлись в пышных утренних нарядах, каждая несла рапиру для своего чемпиона, и их присутствие оживляло соревнования. Красавицы вручали победителям стоявшие на сцене призы, вместе с лавровыми венками и улыбками, которые были ценнее сотен побед! Кончики рапир были зачернены, что помогало точно фиксировать каждое касание льняных курток и безошибочно определять победителя. В украшенном зале царили красота,

мужество и хорошее настроение.

У «Рыцарей Тары» был также выборный комитет, который решал все актуальные для них вопросы чести – разрешение споров, если это было возможно, а если нет, то определение условий дуэли. Сомнительные проблемы, как правило, разрешались мирным образом, исходя из того, что ни одна из женщин не должна быть оскорблена или ославлена, но, когда был повод, рыцари дрались безжалостно, до крови. В состав клуба они выбирались тайным голосованием, примерно как в жокей-клубе, но никто не имел оснований чувствовать себя оскорбленным, ни у кого не было возможности обманывать друг друга.

Эта самая приемлемая и полезная ассоциация существовала не более двух или трех лет. Не могу сказать, почему она распалась. Тем не менее я думаю, что бретеры сочли ее легкомысленной или им не нравилось, что их доминирующее влияние сталкивалось с соперничеством. Говорят, что они с откровенной враждебностью относились к рыцарям, и я склонен верить в это, потому что вскоре дуэлянты из южной части страны выпустили всеобъемлющий кодекс законов и вопросов чести с указанием, что все джентльмены по всему королевству обязаны строго соблюдать его, хранить в ящике с пистолетами и что пренебрежение этим кодексом недопустимо. Кодекс циркулировал не в печатном виде, но в различные сельские клубы было разослано множество рукописных копий. Мой отец получил одну для своих сыновей, и я переписал большую часть его на чистые листы. В центре внимания его были все аспекты дуэлей, которые действуют вплоть до настоящего времени. В Голуэе они назвали его «Тридцать шесть заповедей».

Как явствует из моей копии, эти «заповеди» выглядят следующим образом:

«Практика поединков и разрешения вопросов чести, принятая на летней сессии в Клонмеле в 1777 году уважаемыми делегатами от Типперэри, Голуэя, Мейо, Слайго и Роскоммона и предлагаемая для всеобщего использования по всей Ирландии».

ПРАВИЛО I

Первый, кто нанес оскорбление, первым же и должен принести извинение, хотя ответ может оказаться обиднее, чем само оскорбление. Пример: А. говорит Б., что тот наглец, и т. д. Б. отвечает, что тот лжет: тем не менее А. должен извиниться первым, потому что он первым нанес оскорбление; а затем после одного выстрела Б. может объяснить отказ от соответствующего извинения со своей стороны.

ПРАВИЛО II

Но если стороны предпочитают драться, то после двух выстрелов с каждой стороны (но ни в коем случае не раньше) Б. должен объясниться первым, а потом А. приносит свои извинения.

N.B. Вышеописанное правило применимо ко всем случаям оскорбительных ответов, но не более серьезных, чем в данном примере.

ПРАВИЛО III

Если существует сомнение, кто первый нанес оскорбление, решение выносят секунданты. Если они не могут решить или прийти к согласию, то дело должно разрешиться двумя выстрелами или ранением, если его получил тот, кто бросил вызов.

ПРАВИЛО IV

Когда при первом оскорблении высказана *прямая ложь*, обидчик должен, обменявшись двумя выстрелами, в недвусмысленных выражениях попросить прощения, или после трех выстрелов должно последовать объяснение; или же продолжать стреляться, пока та или иная сторона не получит серьезное ранение.

ПРАВИЛО V

Если в обычных обстоятельствах между джентльменами разгорелся серьезный конфликт, при котором возможен обмен ударами, то за такое оскорбление нельзя ограничиться устными извинениями; оскорбитель протягивает трость другой стороне и, когда получает ею удар по спине, в это же время просит прощения; или же открывается стрельба, пока один или оба не теряют способности к сопротивлению; или же после обмена тремя выстрелами просит прощения, но *без* использования трости.

Шпаги используются до того момента, пока одна из сторон не начинает кровоточить, или обездвижена, или обезоружена; или до того момента, пока не получает кровоточащую рану, а обидчик просит прощения.

N.B. *Обезоружить* значит то же самое, что *вывести из строя*; победитель должен (обязательно) сломать шпагу своего противника; если же обезоружен тот, кто посылал вызов, то поступать так считается неблагородным.

В том случае, если вызванный на дуэль обезоружен, но отказывается просить прощения или искупать вину, он не должен быть *убит*, как было бы раньше; бросивший вызов должен положить свою шпагу на плечо обидчика, а затем сломать его оружие и сказать: «Я дарю тебе жизнь», а вызванный на дуэль никогда не может возобновить ссору, в отличие от другой стороны.

ПРАВИЛО VI

Если А. оболгал Б. и Б. отвечает ударом (это два самых больших оскорбления), ни о каком примирении *не может* быть и речи, пока они не обменяются выстрелами или кто-то не получит серьезного ранения, *после*чего Б. может покорно попросить у А. прощения за удар, а затем А. может откровенно объяснить причины лжи, потому что удар *недопустим*, а ложь все же может исчезнуть.

ПРАВИЛО VII

Но во всяком случае никакого извинения не может быть предложено, пока стороны не заняли свои места на месте дуэли – но еще не обменялись выстрелами.

ПРАВИЛО VIII

Как и в предыдущем случае, посылающий вызов не обязан разглашать причину вызова (если она приватная), если *до* их встречи не получил от вызванного просьбу сделать это.

ПРАВИЛО IX

Обвинение в мошенничестве в ходе игры, на скачках и т. д. приравнивается к нанесению удара; но примирения можно достигнуть после обмена одним выстрелом, признания мошенничества и публичного извинения.

ПРАВИЛО X

Любое оскорбление даме, которая находится под опекой или под защитой джентльмена, считается бóльшим оскорблением, чем нанесенное лично джентльмену, и нуждается в соответствующем урегулировании.

ПРАВИЛО XI

Неоднократные оскорбления, касающиеся репутации дамы, считаются куда более непростительными, чем любые другие, и требуют немедленного извинения со стороны обидчика. Надо принимать во внимание обстоятельства конкретного случая, но они *всегда* должны быть благоприятны для дамы.

ПРАВИЛО XII

В простой случайной стычке на рапирах действует правило: первым обнажил клинок, первым же вложи в ножны при виде крови. Затем оба убирают оружие и приступают к разбирательству.

ПРАВИЛО XIII

Ни в коем случае не допускаются глупые возгласы или стрельба в воздух. Бросить вызов можно только после того, как получено оскорбление, а вызванный, если он нанес оскорбление, должен до выхода на место дуэли принести извинение; то есть *детские игры* непозволительны как с одной стороны, так и с другой, и они, соответственно, запрещены.

ПРАВИЛО XIV

Секунданты должны занимать одно и то же положение в обществе, что и дуэлянты, которых они сопровождают; поскольку секундант может предпочесть или получить возможность стать дуэлянтом, равенство в социальном статусе является обязательным.

ПРАВИЛО XV

Вызов никогда не должен доставляться в ночное время, разве что вызванная сторона предполагает оставить место дуэли до наступления утра, чтобы избежать всех разбирательств на скорую руку.

ПРАВИЛО XVI

Вызванный имеет право выбора своего оружия, если вызывающий клянется честью, что он не является фехтовальщиком, после чего он не может отвергнуть *второго* предложенного вызванным.

ПРАВИЛО XVII

Вызванный выбирает позицию на месте дуэли; другая сторона – расстояние, а секунданты фиксируют время и условия стрельбы.

ПРАВИЛО XVIII

Секунданты заряжают оружие в присутствии друг друга, пока устно не дают заверения, что в каждом стволе находится один заряд, которого должно быть достаточно.

ПРАВИЛО XIX

Обмен выстрелами должен вестись по правилам: во-первых, по сигналу, во-вторых, по слову команды или, в-третьих, по воле дуэлянтов, если это обговорено сторонами. В последнем случае стороны могут стрелять после устраивающей их паузы, но *второй выстрел* строго запрещен.

ПРАВИЛО XX

Во всех случаях промах считается равным выстрелу, а *осечка* или *невзведенный курок* считаются промахом.

ПРАВИЛО XXI

Секунданты обязаны сделать попытку примирения *перед* встречей или *после* достаточного обмена выстрелами или ранения, как это обговорено.

ПРАВИЛО XXII

Любое ранение, которое вызвало нервное потрясение или неудержимую дрожь рук, должно в этот день завершить встречу.

ПРАВИЛО XXIII

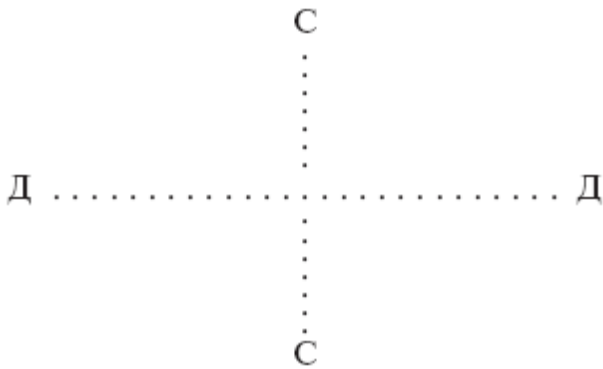
Если причина дуэли такова, что не может или не допускает принесения извинений, то вызванный занимает свое место и предлагает инициатору встречи действовать по его усмотрению; в таких случаях стрельба по воле дуэлянтов является обычной практикой, но она может меняться по соглашению сторон.

ПРАВИЛО XXIV

В обычных случаях секундант вручает своему дуэлянту всего один пистолет, но в особых сложных случаях он держит при себе в резерве второй заряженный пистолет.

ПРАВИЛО XXV

Когда секунданты не могут прийти к согласию и решают стреляться сами, все должно происходить в то же время, а их дуэлянты должны стоять от них под прямым углом, вот таким образом:



Если используются шпаги, то отмеряется интервал в пять шагов.

N.B. Здесь не упоминаются все подробности и сомнения, которые будут объяснены и выяснены в материалах комитета, который с этой целью собирается на ежеквартальные сессии в Клонмеле или Голуэе.

Кроу Райан, президент,
Джеймс Кеог,
Эмби Бодкин, секретари

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРАВИЛА ГОЛУЭЯ

ПРАВИЛО I

Ни одной из сторон не разрешается сгибать колени или прикрывать бок левой рукой; она может располагаться на любом уровне от бедра до глаза.

ПРАВИЛО II

Если дистанция на месте дуэли отмерена, никто не имеет права отступать по ней или приближаться. Если дистанция не отмерена, то каждая сторона может наступать по своему желанию, вплоть до соприкосновения дулами; но после выстрела никто не может наступать на своего противника, разве что противник сам делает шаг вперед.

N.B. Секунданты с обеих сторон, внимательно наблюдая, несут ответственность за соблюдение этого правила; из-за пренебрежения им возникают несчастные случаи.

Наверное, мы должны извиниться за копирование такого количества страниц из Джонаха Баррингтона, который везде признан как непререкаемый авторитет. Многим читателям эта компиляция из его «смеси» может показаться просто неповторимой – на самом же деле некий знающий рыцарь заверил нас, что он думал точно так же.

ИРЛАНДСКИЕ ДУЭЛЯНТЫ

Выйдет из дому, встретит приятеля, да и убьет его по ничтожному поводу.

Вряд ли есть еще одна страна в мире, где дуэли приносили столько зла, сколько на Изумрудном острове (т. е. в Ирландии. – *Ред.*). В прошлом они достигали невообразимого размаха, и даже сейчас едва ли не каждый час в самых разных частях острова вспыхивают стычки, хотя сравнительно малое их число находит упоминание в публичных изданиях. Мы убеждены, что в этой части империи (до 1921 г. вся Ирландия была в составе Британской империи, в 1921-м, за исключением Северной Ирландии, получила статус доминиона, с 1949 г. провозглашена независимой республикой. Северная Ирландия осталась в составе Великобритании. – *Ред.*) нет ни одной уважаемой семьи, которая не могла бы рассказать о многочисленных ранах, полученных на дуэлях. Любовь, законы, выборы, религия, политика и масса других поводов для споров предоставляют завзятым дуэлянтам прекрасные возможности на практике познакомиться с самыми разными формами дуэлей.

Любая семья, которая хоть в малой степени претендует на принадлежность к аристократии, конечно же имеет при себе оружие, которое употребляется в схватках. Сэр Джонах рассказывает: «Наши фамильные пистолеты, у каждого из которых было свое название, имели очень длинные медные стволы и мушки; они хранились среди доспехов в нашем древнем замке в Балинакиле времен королевы Елизаветы (Елизавета I Тюдор (1533 – 1603), правила с 1558. – *Ред.*) и в те времена переходили от отца к сыну. Один из них назывался «Сладкие губки», а другой – «Дорогой». Фамильную рапиру мой внучатный дядя, капитан Уилер Баррингтон, именовал «Нож для курочек» и неоднократно пускал ее в ход, поражая ею различные части тела тех шотландских офицеров, которые вызывали его по поводу национальных различий. Лезвие у нее было очень длинное и узкое, острое, как бритва, ею можно было колоть и рубить, у нее были серебряные ножны с кожаной прокладкой внутри».

«Наши выборы, – говорит этот автор, – давали куда больше поводов для дуэлей, чем другие публичные мероприятия; дуэли очень редко возникали на скачках, на петушиных боях, охоте, где народ предпочитал развлекаться и «делать что-то еще», а не ссориться, но вот на всех выборах, или на судебных заседаниях,

или в тех местах, где люди занимались бизнесом, почти каждый человек, даже не имея весомых поводов, тут же становился отчаянным забиякой и проявлял яростную враждебность к кому-то, и джентльмены часто получали пулю еще до того, как могли объяснить, чего ради они дерутся».

26 апреля 1825 года мистер Литтлтон под приветственные крики и смех заявил в палате общин, что «кандидат, который осмелится собирать голоса арендаторов в Ирландии, должен быть готов ответить за свое поведение под дулом пистолета и что единственным сомнительным вопросом в Ирландском суде чести будет: осмелится ли этот гнусный кандидат не ответить на выстрел своего противника». И действительно, такой невеселый факт в самом деле имел место в спорных выборах 1826 года, когда свободный арендатор забыл представить землевладельцу доказательство своего патриотизма, совершив тем самым преступление, за которое был лишен имущества. Мистер Колклоух пал от руки своего друга мистера Алкока, потому что разрешил своему комитету собирать голоса арендаторов, тогда как владелица земель пообещала, что они «поддержат последнего».

Следующая история, которую мы приводим из «Лондонских клубов», ярко иллюстрирует опасности, связанные с выборами.

В 1790 году представитель графства Даун вместе вошел в серьезный конфликт между старшим сыном тогдашнего лорда Хиллсборо и покойным лордом Каслеро; среди других юристов, занимавшихся этим делом, был мистер Доунс, вспоследствии главный судья суда Королевской скамьи. Прежде чем отправиться в Даунпатрик, мистеру Доунсу довелось встретиться с Курраном, которому он рассказал, что приглашен одной из сторон, и добавил, что он огорчен, узнав, сколько накопилось неприязни, которая даст о себе знать, – вплоть до того, что сторонники кандидатов сойдутся на дуэлях и устроят кровопролитие. «Со своей стороны, – продолжил он, – я буду беспристрастно относиться к обеим сторонам и руководствоваться только своими профессиональными обязанностями». – «Без сомнения, – сказал Курран, – вы прекрасно подготовлены». – «О да, – ответил Доунс, – я стал специалистом по *случаям, связанным с выборами*». – «Очень хорошо, – согласился Курран, – но было бы желательно, чтобы вы получили представление о противоречиях и ссорах, которые сможет завязать с вами какой-нибудь раздраженный болван; так что я рекомендовал бы вам *иметь под руками случай Уогдена*». – «Случай Уогдена!» – удивился Доунс. – Никогда раньше о нем не слышал! Буду вам очень обязан, мой дорогой друг, если вы расскажете о нем; где я могу найти отчет

об этом случае?» – «Я сам удивлен, – ответил Курран, – что вы, такой знаток выборов, никогда не слышали упоминание о деле Уогдена. В городе не менее двадцати магазинов, где вы можете столкнуться с ним». Мистер Доунс, удовлетворенный этим указанием, отложил поездку на «театр военных действий» и целиком посвятил его походу по книжным магазинам Дублина. Наконец он упомянул о предмете своих поисков коллеге-адвокату, которого случайно встретил, и был немало смущен, когда тот разразился смехом по поводу его наивности. Коллега посоветовал ему вместо того, чтобы продолжать поиски, перейти улицу к *оружейному магазину*, где он через минуту найдет этот ящик[26]. Уогден был знаменитым мастером, специалистом по пистолетам.

Галантность ирландцев часто искупала их репутацию дуэлянтов. Во всех случаях, где была замешана женщина, для ирландца понятие чести было на первом месте. Баррингтон рассказывает, что «если на улице Дублина какой-то джентльмен пытался пройти между стеной и идущей вдоль нее дамой, то ее эскорт воспринимал такой поступок как личный вызов, и если стороны были при шпагах, что тогда было обычным делом, то первым обращением к оскорбителю могли быть слова «Шпагу наголо, сэр!». Тем не менее такие конфликты кончались извинением перед женщиной за неумышленную неловкость. Но если мужчина осмеливался зайти в театральную ложу в верхней одежде, в сапогах или шляпе, то это считалось большим оскорблением всех присутствующих дам, и в ближайшие сутки у него практически не было шансов избежать выстрела или удара шпаги».

Мы можем упомянуть несколько случаев, в которых пренебрежение этикетом по отношению к женщинам приводило к расставанию с жизнью.

Там, где теперь тянется Талбот-стрит, некогда была Мальборо-Грин, нечто вроде чайной, которую часто посещали певцы, играли оркестры и т. п. Как-то вечером по ступеням, которые вели в большой зал, спускался некий молодой аристократ, навстречу ему поднимался джентльмен в вечерней одежде, в компании дам, а на молодом человеке были сапоги со шпорами. «Ваши сапоги в навозе», – сказал спутник женщин и проследовал со своей компанией в зал. Не прошло и двух минут, как в помещение торопливо вошел лорд Х. и, ударив его по плечу ротанговой тростью, сказал: «Следуйте за мной, сэр». Тот поднялся, и они спустились по ступенькам на лужайку, по которой прогуливались и беседовали люди. Лорд Х. вынул свою рапиру, его противник – свою. Сделав выпад-другой, лорд Х.

получил сквозную рану и прожил не более нескольких часов.

Английский посол, представляя Джорджа Роберта Фицджеральда французскому двору, сказал, что этот знаменитый ирландец дрался не меньше чем на тридцати дуэлях, и это заставило короля сказать, что его жизнь представляет собой прекрасное дополнение к месье Джеку Потрошителю Великанов. Мы несколько исказили воспоминания мистера Баррингтона, упомянув о двадцати шести дуэлях вместо тридцати, и не медля приносим свои *почтительные извинения.* Мы убеждены, что из тридцати дуэлей двадцать шесть кончились смертельным исходом.

Те личности, которые входили в знаменитый «Клуб адского огня», были обязаны подтверждать свое членство в этом весьма почетном сообществе убийством на дуэли хотя бы одного человека. Это правило было не столь либерально, как требования «Жандармов» во Франции, которые принимали лиц, клятвенно заверявших, что в течение года участвовали как минимум в одной дуэли.

Баррингтон говорит: «В 1782 году был добровольческий корпус, который называл себя Независимая легкая кавалерия. Этот клуб не принадлежал к какому-то одному району, и в него могли входить только младшие братья из самых уважаемых семей. Эти ребята всегда были при шпагах и пистолетах. Графства Роскоммон и Слайго обеспечили присутствие одних из самых блестящих молодых людей (бретеров), которых я когда-либо видел».

В дни Уитли, игрока, в графстве Коннахт было тринадцать семей, которые отвечали на каждый, даже предполагаемый, выпад смертью обидчика.

Мисс Эджуорт, обществу которой мы весьма обязаны и развлечениями, и советами, рассказывает, что графство Голуэй всегда славилось своими драчливыми джентльменами, такими как Синяя Метка, Боб-Дьявол, Дик Девятнадцать Дуэлей, Пат Спусковой Крючок и Нед-Пружинка.

Когда мистер Диллон, получив пулю в лоб, был убит своим противником, мистером Кайаном, его брат, которому тогда исполнилось всего шестнадцать лет, очень спокойно заметил, что просто чудом у покойника не вылетел глаз. Мы предполагаем, что образованием и воспитанием молодого человека старательно занимались такие же, как мистер Кайан, завзятые дуэлянты и знаменитые стрелки. Кайан поддерживал тесные дружеские отношения с семьей Диллона и часто выступал секундантом этого джентльмена.

Когда господа Берк и Бодкин со своими секундантами

собрались квартетом около Глинска, старый слуга подумал, что группа, должно быть, собралась преподнести подарок нынешнему сэру Джону Берку, который был тогда младенцем, показав ему, как дерется папа.

Сэр Джонах рассказывает: «Один из наиболее гуманных людей, которых я знал, и мой близкий друг, а ныне известная общественная личность – но кто часто сходился клинок к клинку и дуло к дулу, как говорят, успокаивал маленького сына словами: «Перестань плакать, будь хорошим мальчиком, – говорил мой друг. – Не плачь, а утром *мы их всех перестреляем*». – «Да, да, утром мы их всех застрелим», – отвечал ребенок, вытирая глазки и радуясь этому обещанию».

«Судя по моим воспоминаниям, национальная склонность к дуэлям и кровопусканию носит едва ли не всеобщий характер, беря начало в духе и обычаях былых времен. Когда человек с яркими амбициями изощряется в постижении этого искусства, он естественным образом приходит к выводу, что человекоубийство – это самый *честный* способ (хотя неизвестно, кто погибнет), самый рыцарский и благородный из всех; и из этой идеи проистекает наше старательное культивирование искусства дуэли».

Около 1777 года наши *дуэлянты* пользовались большой славой в Ирландии – никто из молодых людей не мог считать свое образование законченным, пока не обменяется выстрелами с кем-то из своих знакомых. Первые два вопроса, которые задавались относительно происхождения и квалификации молодого человека, особенно когда он хотел жениться и просил руки, гласили: из какой он семьи? он когда-нибудь получал шрамы?

В Типперэри и Голуэе были лучшие школы дуэльной науки. Голуэй отличался самым научным подходом к шпаге. В Типперэри практиковалась отменная стрельба из пистолетов; в Мейо никогда не промахивались, а в Роскоммоне и Слайго были лучшие профессора в прошедшие, отмеченные свинцом, времена.

«Когда я был в университете, Джемми Кеог, Бак Инглиш, Косей Харрисон, Кроу Райан, Редди Лонг, Эмби Бодкин, Талтон, Блейк, Фицджеральд и несколько других разбирались в вопросах чести лучше, чем кто-либо в Ирландии, и на них постоянно ссылались».

На севере лучшими знатоками были Фаллоу и Фентоны, и многие графства могли гордиться ими. Нынешний главный судья присутствия по общим делам (в Норбери), скорее всего, был знаком с этими делами не хуже любого джентльмена в Ирландии. Тогда в каждой семье был ящик с семейными пистолетами,

который переходил к наследнику вместе с длинной шпагой в серебряных ножнах, чтобы потомки могли пользоваться ими.

Хотя в целом ирландцы обладают довольно мягким характером, трудно поверить, какие страсти заставляли их в прошлом драться друг с другом – и немедленно снова становиться друзьями. Действительно, дуэль была обязательной частью образования молодого человека и ни в коем случае не служила основанием для будущей вражды со своим соперником.

Оболганный человек обычно брал закон в свои руки и избавлял суд Королевской скамьи от многих хлопот, заменяя свои показания рапирой, а приговор – ящиком с пистолетами.

Каждое беспричинное оскорбление какого-то арендатора считалось оскорблением его лорда, и, если у него был взрослый сын, он, не теряя времени, мог потребовать удовлетворения от любого джентльмена за плохое обращение даже с кузнецом его отца.

Некий английский джентльмен, остановившись в дублинской таверне, услышал из-за деревянной перегородки, отделявшей его комнату от соседней, какие-то странные звуки и спросил у официанта, что там происходит, на что получил следующее исчерпывающее объяснение: «О, ваша честь, там всего лишь милорд К., который немного разминается со своей шпагой, потому что готовится к бою со своим лучшим другом, который гостил у него за обедом».

То, что этот дьявольский дух все же не утвердился в Ирландии, мы можем легко доказать с помощью тысяч анекдотов и случаев, которые имеются в нашем распоряжении и полностью оправдывают наше патриотическое желание представить эту тему вниманию понимающих людей.

ЗАМЕТКИ И СЛУЧАИ

В соответствии с принципом, который не может быть оспорен, тот, кто причинил вред, должен полностью расплатиться за него и, как говорит мистер Роское в своей «Жизни Лоренцо Медичи», ни в коем случае нельзя жертвовать принципом. Никто не может отказаться от полного и своевременного возмещения вреда, если он хоть в малой степени хочет обладать чертами характера, которые описал великий английский драматург:

> Он совершенен в своих поступках и мыслях,
> Он полон великодушия и благороден, как джентльмен.

У китайцев есть поговорка: «Признанная ошибка – наполовину прощенная», а некий уважаемый автор считает, что более почетно признать ошибку, чем никогда не совершать ее.

Мистер Морис О'Коннел в полной мере проявил здравый смысл и доброе чувство, приняв извинение от мистера Бейкера на месте дуэли, где противник мог его убить. Он был уверен, что у него нет необходимости драться на дуэли, чтобы доказать свою храбрость.

> ...Много опасностей окружает
> Человека, который имеет дело с холодной сталью.

Господа А. Мартин из Денганнона и Т. Блейк из Менло примирились на месте дуэли, не сделав ни одного выстрела, благодаря здравомыслию своих секундантов и обменялись сердечными рукопожатиями.

В июле 1819 года в Гибралтаре в случае с дуэлью американского и английского офицера капитан Гирдлстоун, секундант капитана Джонстона из 64-го полка, очень человечно посоветовал обменяться извинениями, и стороны тут же пожали руки друг другу.

В случае с Ридом и Стилом одна из сторон не стала извиняться в Каррикмакроссе (графство Монахан), но в городе Ньюри (по пути на остров Мэн, где должна была состояться дуэль) извинение было принесено и принято. Об этом факте сообщил советник Кернан, который был одним из секундантов.

Майор Хиллас в очень неосторожных выражениях написал о поведении господ Джона и Томаса Фентонов, но даже на месте дуэли он заявил, что, пока у него в груди бьется сердце,

извиняться он не собирается. Он был убит первым же выстрелом Джона Фентона, своего противника.

Когда друзья заставляли сэра Александра Босуэлла принести извинение, он, к сожалению, сказал: после того, что им написано, у него нет иного выбора, кроме как драться. У нас есть много случаев, когда не стоило уклоняться от извинений, в связи с чем хотелось бы привести следующий анекдот.

Один из участников диспута сказал своему оппоненту, что ему не нравится, когда его считают канальей. «Я бы хотел, – сказал тот, – чтобы вам также не нравилось вести себя как каналья».

СУДЬБА ВЫЖИВШИХ

Какой ужас должен посетить душу выжившего дуэлянта, говорит Хануэй; упреки, идущие из глубины сердца, и страх перед законом приводят его в смятение. Если бы речь шла только о смерти, то она – всего лишь долг, который мы обязаны платить природе, и, когда жизнь подходит к концу, сделать это надо благородно, но в таких обстоятельствах это ужасно. Ни ревущее пламя, ни шторма, несущие водную могилу для испуганных моряков, и наполовину так не ужасны, как леденящая сцена дуэли.

Полковник Пьюрфой, застрелив соперника на дуэли в Корке, потерял спокойствие души и стал памятником тех глупостей, которые заставляют человечество проливать кровь своих собратьев из-за каких-то частных ссор.

До того как состоялась фатальная дуэль между господами Колклоухом и Алкоком, стороны много лет поддерживали тесную дружбу и самая нежная привязанность жила в сердцах Колклоуха и мисс Алкок; она ждала будущего союза с избранником своей судьбы, который должен продлиться долгие и счастливые годы. Колклоух был опорой многих пожилых вдов и опекал всех соседей, кто попадал в трудное положение. Окружающие холмы были покрыты взволнованными зрителями этой дуэли, которые тщетно возносили молитвы ради спасения их давних друзей. Колклоух был убит, сердце мисс Алкок разбито, оставшийся в живых едва ли не потерял рассудок и через очень короткое время был призван к ответу, которого должен ждать каждый дуэлянт.

Майор Кембл неоднократно повторял, что он куда более несчастен, чем его погибший противник. Смерть Стакпола, павшего от его пули, привела к тому, что Кембл впал в глубокую тоску и скончался через четыре месяца после дуэли.

Генерал Гиллеспи больше никогда не был счастлив после трагической перестрелки с мистером Баррингтоном. В письме, полученном от мистера Бродигана, в котором идет речь о фатальной дуэли в Америке, он описывает, как мистер Барр, застреливший генерала Гамильтона, впал в прострацию; мы же можем привести несколько других случаев, которые дают читателю право воскликнуть:

Считаю, счастлив тот, кто погиб,
Ибо смерти приносят страдания выжившим.

НЕПОКОРНЫЕ ДУЭЛЯНТЫ

Секундант всегда должен покинуть место встречи, если дуэлянт к нему не прислушивается. В ходе дуэли между капитанами Д. и С. в Хаунслоу (ныне на западе Лондона) секунданты отказались присутствовать при дуэли, потому что их дуэлянты отказались от примирения.

Доктор Драй и мистер Кернс, секунданты Фредерика Э. Джонса, эсквайра, и капитана Парди, отказались присутствовать на месте, потому что после первого обмена выстрелами первый настаивал на продолжении дуэли.

Нам доводилось слышать о случае, в котором Генри Кэрролл, эсквайр, с неколебимой твердостью выступил против дуэли – мистер Кэрролл был джентльменом до мозга костей, личность которого была олицетворением чести; он с решительной неприязнью относился к дуэлям, и мы считаем, что он всегда прилагал все усилия, дабы добиться примирения сторон, когда его призывали в роли секунданта.

ОТОЗВАННЫЕ ВЫЗОВЫ

Было немало случаев, когда послание отзывалось, исходя из понимания, что такой отзыв может привести к достойному примирению. Раньше в таком случае предполагалось, что автор вызова ошибался и дело окончательно завершено.

В деле, где мне пришлось выступать в роли секунданта одного офицера, вызов был отозван, взаимные извинения принесены, и стороны достигли примирения.

В случае Магуайра и Лихи мистер Кроуфорд, как секундант первого, согласился отозвать вызов, исходя из понимания, что последний в таком случае принесет свои извинения.

ОТКАЗ СТРЕЛЯТЬ В ОСКОРБЛЕННОГО СОПЕРНИКА

Некоторые личности после выстрела соперника не пытались отвечать на него. Герцог Йоркский, который был горячим почитателем нашего кодекса, заявил, что явился на место дуэли лишь с целью дать удовлетворение полковнику Ленноксу, и разрядил пистолет в воздух. Маркиз Англси, от которого мы тоже получили благодарность за наши труды по этой теме, отказался стрелять в полковника Кадогана, и капитан Гарт последовал его примеру, не выстрелив в сэра Джейкоба Астли.

ЗАМЕНА ВЫСТРЕЛОВ

Офицер, который пишет на эту тему, говорит: «Я хочу обратиться ко всем, кто когда-либо пускал в ход свой пистолет, может ли он представить себе что-то более ужасное, что-то более невыносимое, чем те секунды, когда разыгрывается жребий на право первого выстрела – и можно ли ставить на кон жизни дуэлянтов».

ОСЕЧКА – ТО ЖЕ САМОЕ, ЧТО И ВЫСТРЕЛ

В фатальной дуэли Ньюбурга и Корри у первого произошла осечка, и, когда он готовился ко второй попытке, секундант сообщил ему, что осечка считается выстрелом. В случаях, которые мы собрали, есть описание еще нескольких таких же историй.

ПУСТИТЬ КРОВЬ ИЛИ СТРЕЛЯТЬ В ВОЗДУХ

Наверное, надо обладать духом подлинного убийцы, чтобы стрелять в джентльмена после того, как тот разрядил свой пистолет в воздух. (Именно так поступил Мартынов, убивший выстрелившего в воздух Лермонтова. – *Ред.*) Не так уж важно, выбраны ли шпаги или пистолеты, но появление крови должно тут же положить конец дуэли. Как-то один из дуэлянтов потребовал другой пистолет после того, как инициатор дуэли заявил, что он полностью удовлетворен, но секунданты очень убедительно объяснили, что он «явился, дабы дать удовлетворение, а не получить его».

ОТКАЗ ОТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ХЛЫСТА

В добрые старые времена удары хлыстом и тростью были среди излюбленных обычаев, господствовавших в Ирландии до публикации этого кодекса, но это изменение вкусов публики не заслуживает ни капли сожалений.

Среди многих случаев, собранных для публикации, есть история о некоем полковом хирурге, который, грубо пустив в ход хлыст, потом изъявил желание с соответствующим извинением вручить его тому, кто вызвал его на дуэль, но испугался, что сей справедливый поступок может лишить и его самого, и семью средств к существованию, когда все обстоятельства станут известны его коллегам-офицерам. Его благородный соперник предложил, что он сам возьмет хлыст у него из рук, словно так и надо, и унесет его с собой.

Секундант советника Хатчелла заверил автора, что в дуэли, которая, к сожалению, оказалась фатальной для мистера Морли, он с любезного разрешения советника был готов принести извинение и сообщить, что тот отказывается от своего права ответить на оскорбление, которое нанес ему противник, прикосновением перчатки к лицу. Это обстоятельство оказывает честь мистеру Хатчеллу, отцу большого семейства, который проявил себя очень благородным противником.

В печально завершившейся дуэли между Блейком и Берком, хотя хлыст пустил в ход Берк, первый был готов принять любые приемлемые извинения, но Берк пал жертвой своего упрямства.

ИСХОД ВЫБОРОВ РЕШЕН ВЫСТРЕЛОМ

Действуй Джон Колклоух с должным уважением к тем интересам, которые он в силу профессиональных обязанностей защищал, он мог сказать секунданту своего противника: «Сэр, у меня нет никаких личных разногласий с моим добрым другом Алкоком, мы всегда поддерживали самые близкие отношения, и я не вижу оснований решать наш спор о представительстве графства Уэксфорд на дуэли. Я знаю, что свободные землевладельцы очень хотели моего возвращения, за что я им весьма обязан, но в случае печального исхода пусть они не считают его своим поражением».

ОПАСНОСТЬ ПУБЛИЧНОСТИ

В случае с сенатором О'Коннелом и д'Эстерре невозможно было предполагать результат гибели О'Коннела. Дуэль была бессмысленно навязана ему противником, известие о ней разнеслось, и место ее проведения было окружено тысячами «импульсивных детей», которые считали уважаемого джентльмена защитником их символа веры и страны. И кто тогда мог переубедить их? Мы решительно придерживаемся мнения, что дуэль не должна была состояться. У О'Коннела не было никаких личных разногласий с д'Эстерре, и, будь он так груб, что оскорбил бы советника, последний доставил бы его в суд Королевской скамьи, как в подобном случае сделал бесстрашный Курран. Тем не менее обстоятельства станут известны потом, вынудив О'Коннела доказывать, что он отнюдь не гордится тем, что убил д'Эстерре.

УМЕНЬШИТЬ ЦЕЛЬ

Среди ошибок, допущенных в случае с Бриком, была команда стрелять, отданная секундантом мистера Брика в то время, когда его дуэлянт готовился извиниться за допущенную неловкость. Она была допущена из-за его неопытности, дуэлянт стоял лицом к противнику, который без чрезмерной спешки смог выстрелить в него до того, как тот вскинул свой пистолет. Мистер Брик с самого начала стал жертвой неумелого управления ходом событий.

Господа О'Ферралл и Фентон, которые были секундантами при встрече майора Хилласа и мистера Джона Фентона, постарались до предела уменьшить размеры своих дуэлянтов. Майор Хиллас, бросив сюртук на землю, предстал в черном жилете с рукавами явно для того, чтобы как можно меньше бросаться в глаза противнику. Причина его действий заключалась в том, что в таком черном жилете фигура кажется меньше по размеру. Другой способ уменьшения размера фигуры, в которую будут стрелять, описал офицер, который упоминается в данном случае: «Выставляя вперед ногу и готовясь целиться, вы добьетесь того, что зрительно ваше тело будет ниже на несколько дюймов, и много толковых или дурных голов было спасено таким образом».

ДИСТАНЦИЯ

В истории майора Хилласа и мистера Фентона дистанция была отмерена небольшими камнями, которые не позволяли сторонам двигаться навстречу друг другу.

Офицер, писавший на эту тему, говорит: «Измерение дистанции целиком возлагается на секундантов, которые не должны позволять себе ни излишней пылкости, ни враждебности, но обязаны лишь прикинуть, не приведет ли отмеренная дистанция к излишне кровавому исходу; иногда она бывает равна семи или восьми ярдам, а это значит, что дула пистолетов будет разделять не больше четырех или пяти».

И любой человек, умеющий соображать, должен решить, не кончится ли это для его друга невозможностью избежать гибели.

Странно подумать, что секунданты могут действовать так непродуманно – или какими принципами они руководствуются? В самом ли деле они придерживаются холодного, дьявольского замысла умертвить одного или другого из своих друзей? Неужели их не устроит, если будет отмерена нормальная дистанция, приличествующая джентльменам, которая позволит искупить любое оскорбление и в то же время оставить шанс, что оба останутся в живых и после достойного примирения будут жить дальше?

Благожелательность должна дать нам надежду, что секунданты, которые тем не менее допустили такие ошибки, ошибались лишь по невежеству или несообразительности; и когда это им убедительно объяснят, они исправят эти свои неразумные поступки, которые могут привести к кровавым последствиям. И есть все основания надеяться, что в будущем секунданты будут более внимательными и уважать жизнь и благополучие своих друзей.

Но из-за непредусмотрительности секундантов часто бывает, что вместо обговоренной дистанции в десять ярдов стороны тем не менее стреляются на восьми: не получив специального запрета, противники выдвигают ногу – таким образом стороны сокращают оговоренную дистанцию на ярд с каждой стороны.

Секундант всегда должен сделать четкую и ясную отметку дистанции и недвусмысленно запретить переступать ее, когда стороны готовятся обмениваться выстрелами.

Когда советник Кернан был в армии и стрелялся с капитаном Сандисом, у последнего не было секунданта. Он настаивал об обмене выстрелами на шести ярдах и зарядил пистолет для этого расстояния. Но главный хирург, который прибыл убедиться,

чтобы все было по правилам, присоединился к протесту секунданта мистера Кернана, настаивавшему, чтобы дистанция составляла не менее двенадцати ярдов, что при первом выстреле спасло жизнь мистера Кернана. Он получил лишь легкое ранение в бок пулей, которая с расстояния в шесть ярдов пробила бы ему сердце.

После того как мистер Кернан пришел в бар, ему пришлось стать секундантом мистера Фицджеральда. Секундант другой стороны, выбиравший место, настаивал на дистанции в семь шагов. К. ответил, что, поскольку оба соперника отличаются высоким ростом, он возражает против такого короткого расстояния, и покинул место дуэли.

Мистер К. был также приятелем мистера Роберта Хиксона. Когда тот получил вызов от мистера Прендергаста и обговаривалась дистанция, он предложил двенадцать шагов. Друг мистера П. настоял, чтобы противники двигались навстречу друг другу и чтобы каждый сам выбирал момент выстрела. Мистер К. не смог отговорить противную сторону от столь кровавого образа действий и при полном одобрении присутствующих лиц увел своего друга.

Учитывая, что дуэль между лордом Камелфордом и капитаном Бестом, стрелявшимися на тридцати шагах, кончилась гибельным исходом, а пистолет бьет на гораздо большее расстояние, излишне спорить, чьему существованию угрожает дистанция в десять или двенадцать шагов.

ОТВЕРГНУТЫЕ ВЫЗОВЫ

Несколько лет назад английский баронет отказался от встречи с джентльменом,

> ...чей ранг
> был невысок, но благородна душа,
> сиявшая как щит с гербом.

Друзья этого отвергнутого джентльмена опубликовали свои мнения о его личности – и общественное мнение так решительно осудило баронета, что он передумал и выразил желание драться, но выяснил, что уже слишком поздно, потому что друзья отвергнутого решительно отказались допускать его до встречи с баронетом. Баронет ни в коем случае не напоминал Баярда (Пьер Террайль де Баярд (1473 – 1524), пал в бою), «рыцаря без страха и упрека», хотя его противник никоим образом не пытался убедить общество, что уж он-то настоящий джентльмен.

Лейтенанту Джонстону не столь уж повезло в Юэлле, где, совершенно беспричинно оскорбив мистера Томаса Барри, он отказался встретиться с ним или извиниться, потому что тот был сыном аптекаря. Когда об этом рассказали герцогу Шаннону, тот заявил, что, будь он вызван мистером Барри-младшим, он бы не имел возражений против вызова. Стороны сошлись, и Джонстон пал жертвой своей грубости и глупости.

ПРИСУТСТВИЕ ХИРУРГА

Мистер Хевисайд, хирург, был приговорен судьей Фордом к заключению в Ньюгейте по делу об убийстве, хотя хирург присутствовал на месте дуэли лишь в силу своих профессиональных обязанностей. За хирурга был предложен большой залог, но мистер Форд отказал в нем, заявив, что и дальше будет осуждать тех, кто присутствовал на месте дуэли со смертельным исходом. Когда хирурга или других присутствующих ждет такая нелегкая судьба, кто усомнится в его праве предложить мирный исход, пусть даже его о нем не просят.

Если на присутствующих при дуэли лежит такая большая ответственность, то закон дарует им и властные полномочия. Блэкстоун говорит: «Скандал или драка между двумя и более лицами в публичном месте могут быть пресечены любым из присутствующих лиц; разводя участников конфликта, такой человек действует вполне оправданно и похвально, невзирая на последствия. Обычный скандал наказывается штрафом и тюремным заключением, продолжительность которого зависит от обстоятельств данного случая, а если есть какие-то отягчающие обстоятельства, то наказание, соответственно, отягчается. Если два лица обдуманно и сознательно договорились о дуэли, что связано с опасностью убийства, то это является подчеркнутым пренебрежением к законам страны и серьезно отягчает факт конфликта, пусть даже он и не завершился печальным исходом».

ШУТКИ И ГРУБЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Будет только справедливо упомянуть, что чрезмерная фамильярность ведет к охлаждению отношений и порой даже к враждебности; и джентльмены должны очень тщательно блюсти достоинство языка и поведения и в самых близких дружеских отношениях.

В 429-м номере «Спектейтора» есть прекрасная статья о неуместности слишком большой фамильярности между знакомыми – эту статью мы рекомендовали бы для тщательного обдумывания.

У Харви Астона было много хороших качеств, но ему была свойственна большая склонность к насмешкам. Из-за этого он не раз вступал в конфликты и столкновения, обрел репутацию профессионального дуэлянта, но несколько лет назад пал жертвой своего поведения.

Среди интересных случаев, которые мы собрали, есть грустная история о том, что случилось между господами Френчем и Диллоном, двумя молодыми людьми, которые вместе с другими веселились, играя в чехарду на лужайке перед гостеприимной ирландской усадьбой мистера Планкета, что рядом с Роскоммоном.

В мае 1760 года майор Гловер из милиционной армии Линкольншира был на репетиции пьесы в манчестерском театре. За ним шел мистер Джексон, аптекарь, и он явно в шутку толкнул майора; тот обернулся и ударил Джексона стеком, тоже пошутив: «Как, Джексон, это вы?» – на что Джексон с жаром выпалил: «Сэр, хоть вы и майор, но я не потерплю от вас такого обращения!» Удивленный майор ответил: «Господи, что вы имеете в виду? Я так же, как и вы, всего лишь пошутил». Джексон продолжал настаивать на встрече и никак не мог успокоиться. Они пошли в отдельную комнату в кофейне. Джексон получил смертельное ранение, после чего майор Гловер вынес его в зал, прося о помощи, а мистер Джексон успел признать, что вина лежит только на нем.

В случае с Кифом и Фицджеральдом в Ати первый получил удар хлыстом, но было достигнуто примирение. Но к сожалению, Фицджеральд, развлекаясь, кинул через стол несколько орешков в мистера Кифа, у которого такое поведение вызвало воспоминание о прошлой ссоре, что привело к смерти мистера Фицджеральда от первого же выстрела. Еще один пример гибельных последствий грубых шуток.

ВРЕМЕНА ГОДА И ПОГОДА

Джентльмены не должны располагаться на месте дуэли при ветре, пыли, дожде со снегом, снегопаде, ливне, граде или так, чтобы солнце светило кому-то в лицо.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СЕКУНДАНТ

Когда господа Джон Кембл и Айкин дрались на дуэли, у них обоих единственным секундантом был старший мистер Баннистер, что само по себе было довольно опасно.

ПИСТОЛЕТЫ

Вне всяких сомнений, им надо отдать предпочтение перед шпагами. «Я часто благословлял Бо Нэша, – в своих «Воспоминаниях» говорит О'Киф, – на отмену шпаг. Дуэли на пистолетах достаточно опасны, но и тогда даже у самого разъяренного человека есть шанс, что всевидящее Провидение не позволит, чтобы гнев застил ему глаза».

Всегда необходимо отказываться от пистолетов с длинным, как у карабинов, стволом. Заряжать пистолеты должен один из секундантов в присутствии другого, и, поскольку оба выбраны сторонами, как люди с высоким чувством чести и порядочности, каждый секундант может зарядить пистолет противостоящего дуэлянта. Секунданты лордов Веллингтона и Уинчелси доверили заряжать пистолеты присутствующему хирургу. Ни один из пистолетов не должен содержать две пули, ибо такой заряд может без необходимости причинить тяжелое ранение. Пыж должен быть таким, чтобы он не следовал за пулей, ибо мельчайшая часть посторонней материи, если хирург ее не заметит и не извлечет, может повлечь за собой гангрену и смерть. Пистолеты не должны быть взведены, когда их вручают участникам дуэли, кроме того, они должны быть вручены дуэлянтам одновременно, а не по очереди.

ДВОЙНЫЕ ДУЭЛИ

Никому из джентльменов не позволяется драться с двумя разными противниками за одно и то же оскорбление. Когда мистер Лонг Уэлсли дрался в Кале с мистером Креспиньи из-за оскорбления, нанесенного его отцу, брат дуэлянта заявил, что он тоже хочет получить такое же удовлетворение, на что мистер Уэлсли дал согласие; но секунданты, полковник Фримантл и капитан Брук из гвардии, заявили, что мистер У. сделал все, что от него ожидалось, и не должен драться с братом своего противника, после чего все покинули место дуэли.

ПИСЬМЕННЫЕ ЗАЯВЛЕНИЯ

Подлинная причина ссоры должна быть исчерпывающе изложена вместе с вызовом и ответом на него. Описание дуэли должно быть скреплено подписями обоих секундантов. Тем не менее, если секунданты не могут выработать общую точку зрения, они, посоветовавшись с теми, кто присутствовал на месте дуэли, могут высказать свое личное впечатление, которое не должно быть оскорбительным для другой стороны, поскольку два свидетеля одного и того же события могут расходиться в его описании.

БЛАГОРОДСТВО СОПЕРНИКОВ

Мистер Клайв, впоследствии лорд Клайв, будучи в Индии, поссорился из-за карточного долга. За его противником осталось право на выстрел. Тот подошел к нему и сказал: «Подумай о своей жизни, возьми назад свои слова и уплати деньги». – «Стреляй и провались ко всем чертям!» – ответил Клайв, на что его соперник сказал, что он слишком храбрый человек, чтобы погибнуть от выстрела.

Когда дуэлянты господа Маклохлин и О'Меара оба получили достаточно тяжелые ранения, Маклохлин первым делом поинтересовался судьбой свого противника, выразив надежду, что тот не так страдает, как он сам.

Когда член американского конгресса стрелялся с доктором Карсоном, тот выразил большое удовлетворение, узнав, что его противник избежал ран.

Харви Астон, получив смертельное ранение от полковника Аллена, взял его на прицел, но затем опустил пистолет и сказал: «Я могу убить его, но не хочу, чтобы последнее действие в моей жизни было бы актом мести».

Взаимопрощение и сердечное примирение сторон всегда должно отменно способствовать залечиванию ран.

СМЕЛОСТЬ

Сказав достаточно много на эту тему, мы тем не менее хотели бы процитировать авторов, чьи мнения достойны внимания.

«Смелость, – говорит известный писатель, – это твердое и неизменное состояние мышления, в результате чего человек обретает решимость никогда не страшиться никакого зла, понимая, что такой выбор – лучшее лекарство против еще большего зла».

Шекспир говорит:

> У тебя есть право быть великим,
> и ничто не поколеблет тебя.

И совершенно справедливо сказал другой из наших поэтов:

> Пусть в мудрости твоей есть порочность,
> а в отваге – чрезмерная лихость,
> Это лучше, чем быть идиотом, лучше,
> чем слыть мошенником.

ХВАСТУНЫ

Некий джентльмен, который украсил свою трость пистолетной пулей и пригласил приятелей явиться и посмотреть, как он перестреляет *воронью стаю адвокатов*, через несколько лет был убит на дуэли в Ирландии.

В 1824 году в Бордо поссорились англичанин и французский офицер. Англичанин побился об заклад на дюжину шампанского, что первым же выстрелом срежет усы своего соперника.

«Придержи язык, – сказал однажды такой хвастун в холле театра Друри-Лейн, – или я положу тебя между двумя кусками хлеба с маслом и съем, как анчоуса».

Мы можем привести еще несколько примеров плохого вкуса, как вышесказанные, в которых нет и следа джентльменского поведения, хотя его можно встретить в разделах под самыми разными заголовками.

РЫЦАРСКИЙ СУД ЧЕСТИ

Судья Блэстоун говорит: «Требуется немалая степень спокойного мужества, чтобы противостоять угрозе незаслуженного оскорбления, проистекающего из ложного понимания чести, так широко распространенного в Европе, что даже самые строгие запреты и наказания со стороны закона никогда не будут достаточно эффективны для искоренения этого печального обычая – разве что будет найден способ, при котором инициатор конфликта сможет дать оскорбленной стороне другое удовлетворение, приемлемое для мира, а не то, которое сегодня подвергает опасности жизнь и благополучие оскорбленного лица».

Рыцарский суд в Англии полностью потерял свое значение. Со времени казни Стаффорда, герцога Бекингема, во времена правления Генриха VIII в нем не было постоянного верховного констебля. Власть и обязанности этого суда были столь неопределенными, что, когда главный судья Фино спросил у Генриха, как далеко они простираются, тот отказался отвечать; он сказал, что решение этого вопроса зависит от силы оружия, а не от законов Англии.

Раньше этот суд проходил под совместным председательством лорда верховного констебля и графа-маршала Англии, но после осуждения Стаффорда и соответствующего упразднения должности лорда верховного констебля он с должным соблюдением гражданских норм собирался лишь в присутствии графа-маршала. В соответствии со статьей 12-й его устава, суд рассматривал правомочность ситуаций, связанных с применением оружия и военных действий как в пределах королевства, так и вне их, и несогласие с его решением немедленно представлялось лично королю. Этот суд пользовался высокой репутацией во времена подлинного рыцарства и потом, когда наше влияние распространилось на тех территориях на континенте, которыми владели наши принцы; но теперь из-за неопределенности и немощи его юрисдикции он совершенно вышел из употребления, и требуется авторитет власти, чтобы придать силу его решениям, ибо он не может ни наложить штраф, ни заключить в тюрьму.

Такое судебное учреждение, как суд чести, должно дать удовлетворение всем тем, кто оскорблен в ситуациях столь непростых, – они включают в себя оскорбление и словом, и действием, – что не подпадают под юрисдикцию обычного суда, а требуют особого подхода к вопросу возмещения: например, когда

солдата называют трусом или джентльмена – лжецом; такие ситуации не могут рассматриваться судами в Вестминстере или Дублине, но, с другой стороны, такой суд никогда не будет вмешиваться в дела, подлежащие рассмотрению в обычном суде. Он может только возложить на ответчика обязанность подчиниться правилу «Mendicium sibi ipsi imponere» или в какой-то иной мере подчиниться тому, чего требуют законы чести.

АНТИДУЭЛЯНТЫ

Много личностей из самых разных слоев общества, обладающих самыми разными талантами, высказывались против практики дуэлей.

«Какие смертельные междоусобицы, – говорит Герви, – какие жестокие кровопролития, какие жуткие бойни совершались во имя чести или каких-то светских церемоний».

Другой автор говорит: «Если бы люди дрались только потому, что не могут успокоиться, то в мире было бы куда меньше стычек».

«Если бы, – говорит принц Конде, – те, кто дерется на дуэлях, никогда бы не бросались словами, как идиоты или сумасшедшие, каковыми они на самом деле и являлись, если бы этот фантом чести, который был их идолом, представал лишь химерой и глупостью, если бы внимание к себе никогда не принимало форму мести, а было бы тем, чем оно и являлось, то есть злобными и трусливыми действиями, то возмущение по поводу какой-то обиды было бы неизмеримо слабее, но, преувеличенное, оно создает ложное впечатление, что под достойным ответом на оскорбление кроется трусость».

«Есть много людей, – считает Хануэй, – которые ведут себя благородно и достойно, и их смерть причиняет страдания другим. Давайте представим, что у него другие отношения с жизнью; предположим, что он женат на достойной и чувствительной женщине, что он прекрасный муж, послушный сын, любящий отец, преданный друг и к тому же горячий патриот своей страны. А теперь представьте, что он лежит, распростертый, на земле, павший от руки своего лучшего друга, которому еще вчера был предан до глубины души. Глядя, как кровь струится из его раны, представьте себе ту достойную женщину, которая делила с ним и счастье и невзгоды; из глаз ее текут слезы, и она взывает о помощи, которую никто из смертных не может ей дать; рядом с ней милые дети, которые еще не понимают, что один роковой удар лишил их всех радостей жизни и что Провидение отняло у них родительскую поддержку. Престарелый отец лишился сына, в котором для него заключались все земные радости, ради которого он хотел жить, и он с неизбывной печалью уйдет в мир иной».

Редко случается, чтобы люди, испытывающие склонность к дуэлям, совершенно необъяснимым образом выдвигали либеральные условия, при которых они могут получить сатисфакцию. Честному сельскому джентльмену не повезло очутиться в обществе двух или трех современных «людей чести»,

где он подвергся весьма оскорбительному отношению. Один из этой компании, прекрасно осознавая оскорбление, на следующее утро прислал ему записку, в которой сообщил, что готов дать ему удовлетворение. «Ну еще бы, – сказал этот простой честный человек. – Просто прекрасно. Прошлым вечером я, с трудом сдержавшись, ушел оскорбленным с головы до ног, а утром он вообразил, что даст мне удовлетворение, если проткнет меня шпагой».

Харви Астон рассказывал: «Как-то вечером я был в театре и обратил внимание, что в ложе, где было несколько дам, какой-то парень грызет яблоко. Я, не задумываясь, пальцем пропихнул яблоко ему в горло. Он ударил меня, я сшиб его с ног и задал ему хорошую трепку (полковник был известным драчуном и любил пускать в ход руки). Он вызвал меня, я прострелил ему руку, и этот дурак сказал, что получил удовлетворение».

Майор Хиллас, явившись на место дуэли, сказал: «Мне жаль, что ложные законы чести обязывают меня явиться сюда и защищаться, но я заявляю, что не испытываю неприязни ни к одному мужчине и ни к одной женщине на земле».

Когда Ирландией управлял лорд Талбот, некий офицер по фамилии Вернер или Вернон получил вызов от джентльмена, о котором было широко известно, что он любитель ссор и знаменит как меткий стрелок. Прислушавшись к здравым советам своих коллег-офицеров, В. отклонил вызов. Его превосходительство в знак оценки его выдержки тут же назначил мистера В. одним из своих адъютантов.

Хотя у нас есть случаи, готовые для публикации, в которых мы лично заинтересованы, мы сознательно воздерживаемся от обращения к ним в настоящее время и убеждены, что чувство справедливости, благородство и патриотизм джентльменов, чьи имена могут быть связаны с этими случаями, помогут им понять справедливые мотивы наших действий. Мы выражаем эту надежду в спокойном и дружелюбном духе, которым пронизаны все наши соображения о предмете дуэли, тем более что упоминаемые стороны носят достойные фамилии и не пытаются решительно защищать практику схваток один на один.

notes

Примечания

1

Полковник Монтгомери был убит на дуэли из-за собаки; капитан Рамсей – из-за слуги; отец Стерна был ранен капитаном Филипсом на дуэли из-за гуся; и существует известная история о джентльмене, который застрелил своего соперника из-за того, что тот неправильно подобрал анчоусов к каперсам.

2

Капитан Калланан свидетельствует, что преподобный мистер Саурин получил предложение скинуть свою рясу; преподобный мистер Ходсон в августе 1827 года в Булони дрался и ранил мистера Грейди, а в октябре 1825 года преподобный Х.Т. дрался с полковником В. между Сент-Омером и Касселем, и оба были ранены.

3

Мы никогда ни в письменном, ни в устном виде не употребляли никаких оскорбительных слов против какой-либо нации, личности или коллектива, о чем мы сейчас счастливы вспомнить. Человек, который не способен оценить благородство извинения Мура перед герцогом Ричмондским, достоин сожаления. «В конечном счете я буду прощен, – говорит патриотический композитор, – теми, кто нетерпеливо ждет возможности признать ошибку и устранить несправедливость».

4

Будучи польщенными любезным заверением герцога Веллингтона, что он *с большим интересом* ознакомился с «Кодексом чести» во время его публикации, мы надеемся, что герой многих сражений будет руководствоваться статьей VIII, которая рекомендует общественным деятелям жертвовать личными эмоциями ради чувства ответственности перед обществом.

М. Кэрон де Фроммenталль, королевский прокурор, когда писал досточтимому Дж.Р. Ходсону, протестантскому священнослужителю, который в Булони дрался с мистером Грейди и ранил его, сказал, что пастор «поддался варварскому предрассудку и, к сожалению, не смог избавиться от него».

5

Дублинские «Корреспондент» от 20 сентября, «Морнинг пост» от 25 сентября 1823 года и дублинский «Фрименз джорнал» от 12 августа 1824 года, а также лондонская «Сан» от 3 апреля.

6

Наш поистине достойный и уважаемый друг преподобный доктор Бертон, помощник капеллана Дублинского гарнизона, с удовольствием назвал наши воззрения на дуэли «Ежегодной Гамильтоновской премией»; и мы высоко ценим этот комплимент, потому что знаем, как он предан просвещению своих прихожан, к которым неизменно относится словно к собственным детям.

7

Если кто-либо сделает попытку уклониться от правил, одобренных на самом высоком уровне главнокомандующим британской армией и другими, чьи письма мы приводили во вступлении, его противник будет иметь право отказаться считать его джентльменом; и если какой-либо случай не будет успешно разрешен, его следует представить на рассмотрение арбитрам или судам чести, каковые мы предполагаем организовать в Лондоне или в Дублине.

8

Будучи польщенными любезным заверением герцога Веллингтона, что он *с большим интересом* ознакомился с «Кодексом чести» во время его публикации, мы надеемся, что герой многих сражений будет руководствоваться статьей VIII, которая рекомендует общественным деятелям жертвовать личными эмоциями ради чувства ответственности перед обществом.

Тем не менее, судя по переписке с лордом Уинчисли, его милость отвергает все, что может послужить благоприятному разрешению ситуации. Скоро суд чести сможет разрешить обе стороны.

9

В первом издании кодекса это предложение было сформулировано в статье II следующим образом: «Каждый джентльмен должен старательно воздерживаться от употребления кличек, передразнивания, оскорбительных шуток, от того, что принято считать грубыми развлечениями, и от непродуманной снисходительности к таким весьма вульгарным выходкам и неуместным ссорам, которые слишком часто имеют место». Тем не менее это положение было устранено, чтобы дать место более важному, которое составило статью X.

10

Руссо говорит, что одна вспышка ярости влечет за собой другую, не устраняя первую.

11

Испытывая определенное неудобство, но руководствуясь чувством общественного долга, мы были вынуждены осудить поведение секунданта мистера Брика в том случае, который оказался фатальным для достойного джентльмена. Вряд ли можно считать, что он потребовал бы больших усилий для своего урегулирования. Мистер Брик был поклонником данного кодекса, он и его противник были разумными людьми, их ссора была случайной, из-за третьего лица, и произошла в пылу страстей. Несложного объяснения было бы достаточно, чтобы спасти жизнь Брика и репутацию его секунданта. Окажись мы на том месте, могли бы стать между дуэлянтами и предотвратить пролитие крови, которую мы потом видели уже свернувшейся. Без сомнения, мистер Грегг, секундант мистера Хайеса, часто сожалел, что не встретился с мистером Фицджеральдом, и его излишнее соблюдение правил этикета лишь увеличило трудности этого весьма простого дела. Мы должны подчеркнуть печальную ошибку советчика мистера Брика в данном деле, за которую достойный джентльмен, скорее всего, и заплатил своей смертью.

Мы можем подтвердить это случаем, который находится перед нами.

13

Ярд – единица длины в английской системе мер, равна 91,44 см.

14

Мы знаем несколько случаев, когда секунданты были убиты или ранены.

15

Хирурги, которые, как покойный Джон Адриен и его сын, хорошо знакомы и с ситуациями, где затронута честь, и с ранами от пистолетных пуль, могут при посещении *разумных джентльменов* внести свои примирительные предложения. Мистер Хьюи пошел еще дальше – он даже заряжал пистолеты для лорда Веллингтона и Уинчисли. Как люди со стороны, которых в какой-то степени можно считать представителями общества и в чьих глазах любой джентльмен хочет выглядеть достойно, они менее вовлечены в конфликт, чем дуэлянты и секунданты, и своим своевременным вмешательством могут оказать воздействие на счастливое завершение ссоры.

16

Джентльмен, который немедленно приносит извинения, когда к нему обращаются за ними, должен испытывать немалое удовлетворение при воспоминании о том, что друзья и родственники обеих сторон были избавлены от больших тревог и волнений, которые обычно возникают, когда становится известно о ссоре и возможности поединка. Такая линия поведения куда предпочтительнее, чем стоять в ожидании выстрела, а потом разряжать пистолет в воздух. Конечно, если требуют извинений, их нельзя приносить слишком быстро.

17

Друг и родственник мистера Хануэя был вызван на дуэль человеком, которого он никогда не видел и не слышал. Тем не менее, как человек мужественный, он принял вызов, и исход был в его пользу – он заставил противника просить о милосердии; позднее тот признался, что у него не было иных мотивов для дуэли, кроме плохого настроения. Раны, которые он получил, вызвали к нему большое сочувствие; такое экстравагантное мероприятие закончилось для него благополучно лишь благодаря благородству человека, которого он спровоцировал показать свое искусство.

Доктор Додд дал такой ответ на вызов: «Сэр, Ваше поведение прошлым вечером убедило меня в том, что Вы подлец, а полученное утром Ваше письмо – в том, что Вы дурак. Прими я Ваш вызов, я буду и тем и другим. У меня есть обязательства перед Богом и моей страной, и нарушать их было бы бесчестием для меня. Я наделен жизнью и не могу не думать, что ставить ее на кон против Вашей было бы верхом глупости. Я считаю Вас недостойной личностью, но унизить меня Вам не удастся. Возможно, ухмыляясь этому письму, Вы будете втайне восторгаться своей грубостью, но помните: чтобы предотвратить убийство, у меня есть шпага, а чтобы наказать за оскорбление – трость». Маркиз Гастон де Ренти, блестящий аристократ, был солдатом и христианином; к тому же он обладал счастливой способностью примирять обе эти стороны своего характера. Он был командиром во французской армии, и ему не повезло получить вызов от лица, находящегося на той же службе. Маркиз ответил, что готов убедить автора вызова в ошибочности его действий; если же он не сможет убедить его, то готов попросить у него прощения. Тот, не будучи удовлетворенным этими словами, продолжал настаивать на встрече со шпагами в руках, на что маркиз отправил ему следующее послание: «Он принял решение не отвечать на это требование, поскольку на то существует запрет от Господа и его суверена; с другой стороны, он готов незамедлительно убедить противника, что все старания умиротворить его проистекают отнюдь не от страха перед дуэлью. Он должен каждый день заниматься своими привычными делами и готов защитить себя против любого нападения, которое может его ждать». Вскоре обе стороны встретились, и маркиз, а также его слуга были вынуждены защищаться; по прошествии небольшого времени и противник и его секундант были ранены и обезоружены. Затем маркиз доставил противников в свою

собственную палатку, где, подкрепив их сердечными средствами и позаботившись перевязать их раны, вернул им шпаги, которых они лишились после схватки, и отпустил их с заверением, что, будучи христианином и джентльменом, он никогда впредь не будет упоминать о несущественных обстоятельствах, связанных с его триумфом. Этому отважному аристократу часто приходилось наблюдать, что «подлинная смелость и благородство связаны с умением терпеть и прощать ради любви к Богу, а не сводить счеты; со страданием, а не с отмщением – потому что на самом деле это гораздо труднее». И добавляет: «У быков и медведей хватает смелости, но это смелость жестокости; сомнительно, чтобы человек, разумное существо, должен был бы вести себя подобным образом».

Некая рукопись Джонаса Хануэя, тайно похищенная и представленная в ложном свете, рассказывает о тревоге, которой был охвачен джентльмен, склонный к дуэлям, от которого мистер Хануэй получил письмо следующего содержания: «Сэр, насколько я понимаю, Вы автор бумаги подписанной....., в которой есть заглавные буквы, имеющие в виду, как я предполагаю, именно меня. Поскольку я всегда противостою попыткам нанести мне оскорбление, жажду, чтобы Вы встретились со мной в ****** и прихватили с собой шпагу. Ваш... и т. д.»

На каковое письмо поступил следующий ответ:

«Сэр, отвечая на Ваше послание, смысл которого, насколько я предполагаю, заключается в вызове на дуэль с Вами, я не понимаю, в силу каких причин Вы призываете меня к ответу. Я не собираюсь говорить Вам, являюсь ли я автором упоминаемой Вами бумаги или нет; но думаю, что мое представление о чести вынуждает сказать Вам, что я никогда не имел намерения причинить урон кому-либо; если же оскорбление все-таки нанесено, та же честь требует от меня искупить его, не впутывая своих друзей в сложности, связанные с дуэлью; со своей стороны, я всегда считал необходимым не спускать оскорблений, оставаясь в границах, которые требуют здравый смысл и религия.

Что же до встречи с Вами в ******, у меня нет никакого желания прогуливаться по такой погоде, еще менее я расположен драться из-за ничего; но шпага всегда при мне, готовая к использованию при каждом подходящем случае. Остаюсь Ваш и т. д.».

«В данном случае, – говорит мистер Хануэй, – мой противник был удовлетворен и, без сомнения, рад, что избавился от дуэли, как любой человек, кроме тех, кто отравлен вином или, что то же самое, гневом или же совершенно лишен способности к пониманию. Я могу предположить, что такие же чувства

испытывал и мой противник; встретившись, как он хотел, с моей шпагой, он бы скончался, за что, не сомневаюсь, мне был бы предъявлен счет – а что я мог бы сказать в свою защиту? Что я боюсь не Бога, а фантома общественного мнения. А что, если бы я убил своего противника и ситуация, представленная в лучшем свете, получила бы прощение со стороны человеческих законов? Могли бы все мои слезы раскаяния смыть с рук следы этого честного убийства?»

Сэру Ричарду Стилу, по его собственным словам, приходилось драться с несколькими тупоголовыми гениями, которые пытались «проверить на нем свое мужество», предполагая, что святой обязательно будет трусоват. Когда этот герой христианства убедился, что его разболтанный компаньон пренебрег своими обязанностями, он сел, чувствуя себя героем какой-то идиотской комедии.

Известный литератор поссорился с одним из своих знакомых; последний нашел повод для ссоры в следующем выражении из записки: «Моя жизнь к Вашим услугам, если Вы рискнете взять ее». На что тот ответил: «Вы сказали, что Ваша жизнь к моим услугам, если я рискну взять ее. Должен признаться, что не стану рисковать и брать ее. Благодарю Бога, что у меня не хватит на это смелости. Но хотя мне свойственна боязнь лишить Вас жизни, разрешите мне заверить Вас, сэр, что я в той же мере благодарен Высшему Существу, которое милостиво наделило меня достаточной решимостью нападать, чтобы защищать свою». Этот вдохновенный ответ достиг желаемого результата: резоны были услышаны, вмешались друзья, и примирение было достигнуто.

Некий американский джентльмен послал следующий юмористический ответ на вызов: «У меня есть два возражения по поводу дуэли: первый заключается в том, что я могу причинить Вам вред, а другой – в том, что Вы можете причинить вред мне. Я не вижу никакой пользы в том, что прострелю пулей какую-то часть Вашего тела; когда Вы будете мертвы, от вас не будет никакой пользы для целей кулинарии, какую мне могли бы принести кролик или индюшка. Я не каннибал, чтобы питаться человеческой плотью! Тогда чего ради я должен стрелять в человеческое существо, которое я никак не смогу использовать? У буйвола куда лучшее мясо, и хотя Ваша плоть может быть деликатной и изысканной, все же, чтобы она стала съедобной, потребуется слишком много соли. Во всяком случае, для долгой дороги она не годится. Правда, из Вас можно сделать хорошее барбекю, потому что по природе своей Вы енот или опоссум, но вот пока у людей нет привычки делать барбекю из человечины. Что же до Вашей кожи, то сдирать ее не имеет смысла, ибо она

лишь чуть лучше, чем у годовалого жеребенка. Что же до меня, у меня совершенно нет желания становиться на путь, который может плохо кончиться для кого-то; я испытываю опасение, что Вы можете попасть в меня, и поэтому я думаю, что куда полезнее держаться от Вас на расстоянии. Если Вы хотите опробовать Ваш пистолет, то выберите какой-нибудь предмет, дерево или дверь амбара примерно моих размеров. Если попадете, пришлите весточку, и я охотно признаю, что, будь я на том месте, Вы бы попали в меня».

Когда Октавиан (будущий Август) получил вызов от Антония на поединок, он очень спокойно ответил: «Если Антоний устал от жизни, скажите ему, что есть и другие пути к смерти, кроме острия моего меча».

Отважный сэр Сидни Смит во время осады Акры отправил подобное послание Наполеону, который ответил, что, если отважный рыцарь хочет повеселиться, он прикажет отметить несколько ярдов на нейтральной полосе и прислать к нему гренадера, габариты которого повышают шансы поразить его, добавив, что, если сэр Сидни попадет в его представителя, он честно предоставит ему все преимущества победы; но у него лично в настоящее время так много дел на руках, он тратит столько физических сил на эту страну, что не может позволить себе развлечения, приличествующие школьникам. Таков был отчет генерала об этой переписке, но в разделе «Из истории дуэлей» мы приводим подлинное описание Наполеоном этого случая.

Джонас Хануэй рассказывает, что его друг знал о случае, когда вызванный на дуэль закричал в кофейне: «Ты, ... , чем ты думал, посылая мне вызов? Ты что, считаешь, я такой дурак, что в отпущенное мне время жизни буду драться на дуэли?»

На встрече комиссии по банкротству в Андовере между мистером Флитом и мистером Манном, уважаемыми в городе адвокатами, возник спор, который кончился тем, что первый послал второму вызов и получил на него следующий поэтический ответ (вольный перевод):

В этот день, сэр, я имел честь получить два вызова.
Первый от приятеля Лэнгдона, второй от вас;
Если один приглашает *драться*, то другой *обедать*.
Я принял *его* предложение, а ваше должен отвергнуть.
И теперь, сделав сей выбор, я верю, вы признаете,
Что действовал я благоразумно и делал что должно,
Потому что при встрече, имея оружием лишь нож,
У меня мало шансов *сохранить* свою жизнь,
Ибо ваша пуля, сэр, может унести ее,

А вы знаете, что жить надо, пока живется.
Если же вы считаете, что я унижаю вас,
Решительно отвергнув вызов на встречу,
Уделите мне минутку, и я растолкую вам
Убедительные причины моего поведения.

18

Мистер Роллин говорит: «Никогда в истории греков или римлян, которые покорили так много народов и которые конечно же отлично разбирались в вопросах чести, прекрасно понимая, где идет речь о подлинной славе, за все века не встречалось ни одного примера такой приватной дуэли. Этот варварский обычай перерезать глотки друг другу, смывая выдуманное оскорбление кровью лучшего друга, который в наши дни называется благородством и величием души, был незнаком этим знаменитым завоевателям. «Они сохраняли, – говорит Саллюстий, – свои ненависть и отвращение для своих врагов и соперничали со своими соотечественниками лишь в чести и славе».

19

В собранных нами случаях можно найти сотни примеров, когда грубиян, оскорбивший или оклеветавший кого-то, убивает того, кого он задел своими словами или действиями. Тем не менее у нас есть описания более благородных историй; сейчас мы можем привести анекдот, полученный от Питера Пиндара: «Доктор Уолкот, несмотря на свойственную ему сатиричность характера, никогда не оказывался в затруднительном положении, которое серьезно обеспокоило бы его, если не считать случая с покойным генералом Маккормиком. «Мы вместе провели утро до полудня, – рассказывал доктор Уолкот, – когда какие-то сказанные мною необдуманные слова вызвали возмущение генерала. Он возразил. Я не пожалел ехидства, отвечая ему. Он ушел и на следующее утро прислал мне вызов. Время встречи было назначено на шесть часов, а местом поединка был выбран Грин, у Труро, где в это время пустынно. Без секундантов. Надо сказать, что окно моей комнаты выходило на Грин. Едва только встав с постели и одевшись, я отодвинул шторы и увидел генерала, который уже за полчаса до назначенного времени прогуливался по берегу реки. Солнце встало в облаках, утро было очень холодным, а зрелище генеральского пистолета и его заблаговременное появление на месте встречи конечно же имели целью подействовать мне на нервы. Пока я одевался, мне пришло в голову, что намерение двух старых друзей лишить друг друга жизни – это величайшая глупость. Решение было принято незамедлительно. Я позвал служанку: «Молли, тут же разожгите огонь в камине, сделайте несколько отменных тостов – и чтобы завтрак был готов через минуту-другую». – «Да, сэр». По моим часам до назначенного времени оставалось порядка минуты. С пистолетом в руках я вышел через заднюю дверь своего дома, которая выходила на лужайку. Я пересек ее подобно льву и подошел к Маккормику. Он сурово посмотрел на меня, но не произнес ни слова. «Доброго вам утра, генерал». Генерал поклонился. «Слишком холодное утро для дуэли». – «Есть только один выход», – отчужденно произнес генерал. «Предполагаю, тот, который вы, солдаты, называете извинением! Мой дорогой друг, я готов двадцать раз принести его за свое вчерашнее неправильное поведение – но сделаю это с одним условием». – «Я не могу говорить об условиях, сэр», – сказал генерал. «Тем не менее я прошу вас принять его. Вы зайдете ко мне и вместе со мной отдадите должное хорошему завтраку, который уже стоит на столе. Я от всей души сожалею, если вчера оскорбил ваши

чувства, поскольку не имел намерения этого делать». Мы обменялись рукопожатиями, как старые друзья, и вскоре за чаем с тостами забыли наши разногласия; тем не менее я не люблю вспоминать эти пистолеты и то холодное утро. Я убежден, что много дуэлей могли бы кончиться столь же благополучно, будь у его участников такая же, как у меня, возможность увидеть из окна место дуэли в такое же холодное утро!»

20

Афинский флотоводец Фемистокл вступил в спор с командующим греческим флотом перед битвой у Саламина спартанцем еврибиадом, и тот, как человек очень бурного темперамента, поднял свой посох, чтобы ударить Фемистокла. Тот сдержал возмущение, вызванное этой вспышкой (сейчас это называется джентльменским поведением), и сказал: «Бей, *но выслушай*». Фемистоклу не пришло в голову перерезать лакедемонянину горло, и он счел его страстную вспышку простительной слабостью соратника, лучшие качества которого перевешивали этот недостаток.

Было известно, что знаменитый актер Хендерсон редко позволял себе вспышки эмоций. Как-то в Оксфорде он поспорил с коллегой-студентом, который не смог сдержать свой темперамент и выплеснул ему в лицо стакан вина. Мистер Хендерсон вынул носовой платок, вытер лицо и спокойно сказал: «Сэр, вы отклонились от темы – а теперь приведите свои аргументы».

Сэр Уолтер Рейли издавна пользовался славой дуэлянта, и как-то, убив несколько своих противников, он испытал такое потрясение варварством этого обычая, что решил впредь никогда больше не драться на дуэли. Случилось, что в кофейне он вступил в горячий спор с каким-то молодым человеком, и тот опрометчиво плюнул в лицо ветерану. Сэр Рейли, вместо того чтобы, как обычно, пустив в ход шпагу, наказать его, спокойно извлек из кармана носовой платок, вытер лицо и сказал: «Если бы я мог стереть со своей совести грех вашего убийства столь же легко, как вытереть с лица ваш плевок, вы бы не прожили и минуты». Молодой человек был настолько поражен благородством поведения сэра Уолтера, что немедленно попросил у него прощения.

21

Рене д’Анжу, который описывал турниры, рассказывает нам, что перед началом схваток герольдмейстер обычно подводил какого-нибудь отважного рыцаря или эсквайра к женщинам и говорил: «Трижды благородный и смелый рыцарь, или трижды благородный и великодушный эсквайр, поскольку женщинам всегда свойственно испытывать сострадание в глубине сердца, они, которые собрались здесь в ожидании завтрашнего турнира, сообщают, что им было бы приятно, коль скоро бои у них на глазах не были бы слишком жестокими, и чтобы у них не возникала необходимость оказывать помощь. Посему они приказывают самым известным рыцарям и эсквайрам, собравшимся здесь, кто бы они ни были, нести справедливость на конце своего копья, и, если кто-то, не в силах вынести напряжения схватки, даст об этом знать атакующему, тот должен немедленно прекратить нападение и больше не прикасаться к своему противнику, потому что с этой минуты и до конца дня женщины берут его под свою защиту и покровительство».

22

Король Пруссии представил правительству свой приказ военному министру, обязывающий его сообщить армии неудовольствие его величества частыми дуэлями по ничтожным поводам, которые лишают страну многих способных офицеров и ввергают в траур их семьи. Его величество приказал, чтобы корпус офицеров и генералов бдительно следил и предотвращал этот гибельный предрассудок и в случае необходимости доставлял инициаторов вызовов в трибунал чести, в соответствии с указом от 15 февраля 1821 года.

23

Принц Евгений Савойский сказал Зиндендорофу: «Солдат настолько устает от необходимости быть жестоким во время войны, что в мирное время он отказывается вести себя подобным образом. Я бы хотел, чтобы каждый министр, который принимает решения об их службе, оказался бы среди них, дабы понять, что это такое. И тогда он немало бы поразмыслил и задумался, прежде чем решился бы пролить так много крови».

Хотя нам не нравится стиль, в котором изложены многие из наших историй и случаев, все же мы предпочитаем сохранить их в неизменном виде, который оказывает влияние при кое-каких деликатных описаниях.

1057 – 1093. (Примеч. ред.)

26

Игра слов: в английском языке слово *case* обозначает и *случай*, и *ящик*. (*Примеч. пер.*)